ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год. 9

— Палочки надо держать вот так.

Фото С. Карасева.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й.

СЕНТЯБРЬ

№ 9 · 1958 г.

В этом номере:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вехи на твоем пути

Человек отправился в путь... Может быть, ему предстоит идти по широкому шоссе, блестящему глянцем гудрона. Может быть, перед ним развернется проселок. Может, придется двигаться по узенькой лесной тропке, которую различишь лишь по примятой траве. А если зима, может статься, совсем запорошило дорогу, и тогда пробирайся в снегу по вехам, которыми кто-то заботливо указал тебе направление.

Смелее шагается, если знаешь, что избрал именно тот путь, который приведет к намеченной цели, если укажет тебе на это дорожный знак или встречный путник доброжелательно объяснит, как лучше пройти. Так и в жизни. Хороший совет—что компас, что дорожный знак. Тот, кто уже много ходил по земле, кто закалился в жизненной борьбе, как бы выставляет тебе, еще неопытному путнику, свои вехи: держись их и не заблудишься...

Ты член пионерской организации. Вступая в нее, в Торжественном обещании ты высказал свое самое заветное желание: «Горячо любить свою Советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия». Значит, ясна твоя большая цель. Значит, надо найти к этой заветной цели верную дорогу...

. . . .

Нашей стране нужно много металла. Металл — это тракторы и комбайны для целинных земель, это тепловозы и электровозы для новых сибирских дорог, это турбины для мощных электростанций, станки для заводов.

Но сколько этого сырья еще валяется просто на свалках! Вот хотя бы обыкновенные консервные банки. Знаете ли вы, что 100 консервных банок — это 7 килограммов железа и 150 граммов ценнейшего цветного металла — олова?

На снимке: пионеры Николаевской средней школы Наурского района, Чечено-Ингушской АССР. Их дружина за несколько дней собрала больше десяти тонн металлического лома.

А сколько металлолома собрал ваш отряд, ваша дружина?

До тебя к этой же гордой цели шли многие поколения. Шли за Лениным те, кто совершил Октябрьскую революцию, кто отстоял добытую свободу в боях гражданской войны. Коммунистическая партия, созданная Лениным, работающая по его заветам, позвала народ на великий подвиг — на преобразование отсталой и разрушенной страны. И наши деды и отцы, любя Родину, сделали ее могучей, сильной, непобедимой. Как к доброму человеку всегда тянутся люди, так и у нашей миролюбивой страны появилось много друзей во всех странах мира. Целые страны стали теперь братьями нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Вот видишь, как много сделали коммунисты-ленинцы, которых ты выбрал себе в пример! Это беззаветно храбрые, удивительно сильные, неподкупно честные люди. Быть вровень с ними — большая честь.

Завидный урожай капусты получила Галя Саблина. Кочаны плотные, белые, сочные, каждый весит шесть — семь килограммов! И не только капуста, но и морковь, и лук, и свекла, и огурцы уродились на пришкольном опытном участке совхозной семилетней школы Фаленского района, Кировской области, такие, каких нет ни у кого в районе.

Коммунисты знают, что пионеры мечтают трудиться и бороться во славу Родины, и заботятся о том, чтобы ты и твои товарищи накопили для этой борьбы силы и умения. По совету Коммунистической партии вожатый юных ленинцев — комсомол — выработал Законы юных пионеров Советского Союза. Давай-ка вместе прочтем их еще раз:

Пионер любит свою Родину, Коммунистическую партию Советского Союза. Он готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ.

Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины.

Пионер дружит с детьми всех стран мира.

Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив.

Пионер любит трудиться и бережет народное добро.

Пионер — хороший товарищ, заботится о младших, помогает старшим.

Пионер растет смелым и не боится трудностей.

Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда.

Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку.

Пионер любит природу, он — защитник зеленых насаждений, полезных птиц и животных.

Пионер — всем ребятам пример.

Не правда ли, эти законы похожи на вехи, указывающие верную дорогу в жизни? Неуклонно выполняя их, ты станешь таким

Имя пионерки Пустаханум Мамедовой, которая живет в небольшом пограничном городе Астрахан-Базаре, знают все ребята в Азербайджане. Вот она на фотографии, крайняя справа. Эта девочка проявила себя решительной, смелой, находчивой — настоящей пионеркой. Пустаханум задержала нарушителя границы. За это она награждена медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

же храбрым, таким же сильным и таким же честным, как коммунисты-ленинцы.

Может быть, ты скажешь, что все, о чем говорится в Законах, легко и просто, что это совсем непохоже на те большие дела, которые ты задумал совершить, когда вырастешь.

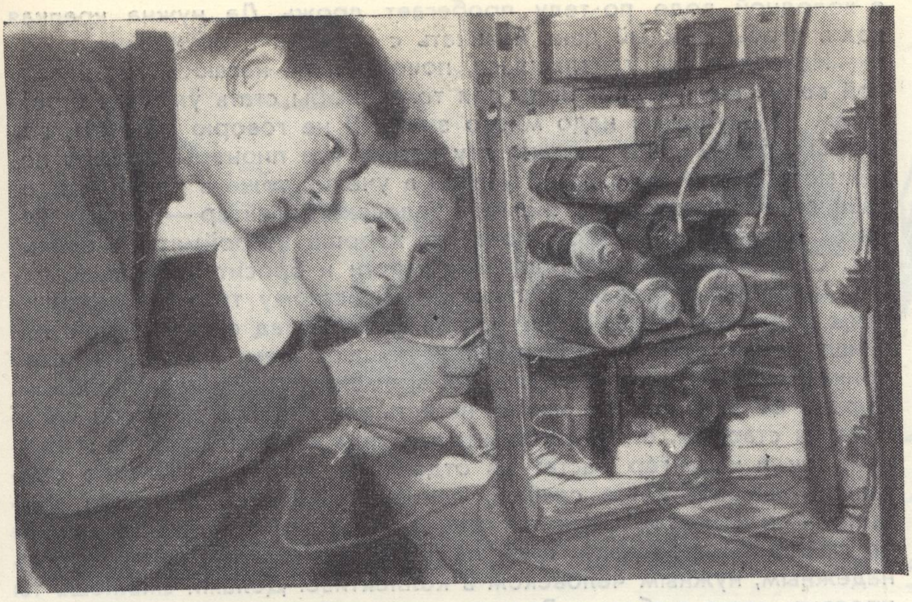
Давай подумаем вместе. А отдельный кирпич похож на дом? Конечно, нет. Но ведь без кирпича не будет и красавца-дома! А насчет легкости, если поразмыслишь хорошенько, пожалуй, признаешь, что и это не так. Возьми, например, закон, где сказано: «Пионер говорит правду». Легко ли это — не солгать никогда, ни в чем, ни при каких обстоятельствах?

Однажды я видела, как ребята играли в мяч. Захотели посоревноваться, кто дальше выбьет его ногой.

Один удар, другой, третий, и вдруг — дзинь! — летит стекло. Ребята сразу разбежались, будто их ветром сдуло. Конечно, начались поиски виновника. Впрочем, долго его искать не пришлось. Один мальчик сам подошел к рассерженной хозяйке окна и признался: это сделал я.

Как будто ничего особенного, правда? Большинство из вас скажет: так и нужно. Но знать, «как нужно»,—это одно, а поступить так — труднее... Посмотрели бы вы на этого мальчика: чтобы признаться, он собрал все свое мужество. И оно действительно требовалось здесь, потому что соседка была очень сердитая, потому что родители не погладят по головке за то, что сын стал причиной шумного скандала. Тоненький, выпрямившись во весь свой маленький рост, мальчик стоял перед разгневанной женщиной, стараясь объяснить ей, что он не нарочно, что если она разрешит, он попытается починить стекло. Мне захотелось заступиться за мальчика. Но я не успела. Раздосадованную женщину, видно, тоже покорила его правдивость. Потом она сама помогала ему составлять разбитое стекло, скреплять его замазкой. А на прощание даже утешила: с кем-де не бывает...

Между прочим, остальные ребята так и не показались во дворе в тот вечер. После они сказали товарищу:

Хорошо, когда у тебя умелые, ловкие руки и ты можешь не только учиться у других, но и сам чему-то научить, сделать что-то полезное для всех. Юные техники Кедайнской средней школы № 3 Литовской ССР построили электростанцию и дали в школу свет, смонтировали киноустановку и открыли свой кинозал, оборудовали радиоузел, и теперь в школьных коридорах на всех переменках звучит музыка, передаются экстренные выпуски школьных известий.

Мы сфотографировали юных техников в тот момент, когда они разобрали радиоприемник, задумав что-то в нем исправить или усовершенствовать.

— И охота тебе высовываться! Покричала бы и перестала. Никогда бы она не догадалась, кто попал в окно.

И я спросила мальчика о том же.

— Я знаю,— ответил он,— что она бы не догадалась. Но я постановил: научиться всегда говорить правду...

Он сказал это удивительно серьезно и даже торжественно; я порадовалась, что не помешала его мужеству своим сочувствием. Он был маленький и худенький, этот мальчик, но в моей памяти он остался очень сильным человеком...

А вот другой, совсем как будто несложный закон: «Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку». Его тоже вовсе не просто выполнить. Сознайся, ведь бывает, что утром ой как не хочется подниматься на гимнастику и при одной мысли

Вы, наверное, не сразу догадаетесь, что происходит на этом снимке. А дело вот в чем. После весенних разливов вдоль русла реки Урал образуется множество больших и маленьких озер, и в них остается рыбная молодь. Летом, в жару, озера пересыхают и мальки, если их не спасти, погибнут.

На спасение рыбы выходит вся молодежь Гурьевской области, Казахской ССР. Только один рыболовецкий колхоз «Еркенкала» спас за лето более двадцати двух миллионов мальков. Горячее участие принимают в этом деле и ребята — ученики средней школы.

На снимке вы видите, как бригада ребят этой школы выпускает мальков в реку Урал.

о холодной воде по телу пробегает дрожь. Да, нужна крепкая воля, чтобы каждый день начинать с зарядки и обтирания.

Наверное, ты удивляешься, почему я не касаюсь такой важной вещи, как учение? Ведь для того, чтобы стать умелым строителем коммунизма, надо много знать. Я не говорю об этом, во-первых, потому, что считаю: эту истину все пионеры хорошо понимают сами. А во-вторых, успехи в учении тоже в конце концов зависят от характера. Стойкий у человека характер — не отстанет он от книжки до тех пор, пока все хорошо не поймет, не запомнит. Слабый — прочитает для видимости и бросит учебник.

Да, дорогой товарищ, путь к доблестному труду, к героическим подвигам всегда лежит через победы над самим собой. Научишься сам себе приказывать, научишься сам выполнять свои приказания — значит, станешь со временем стойким и волевым. Спроси об этом самого что ни на есть уважаемого для тебя человека из старших, он подтвердит: как дом складывается из кирпичей, так и характер растет из отдельных привычек. Плохие привычки — выработается слабый, ленивый характер. Хорошие привычки — и характер сложится твердый. Ты без страха возьмешься за любое трудное дело: ведь ты не привык отступать. Ты будешь надежным, нужным человеком в коллективе. Делами сможешь ты проявить свою любовь к Родине — по-настоящему выполнять первейший пионерский закон.

...Чем больше пройдет по дороге народу, тем становится она шире. Широкую дорогу проложили для тебя, пионер, старшие поколения. Но жизненный путь не во всем можно сравнить с обычной дорогой. Путь в жизни каждый человек проходит по-своему. У каждого возникают свои препятствия. И преодолевают их люди по-разному. Иному малюсенькая кочка покажется с гору, а другой и большую канаву легко перемахнет. Партия и комсомол хотят видеть тебя в числе тех, кто шагает по жизни гордо и весело, в числе тех, чьи плечи не гнутся под тяжестью неудач, чьи глаза смело смотрят вперед, чьи руки в любую минуту готовы поддержать товарища. Недаром в твоих Законах написано: «Пионер— всем ребятам пример».

Л. Иванова

Писать письмо зарубежным друзьям, конечно, лучше всем вместе. Ведь надо не забыть рассказать обо всем самом важном и интересном; и о том, как недавно всей дружиной поработали на субботнике на строительстве нового жилого дома; и о веселых приключениях в походе, из которого только что вернулся отряд; и о новом сборе, который решили подготовить втайне от всей дружины; и о том, какие игрушки отряд мастерит в подарок для подшефных малышей... Да и мало ли еще о чем можно поговорить, посоветоваться с хорошим, верным другом, даже если он живет от тебя за тысячи километров!

Вот такая теплая, тесная дружба завязалась и у пионеров 49-й запорожской средней школы с китайскими пионерами из города Аньшаня.

Осип-с-гроша-сдачи

Повесть

Борис **ХАРЧУК**

Рисунки П. Павлинова.

1

Маленький Осип Таранчук с нетерпением ожидал вечера. Сегодня уже четверг, а будет ли он ходить в школу, нет ли, ему пока неизвестно. А батюшка еще в воскресенье после службы объявил, что занятия начнутся в пятницу. Правда, сам Осип в церкви не был: он, как всегда, пас овец,— но у соседских ребятишек только и разговору было, что о школе.

Вон у Маркиана Бородая даже башмаки уже есть. И как хвастался на выгоне этот богач, эта «Липовая колодка» (так дразнили неуклюжего Маркиана), своим новеньким букварем!

И почему мы не богатые, думает Осип. Тогда бы все было просто, а так отец вечно повторяет: «Учение только для панов! У них для этого и денег и времени — хоть отбавляй. Где уж мужику в школу соваться! — Отец зло сплевывает, вынув изо рта чубук.— Быкам хвосты крутить и в батраках выучимся!» Его лицо, и без того хмурое, кривится в горькой усмешке.

Страшновато Осипу открывать дверь в хату. Он не решается взяться за щеколду. Ему и так, через дверь, слышно, что говорят отец и мать. Но почему о нем ни слова? Осип уверен, что сегодня вечером все разговоры, кроме разговора о школе, лишние. Это должно быть ясно и малому и старому. А между тем он слышит, как отец сообщает матери, что Бородай обещал сдать ему в аренду десятину земли где-то за Терником, что обо всем уже как будто договорились.

Слышит мальчик и голос матери, тихий, ласковый такой. Нет! Ему не послышалось, это она и вправду так сказала:

— Ну вот видишь, Антон, нам и полегчает. Пошлем все-таки сына в школу.

— Какая мамуся добрая! — шепчет Осип.— Я всегда вас буду слушаться... я... я... никогда больше ничего не испорчу.

Но что скажет отец? Он молчит. И чего это он молчит?

— Ты думаешь, Ганна, я не понимаю? Что, я своим детям добра не желаю? Да я бы их в наивысшую школу... Но подумай, скоро зима. Мы же голые и босые!

Осип не может больше стоять в сенях. Он тихонечко отворяет дверь. Отец сидит под образами, подперев руками голову. Исподлобья осматривает Осипа. Мать стоит у припечка. Вот она взяла охапку сухого бурьяна и кинула в печь. И снова стала, уронив руки. Иванко, младший братик, в длинной, до пят, полотняной рубахе прыгает под столом, как зайчик. Кот Лимка выступает по хате, подметая пол пушистым хвостом.

Осип подходит к матери. Отец не спускает с него глаз.

— Тебе вон в школу надо, а сапог...

Глянул мальчик на свои ноги, а они босые, потрескавшиеся.

— Зимой мои обует, а пока и босиком можно.— говорит мать, ласково прижимая к себе сына.

— А деньги на школу, на тетради, книжки?

— Не печалься, Антон!

Мать сует еще бурьяну в печь, а потом идет в противоположный угол комнаты, где стоит сундук. Все ждут, что же будет дальше. У Осипа сладко бьется сердце. Так и есть, мать достает новую сумку (она больше той, которую Осип берет на пастбище) и вешает сыну на плечо. Ничего, что она из простого полотна, а не брезентовая. Мать не достала пуговиц, и поэтому сумка застегивается на палочку. Осип ощупывает ее руками, в ней что-то

шелестит. Раскрыл — а там тетрадь. Если бы отца не было в хате, Осип поцеловал бы маму. А так стыдно: он же большой!

— Ох, не доведет до добра эта школа! — роняет отец.

Но Осип знает, что теперь уже все решено. Завтра он будет в школе.

Новую сумку хочет поносить Иванко.

— Только не испачкай! — предупреждает Осип братика.

Иванко нацепил сумку себе на живот. Лимка тронул ее лапой, потерся усами и отошел.

Ужинали. Картошка в мундире никогда, наверно, не казалась Осипу такой вкусной.

После ужина мать снова открыла сундук и, когда собирались ложиться спать, подарила сыну блестящий медный грош.

— На карандаш будет,— сказала.

Осип от радости не может заснуть. От Маркиана он слышал, что карандаш стоит полгроша. «Пусть это пока будет тайной,— думает он.— Полгроша надо припрятать. Как-нибудь прикоплю к нему и куплю настоящий ножик-цыганок, с красной ручкой».

Не спит и Иванко. Он все возится под боком у Осипа.

— А ты меня возьмешь когда-нибудь в школу? — спрашивает он.

Это мешает Осипу думать, где лучше спрятать полгроша.

— Возьму, возьму!

— А конфеты в школе дают?

— Дают.

— А тебе завтра дадут?

— А как же!

Иванко облизывается. «Хитрый какой!» — думает Осип. Он не рассказывает брату, что у него будет завтра полгроша. В школе, конечно, никто конфет не дает.

— А ты мне принесешь конфетку? Вот такусенькую! — Иванко отмеривает на пальчике величину конфеты.

Осипу не по себе от этого вопроса, но не может же он остаться пустым хвальбишкой!

— Принесу! — говорит он, великодушно решив не откладывать полгроша на ножик с красной ручкой.

2

Утро в селе Бодаки наступает, когда солнце поднимается из-за горы Городище. Сегодня для Осипа утро началось раньше. Над Городищем только розовел край неба, а мальчуган уже выскочил из хаты на порог и закричал во всю глотку:

— Эгей! Ге-е-ей!

— Э... эге! — отозвалось эхо.

Всякий раз, вставая с постели, Осип будто хотел сообщить всем соседям, что наступило утро. За это его прозвали петухом.

К Осипу подбегает Мурзик и кладет ему на грудь вымокшие в холодной росе мягкие лапы. Пес знает, что для него припасено лакомство — кусок хлеба. Осип всегда дает его по крошечке, а сегодня сунул в разинутую пасть целый ломоть.

Вышла мать.

— Боже мой! Глянь, что Мурзик сделал с твоей чистой рубахой!

На груди у Осипа красуются следы Мурзиковых лап.

— Мама, а может, высохнет? — растерянно спрашивает мальчик.

— Горюшко ты мое, пойдем, я вытру, а то опоздаешь. Хорошо, что отец уже ушел.

И вот Осип уже выбежал из хаты с сумкой через плечо и с грошом, зажатым в кулаке. В загоне замемекали овцы. Белый баран просунул сквозь изгородь крутторогую голову. Он смотрел на своего пастуха и долбил землю копытом. Мальчик подошел к загону и ухватил барана за рога.

— Травки хочется? А это ты видел? — Он разжал кулак и показал новенький грош.— А рубаха, видишь, какая чистая? Мама из своей перешила. А это что? Это сумка для книг. Если бы ты не был бараном, так ты бы знал, что я иду в школу!

Баран любил, чтобы его брали за рога. Он охотно давал почесать свой затылок, и Осип никогда не отказывал ему в этой услуге. Баран, как будто благодаря, потешно кивал головой.

— С утра вас мама погонит, а я после обеда,— сообщил пастушок овцам и двинулся на улицу.

Мурзик хотел ухватить его за сумку, но мальчик пригрозил ему пальцем.

Мать стояла на пороге и смотрела вслед. Как ждала она того дня, когда проводит сына в школу!.. Вот он выбежал за ворота. С клена на землю упал желтый лист. Мать позвала Мурзика.

Школьник важно шагал по пустой улице села. Солнце уже поднялось над Городищем, и его первые лучи погладили голову Осипа. Навстречу шел дед Архип. Посасывая трубку, он тыкал перед со-

Мать подарила Осипу блестящий медный грош.

бой корявой палкой. Старый уже он был, видел плохо.

— Здравствуйте! — поздоровался с ним Осип.

— А, это ты? Здравствуй, козаче! Куда в такую рань?

— В школу!

— Вот оно что! А поди-ка сюда! — Дед вынул из кармана большое яблоко и протянул Осипу.

— Спасибо, дедушка.

— Бери! Их у пана Рачинского хоть пруд пруди.

Осип положил яблоко в сумку, где рядом с тетрадкой лежал кусок хлеба.

— Стало быть, в школу?.. Та-ак,— многозначительно сказал дед, разглаживая свою белую бороду.

— А как же!

— Торопись, торопись, козаче.

Дед Архип служил сторожем-садовником у пана Рачинского. Год этот выдался на редкость урожайный, и работе не было видно конца. Только утром сторож мог на часок отлучиться из сада: пан не любил, чтобы во время его прогулки сторож своим присутствием портил, как он говорил, пейзаж.

Осипу казалось, что все встречные — и сварливая тетка Химка и широкоскулый дядька Трофим — радуются тому, что он идет в школу.

До школы уже недалеко — нужно только спуститься вниз, перейти речку. Вот Осип уже на берегу. Он снял с плеч сумку и осторожно положил ее на траву. Нашел кусочек мела, расколол его надвое, помочил в воде и, растерев, принялся мыть ноги. Въевшаяся грязь отмывалась плохо.

«Эх, были бы башмаки — не было б лишней работы»,— думал Осип.

Вода в речке холодная. Осип тер мелом ноги, стиснув зубы. Ноги покраснели, как у гусенка, кое-где выступили маленькие капельки крови.

Тут и догнал его Бородай, который вел за руку своего Маркиана.

— И ты, волчонок, в школу? Ха-ха-ха! Родителю денег не хватило, чтобы сапоги купить, а он — учиться! — хохотал он.

Мальчик поднял сумку и перепрыгнул на кладку. У него перед глазами так и стоял Бородай, рыжий, жирный, в праздничном костюме и блестящих сапогах. Он был похож на самовар, который Осип видел в сельском шинке. Бородай пыхтел и тянул Маркиана за руку. На «Липовой колодке» был синий костюмчик, вышитая рубашка с отложным воротничком, а на ногах — желтые ботинки. За плечами на настоящих ремнях висел настоящий школьный ранец.

3

Школьный двор похож на большой круг. Слева — двухэтажный особняк пана директора. На балкон выставлены широколистые фикусы, красные герани в горшках. Справа — приземистое, с узкими окнами помещение школы. У двери стоит в белом фартуке школьный сторож, отставной капрал Кирик.

Осип остановился во дворе, не зная, куда идти. Он видел, что школьники разбились на три группы. Самая маленькая — под балконом. Там стояли те, которые пришли с родителями. Около дверей школы тихохонько, будто стыдились кого-то, жались друг к другу застенчивые девочки. А у самых ворот гомонила целая толпа мальчишек. Осип тоже втиснулся в нее. Мальчишки вопили на разные голоса:

— Мала куча! Куча мала!

Чьи-то крепкие руки ухватили Осипа за плечи, и не успел он опомниться, как очутился на земле. Сверху на него, как подкошенные, валились ребята, словно хотели в землю втиснуть. Осип застонал. А мальчишки били в ладони и горланили:

— Мала куча, мала, чтобы больше росла!

И снова валились друг на друга тела, а толпа ребят безжалостно хохотала. У Осипа потемнело в глазах. Вдруг такие же крепкие и проворные руки поставили его на ноги.

— Да это же Таранчуков хлопец! — крикнул кто-то.

— Первоклассник!

Осип тяжело дышал. Что было бы, если бы его сейчас увидела мать? Мурашки забегали у Осипа по спине. Но размышлять было некогда. Возле него стоял широкогрудый горбоносый парень и кричал так, чтобы все слышали:

— Таранчука не трогать!

Он подмигнул Осипу. Толпа расступилась, стала полукругом. На том самом месте, где только что лежал Осип, крутился, как веретено, на одной ноге долговязый школьник, выкрикивая:

Абецадло з пьеца спадло,
Абецадло з пьеца спадло!..[1]

Это всем очень понравилось.

— Вот чертов Петро! — сказал парень, который стоял рядом с Осипом.— Никто не умеет так выкаблучивать, как он. Третий год ходит в третий класс, а крутится-то... А ты почему без отца? — обратился он к Осипу.

— А ты?

— Ну, я уже в четвертый хожу. Меня звать Григорий. Слыхал, может, про Грицька Клипача из Кривули?

— А-а, так это ты лучше всех учишься? — Осип во все глаза смотрел на Грицька.

— Я самый.

— А что такое абецадло?

— Не спеши, еще узнаешь.

Петро все крутился на одной ноге. Но школьникам эта забава скоро наскучила.

Вдруг все затихло. Все смотрели, как Кирик поднял над головой медный звонок и начал им трясти. По двору разнеслось звонкое «динь-динь-дилинь-динь».

— Ну, мне пора в класс,— сказал Грицько.— А тебе к директору. Иди с теми, что под балконом стоят.

Двор опустел. Осталась только небольшая группа под балконом. Осипу вдруг стало очень обидно, что его одного отправили в школу. Вчера он был готов куда угодно идти один, только б разрешили учиться, а сейчас... Он глянул на свою рубашку. На груди — зеленые пятна.

Тем временем пани директорша в пестром халате вышла на балкон и перегнулась через перила.

— Кто там записываться? Пан директор принимает.

Она произнесла это так быстро, что Бородай не успел даже снять перед ней свою шляпу.

Горничная отворила парадные двери, и родители с детьми вошли. Осип остался один во дворе. Он робко подошел к дверям. Сердце его билось, как у пойманного воробья. Он спрятался за колонной.

«Подожду, пока все выйдут, тогда и войду»,— нерешительно подумал он и стал затирать зеленые пятна на рубахе.

От директора никто не выходил. Осип размышлял: «Войду. Постучусь в дверь. Скажу: «Дзень добрый, пане!»

---

[1] Абецадло з пьеца спадло — азбука свалилась с печки (польск.).

Он уже пожалел, что не вошел вместе со всеми.

Первым вышел Бородай с Маркианом, за ними и другие. Осип незаметно шмыгнул в коридор. Но вот беда: он не знал, в какую дверь постучать — в ту ли, что напротив, или в боковую.

— А тебе что?..— услышал он ласковый голос.

— Дзень добрый! — сказал Осип.

— Ты что, тоже в школу?

— Ага...

Горничная постучала в дверь налево:

— Прошу пана, тут еще один записываться!

— Пусть войдет! — раздалось из-за двери.

Осип вошел в голубую приемную пана директора. От волнения он позабыл сказать «дзень добрый» и поэтому, остановившись в дверях, перекрестился.

Лысый пан директор снял пенсне, поднялся из глубокого кресла, удивленно оглядел мальчугана и засмеялся мелким смешком.

— Записываться пришел? Чей же ты?

— Т-т-а...— пытался выговорить Осип.

Вероятно, детская беспомощность на мгновение растрогала директора. Он вышел из-за стола, подошел к Осипу и взял его за подбородок.

— Чей же ты?

— Т-т-таранчуков.

— Не знаю, не знаю такого.

Директор снова сел за стол, взял ручку и спросил:

— Как звать?

— Осип.

— Как зовут отца?

— Антон.

— Фамилия Таранчук?

— Да.

— Сколько лет?

— Семь...

— Ну, вырастешь умным, если всегда будешь слушаться.

4

После перемены сторож Кирик парами повел новичков в класс. Серая классная комната с выщербленным полом напомнила Осипу их сарай, только в сарае не было окон. На передних партах, как и полагается, разместились дети богатеев. Все мальчишки расселись под окнами, девочки заняли второй ряд. Третий и четвертый ряды пустовали. Осипа посадили в самый угол, за высокую парту, вместе с маленьким мальчиком в белой рубахе. Осип снял свой полотняный ранец и положил его в парту. Вошел директор. Кирик велел всем встать и хором поздороваться.

— Дзень добрый! — сказал пан директор.

— Дзень до-о-обрый! — вразнобой откликнулись первоклассники.

Сторож вышел из класса, а директор, листая страницы толстой тетради, пробурчал:

— Садитесь.

Парты заскрипели. Осип стал внимательно следить за директором, который, прохаживаясь между партами, объяснял ученикам, как полагается сидеть в классе. Ноги надо опустить на пол, а локти положить на свою половину парты. Но как ни старался Осип достать ногами до пола, ничего не получалось: парта была высокая. Иногда директор заглядывал кому-нибудь из учеников в уши и спрашивал:

— Что, у тебя там куры ночевали?

Осипа миновал этот вопрос. Пан директор не дошел до него, и слава богу: мальчуган боялся, что его обругают.

— А теперь сделаем перекличку,— исподлобья глянул на школьников директор.— Чью фамилию назову, тот должен встать: я на него посмотрю. Потом сесть.

— Броневский! Бородай!..— начал он.

Осип видел, как поднимались и опускались дрожащие спины учеников. Но его почему-то не вызывали, и он подумал, что пан директор, должно быть, забыл записать его в толстую тетрадь...

— Таранчук! Таранчук!..

— Тут!

— Ты чего ж не встал? Может, тебе помочь?

Кто-то захихикал, а Осипу так неприятно стало... Он просто задумался и не услышал своей фамилии. Он стоял подавленный.

— Садись! Хватит стоять! — бросил директор.— Сегодня пришли все,— продолжал он.— У кого есть деньги, тот может купить тетрадь, букварь и карандаш. Ручки вам еще не нужны.

Директор подошел к двери, открыл ее и крикнул:

— Давай!

Гордо выступая, сторож внес кипу книг и тетрадей. Разложил их стопками на столе и низко поклонился директору, который даже не глянул на него.

— Букварь стоит двадцать грошей, тетрадь — три гроша, карандаш — полгроша,— все так же исподлобья глядя на ребят, объявил директор.— Подходите по одному!

Осипу его грош уже давно жег ладонь.

— Ты что купишь? — спросил сосед.

— Карандаш. Посмотри, у меня грош.

— А я — два карандаша и тетрадь.

— Зачем же тебе два карандаша?

— А просто так.

— Тебя Яшко зовут?

— Ага. А тебя — Осип?

Осип кивнул головой. Ученики столпились у стола. Они обступили директора, и, как он ни сердился, сколько ни кричал, чтоб сели на места, никто не слушался. Какая-то девчушка заплакала: кто-то уже успел разорвать только что купленный ею букварь. Осип проталкивался вперед.

— Мне карандаш,— просил он.

Отдал грош и получил граненый, покрашенный в желтый цвет новенький карандаш. Потом другие ученики оттолкнули его. Он отошел в сторону и стал ждать.

«Кончатся уроки, забегу в лавку, куплю конфет»,— мечтал мальчик. Но пан директор, кажется, забыл про сдачу. Немного подождав, Осип тихонько протянул:

— Пан директор, с гроша сдачи!

Но его, видно, никто не услышал. Тогда Осип взобрался на парту. Его голос зазвучал настойчивее:

— С гроша сдачи! Мне с гроша сдачи!

Его сосед что-то сказал на ухо мальчику в коротеньких, до колен штанах. Оба они засмеялись. А Осип стоял на парте и твердил свое:

— Пан директор, с гроша сдачи!

Но директор не обращал на него никакого внимания.

Прозвучал звонок. Пришел Кирик и забрал оставшиеся буквари и тетради. Директор вышел из класса так быстро, что Осип не успел спросить, почему ему не дали сдачи. А ребята окружили его и стали наперебой дразнить:

— Пан директор, с гроша сдачи!

Маркиан же показал язык и ехидно засмеялся:

— Осип! Осип-с-гроша-сдачи!

— Пан директор, с гроша сдачи!

Так продолжалось до тех пор, пока снова не прозвенел звонок.

Директор вошел с молодой женщиной. За ними ввалилась веселая толпа школьников. Ребята заняли два пустых ряда. На задней парте Осип увидел Петрика, того, который так легко крутился на одной ноге. Петрик тоже заметил Осипа и показал ему язык.

— Вы же третьеклассники! Должны младшим пример показывать. Тихо! А то ввалились, как татарская орда! — строго сказал директор.

Потом он обратился к первоклассникам:

— Это пани Ева Станиславовна. Она вас будет учить. Сейчас у вас будет урок пения. Пожалуйста! — обернулся он к учительнице.

Урок пения начался с того, что Ева Станиславовна предложила третьеклассникам спеть песню про Петруся и дудочку. Они учили ее в прошлом году. Первоклассникам следовало слушать, пока поют старшие, и тоже потихоньку пробовать петь. Но Осипу песня никак не лезла в голову. Он все не мог понять, почему ему не отдали сдачу. Что он теперь скажет Иванку? Где конфеты?

Класс протяжно выводил:

В лузи Петрусь зризав гилку
Тай зробив соби сопилку...

А Осипу было до того обидно, что он не мог петь; к тому же он боялся, что после звонка его снова станут дразнить.

Ева Станиславовна время от времени поднимала вверх левую руку с блестящим колечком на указательном пальце и останавливала первоклассников:

— Ну что это за пение? Не тяните так. Надо: «В лу-узи Пе-ет-русь»... Ну, начали со мной.

Она подавала знак рукой, и третьеклассники вторили ей. Осип пытался забыть о сдаче и петь вместе со всеми, но не мог. К нему подошла Ева Станиславовна.

— А ты почему не поешь? — спросила она.

— Ему с гроша сдачи не дали,— отозвался вместо Осипа Маркиан.

— Разве ты не знал, что с гроша сдачи не дают?— ласково погладила Осипа по голове Ева Станиславовна.

— Да-а, если бы знал... А почему Маркиану с пяти грошей дали?

— Вот глупый! Грош-то неразменный! — раздалось сразу несколько голосов.

— Так-то так, а полгроша — тю-тю! — махнул рукой Петрик.— Прошлый год пан директор Грицьку целых два гроша не отдал. Тоже пропали...

Ева Станиславовна погрозила Петрику, а Осипу протянула свой грош.

Но Осип не взял.

Всю перемену ученики спорили, следовало Осипу взять этот грош или нет.

Потом был урок закона божьего. Батюшка в новой рясе важно вошел в класс и поставил палку около стола. Он велел читать «Отче наш». Все встали. Закрестились. Класс загудел, как пчелиный рой:

— Отче наш, иже еси...

— Громче, громче! — требовал батюшка.

— Хлеб наш насущный...

— Не годится! Начнем сызнова.

Снова крестились:

— Имя отца, сына...

— Нет! Не так! Надо «во имя отца...» Сначала!

И снова ученики крестились.

— А ты? Ты? — указал батюшка на последнюю парту.— Как тебя там? Ты как пальцы держишь? Кто тебя так учил? Поди-ка сюда.

— Кто, я? — Петрик ткнул себя в грудь.

— Нет, вон тот!

Десятки голов оборотились назад. Осип вышел из-за парты.

— Ты! Поди сюда.

Мальчик подошел к столу.

— Ну-ка, сложи пальцы,— скомандовал батюшка.

Осип поднял правую руку. Мизинец и безымянный он прижал к ладони, средний и указательный вытянул и положил на них большой палец.

— Кто тебя, дурака, учил так креститься? Вот как надо, голова садовая: горстью, горстью, горстью, запомни!

Осип пытался оправдываться: он видел, что дьякон в церкви никогда не складывает пальцы горстью. Но батюшка заорал:

— Чтобы впредь не богохульничал, давай руку! Прямо держи, не бойся!

Класс притих. Слышно стало, как в оконное стекло бьется муха. Поп схватил со стола линейку и резким ударом ожег Осипову ладонь. Мальчуган скривился, но не заплакал.

— Плачь, а то еще и на колени поставит! — прошептал кто-то из ребят.

Батюшка лениво перевел глаза на класс:

— Кто это там такой умный? Выходи! Кому сказано!

5

Стал Осип школьником, парой рабочих рук меньше стало в семье Таранчуков. Мать, как могла, старалась заменить сына. Прошло всего две недели, а Осип заметно изменился. То был веселый, по утрам пел, как соловей, а теперь посерьезнел, как будто подрос. Осипу частенько бывало досадно, что отец не спрашивает, как он учится. Он знал: отец озабочен тем, что Бородай хотя и обещал дать в аренду землю за Терником, но почему-то тянул до сих пор. Вечером отец садился на лежанке или около печи и подолгу молча о чем-то думал. От курения клубился дым, хоть топор вешай. Молчал отец — все молчали. Но вот пришел-таки долгожданный день — Бородай сдал поле в аренду.

Веселый это был вечер для Таранчуков. Отец велел зажечь коптилку. Посадил Иванка на колени и обратился к Осипу:

— Ну-ка, покажи, чему там тебя научили!

Осип достал сумку. Вынул тетрадь и букварь, положил перед отцом и облокотился на стол.

Отец осторожно перевернул страничку тетради. Вся она была исписана палочками.

— Тьфу! Неужто этому вас учат? А я-то думал, ты уже буквы пишешь.

Иванко наклонился над тетрадкой.

— Осип, Осип, это забор нарисован? А где ж ворота?

— Батько, не давайте Иванку пальцем водить. Засалит.

Отец пересадил младшего на другое колено.

— Тебе еще рано. Смотреть — смотри, а не трогай,— строго и важно произнес он.

Мать стояла около печи. Ей тоже хотелось взглянуть, что там такое в тетради.

— И на другой странице тоже одни палочки? — спросил отец.

— Батько, это единица,— поправил Осип.

— Какая еще единица?

— Цифра такая.

— Значит, один. А это нуль?

— Нет, это просто кружок.

— И нуль такой же.

— Это мы еще не учили. Завтра, учительница говорила, будем букву «а» писать.

Отец взял букварь. На первой странице был нарисован ангел с крыльями и с трубой.

— Это что за буква? — показал отец пальцем.

— А.

— Молодец. А эта?

— Бе. Тут легко узнать. Видите, на полстраницы глаз нарисован, а от него лучи. Это бог. Первая буква — бе.

— Абе! Абе! — подпрыгивал Иванко на отцовских коленях.

Поспел ужин. Мать наложила в миску гречневой каши с молоком. Отец и сыновья ужинали за столом, а сама она примостилась на скамейке около печки. Мать никогда не садилась за стол вместе со всеми. Поставив горшок себе на колени, она ела, как затаившаяся пташка. Теперь она смотрела на мужа и на детей и радовалась, что они довольны. Отец никогда не спрашивал, что она ела и не голодна ли, а она вечно хлопотала и заботилась о нем и о детях.

Ложки стучали о дно миски. Мать встала и выскребла в миску все, что было в горшке.

— Ну, вот и поужинали,— поднялся отец из-за стола.— Осип, ты завтра в школу не пойдешь. Поедем за Терник.

— И я, и я! — пританцовывал Иванко.

— Втроем поедете,— сказала мать.— Завтра мне коноплю трепать у Бородая. Некогда будет за Иванком присмотреть. Только вам, ребятки, надо хорошо выспаться.

За Терник выехали на рассвете. Сонного Иванка закутали в кожух и уложили на возу. Осип сидел рядом с отцом. И кони и воз были не свои — Бородая.

Степь еще дремала в предрассветной мгле.

Холод пощипывал босые ноги Осипа и пробегал по его спине. Однако мальчик не признавался в этом: отец ведь тоже босой.

На выбоинах плуг и бороны подпрыгивали на возу. Свернули с дороги на жнивье.

— Приехали! — сказал отец.

Осип отцепил постромки, снял нашильники. Отец наладил плуг. Запрягли коней.

— Пахать будем с середины, чтобы землю не раскидывать,— решил отец.— Бери гнедого за уздечку и выводи на дорогу. Вьо! Смотри, Осип, старая борозда — это середина поля. Следи, чтобы гнедой шел ровно по ней.

Стерня, хоть и была высокая, колола ноги. Осип жалел, что он еще маленький и не может держать плуг за чапыги, как отец.

— Столбик! — крикнул Осип.

— Так скоро? Эх, черт! Ну, заворачивай!

Держа коня за уздечку, Осип смотрит на только что проведенную борозду. Она пролегла черной тесьмой и оборвалась, не успев перепоясать широкое жнивье. Пласт ложился на пласт. Дошли до дороги.

— Теперь можешь отдохнуть. Кончу пахать — сеять будем.— Отец щелкнул батогом, и кони двинулись.

Осип взобрался на воз. Иванко еще спал, приоткрыв рот. Осип нашел обмолоченный колосок и хотел пощекотать им под носом брата, но передумал: пускай спит. Стал осматриваться вокруг.

Ну-ка, покажи, чему там тебя научили!

Неровная степь будто катилась волнами. Кое-где росли кусты. Пахари только еще выезжали. Издалека слышны их голоса. Небо на востоке уже зарумянилось, а через минуту — другую вспыхнуло красным заревом.

Вот появился краешек солнца и распустил лучи по полю.

Смотрит Осип на жнивье, оплетенное паутиной бабьего лета, а думается ему о другом — о школе. Если бы отец отпустил, он побежал бы туда. Успел бы еще.

Отец все погоняет коней.

Воронье тучей кружит над пашней, разыскивая червяков.

Иванко проснулся, протер глаза кулачками, захныкал.

— Ну, чего ты? Вставай! Мы на поле. Ты же вчера сам просился,— тормошил его Осип.

Брат, будто не веря, прижмуривал то левый глаз, то правый. Осенний утренний ветер дышал прохладой.

— А где тато? — спрашивает Иванко.

— Во-он! — Осип показал в другой конец поля.

Отец, согнувшись, цепко держал плуг обеими руками. Осень выдалась сухая. Росы выпадали густые, но дождей не было.

Пахать тяжело. Земля за плугом отваливается не пластами, а глыбами.

Мальчики спрыгнули с воза и побежали навстречу отцу.

— Ну-ка, Осип, берись за чапыги,— не останавливаясь, сказал отец.

Осип не раз просил отца научить его пахать. Доказывал, что он уже большой, боронить умеет. Но только он взялся за чапыги, как плуг выскочил из борозды. Кони почувствовали, что им стало легче, и побежали.

Все же Осип не выпустил чапыги из рук. Он ловко снова заглубил плуг, но отец велел остановиться: нельзя оставлять огрехи. Коней завернули и запахали огрех. Иванко шел по борозде за Осипом, разминая в руке комок земли.

Хотя Осип и сделал несколько огрехов, отец разрешил ему обойти круг, а сам сел покурить. Иванку он дал кнут, так что братья пахали вдвоем.

— На повороте поможешь Осипу завернуть коней в борозду,— велел он младшему сыну.

Не так долго пахать полдесятины. До обеда управились. Задали коням овса, а сами сели под возом отдыхать.

Иванку было очень весело. Со звериным аппетитом он ел сало с черствым хлебом. При этом он старался откусывать побольше хлеба, а сало только лизал.

Осип съел свой кусок сала раньше, чем Иванко. Отец дал ему еще кусочек, а он все-таки попросил брата тоже поделиться с ним. Иванко не жадный, дал два раза откусить от своего куска, а взамен взял кусок хлеба.

Отец посадил Осипа на коня...

Отец встал. Перекрестился на восток, проговорил:

— Ну, благодарение богу, начнем сеять.

Подвязал к поясу мешок, снял с воза сито, наполнил его зерном, пристроил на груди и медленно пошел по пашне. То и дело набирая в руку зерно, он размашисто бросал его в землю.

Мальчики отдыхали, пока он не возвратился, чтобы снова набрать зерна в мешок. Отец запряг коней в бороны. Осип стал бороновать засеянное, а Иванко шел позади и разбивал большие комки, кидая их один на другой.

Таранчуку, видно, стало жаль сыновей.

— Маленькие вы мои помощники!..— все повторял он.

Когда половина поля была заборонована, отец решил посадить Осипа на коня, чтобы парень не очень утомился. Иванко сидел под возом и доедал кусок хлеба.

Как раз в это время и выехал на поле Бородай со своим Маркианом.

— Э-эй! — закричал он еще с дороги.— Где ж это видано, чтобы бороновали верхом? Мне мой конь дороже, чем этот паршивец мальчишка!

Осип соскочил с ксня и побрел по пашне. Легкая пыль вздымалась из-под борон.

Бородай кричал не Таранчука, обзывал его голодранцем, упрекал, что он не дорожит скотиной, пророчил, что век не быть ему хозяином.

Отец взял повод из рук Осипа и сам пошел боронить.

Маркиан стоял возле воза. Он ухватился за чапыги плуга и спросил:

— Тато, это что — плуг или соха?

Осип и Иванко засмеялись.

Бородай топнул на них ногой:

— Умолкните, вы! Скажите лучше своему отцу, чтобы не забыл выложить крест из соломы, когда закончит. Жаль, что я отдал ему это поле в аренду. Право, жаль.

Бородай с сыном уселись на воз. Колеса застучали по наезженной дороге. А Иванко и Осип, замурзанные, в пыли, все еще покатывались со смеху, и Таранчук никак не мог понять, чему они смеются.

6

Может, кто и печалился, что дождей нет, а Осип был рад этому: в школу можно ходить босиком.

Каждый вечер он выходил во двор и смотрел на небо. Мать уж думала, не звезды ли он считает. И только сегодня утром догадалась, в чем дело.

Дед Архип как-то говорил Осипу, что если с вечера небо чистое, звезды светят ясно и вокруг луны нет сияния,— жди хорошей погоды.

Но вчера уже с вечера собирался дождь, а сегодня утром лил как из ведра. Низко плыли тяжелые тучи, будто хотели спуститься к земле и опутать ее грудь мокрыми нитками.

Осип стоял на пороге и смотрел на грязный ручей, который журчал под самой завалинкой, стекая на улицу. Отец давно уже сделал запруду и выкопал неглубокую канавку для стока воды.

Дождь не переставал. Уже пора идти в школу. Но попробуй пойди босиком в такой холод! Даже снег может выпасть.

Мать обрадовала Осипа: дала ему свои сапоги. Ничего, что они на высоких каблуках. А если кто смеяться будет, так уж Осип найдет, что ответить.

Мать держала сапоги в руках и смотрела на них, как на что-то дорогое и вместе с тем давно прошедшее. И то, о чем она думала, могли рассказать только сапоги, черные, из дешевого хрома, уже не раз чиненные сапоги. Они бы рассказали, если бы умели говорить. Она носила их еще девушкой, их же обула и под венец... А один раз чуть было их не продали. Но как-то обошлись, выкрутились.

Осип обулся. Сапоги великоваты. Пришлось намотать онучи.

Мать просила не лезть в лужи, обходить сторонкой, а то сапоги «раскиснут».

Но Осип все-таки не послушался.

Выйдя на улицу, он не захотел идти тропинкой. Пошел серединой дороги, прямо по грязи. Так не было видно, на высоких каблуках сапоги или на низких. А как пришел в школу — снял их и засунул под парту, а по классу расхаживал босиком. Этому, конечно, никто не удивлялся.

На уроке родного языка Ева Станиславовна вызвала его к доске.

— Почему два дня не был? — спросила она.

Осип вертел в руках кусочек мела, смотрел в пол.

— Бороновал он! — отозвался за Осипа Маркиан.

— А мы вчера научились писать большое «а»,— сказала учительница.

— Думаете, я не сумею? — тихо произнес Осип.

— Сначала напиши маленькое «а».

Осип так нажимал на мел, что доска скрипела.

— Молодец! — похвалила его учительница.— Ну, если умеешь писать большое «а», напиши.

Весь класс следил за Осипом. Но ему это было все равно. Он вывел круг чуть не на полдоски и пристроил к нему загнутую палку.

Сперва кто-то прыснул на первой парте, потом на второй, и вот уже хохотал весь класс.

— Ну и голова! — выкрикивал третьеклассник Петрик. Он позже всех разобрался, в чем дело, чему смеются. И, наверное, поэтому теперь даже за живот держался.

Не смогла удержать смех и Ева Станиславовна.

Только Осип, стоявший у доски, не мог понять, что он такое смешное сделал. А на доске красовались два маленьких «а», только одна буква была действительно маленькая, а другая — величиной с обруч от бочки.

— Садись,— сказала учительница.— Видишь, как скверно, когда пропускаешь уроки. Надо было узнать у товарищей, что они учили вчера.

Она уже не смеялась, а сочувственно смотрела на Осипа, когда он шел между рядами парт на свое место.

— Ну и голова! — все еще выкрикивал Петрик.

Ева Станиславовна пристыдила его:

— Смотри, какой разумный! Лучше бы сам задачу решал. А то ты вертеться мастер. Третий год вертишься. Увидишь, Осип тебя еще перегонит.

Порядок был такой: когда у третьеклассников урок арифметики, у первоклассников урок родного языка.

— Кто же напишет большое «а»? — спросила учительница.

Поднялось несколько рук. Маркиан даже вылез из-за парты, крича:

— Я! Я!

Но Ева Станиславовна его не вызвала.

К доске вышел сосед Осипа, Яшко. Высунув язык, он старательно выводил букву.

— Видишь, Осип, как пишется большое «а». К завтрашнему уроку тебе придется потрудиться. Напишешь шесть строчек буквы «а». А сегодня мы будем писать маленькую букву «б».

На перемене было потехи у мальчишек. Они дергали Осипа за волосы, хохотали до упаду. Шутник

— Э-эй! Где же это видано, чтобы бороновали верхом?..

Петрик заметил под партой сапоги на высоких каблуках. Выманив Осипа из-за парты, он вытащил их.

— Смотрите, смотрите, он в бабских чеботах пришел!

Осип успел отнять один сапог, но другой пошел по рукам.

— В ба-абских! — вопил класс.

Осип не на шутку разозлился. Сапожком, который был у него в руках, он лупил направо и налево. Бегал по партам, чтобы отнять другой сапожок. Но где там! Его передавали из рук в руки.

Уже прозвенел звонок, а Петрик, как сумасшедший, носился с сапожком по классу и вопил:

— Бабский! Бабский!

Осип гнался за ним. Они оказались против окна. Осип размахнулся своим сапогом. Петрик ловко увернулся. Удар пришелся по стеклу, и осколки посыпались на пол.

Ученики сразу же разбежались по местам. В классе наступила небывалая тишина. Быстро вошла Ева Станиславовна.

В класс заносило ветром холодные капли дождя.

— Кто разбил? — строго спросила учительница.

Молчание.

Ученики пригнули головы и не глядели друг на друга.

Ева Станиславовна не спускала взгляда с Петрика.

— Я,— поднялся Осип.

Класс напряженно молчал. Глаза Осипа налились слезами. Он не мог выговорить ни слова.

— Садись,— сказала учительница.

А Петрик на радостях, что Осип взял на себя всю вину, потихоньку хихикал:

Чеботы мои, чеботы,
Натворили мне заботы...

7

Сердце Таранчука-отца будто окаменело от тяжелой жизни. Ведь он сроду ни от кого теплого слова не слышал: голодранец, лентяй — вот и все его «имена» у людей. И он тоже редко кого похвалит.

А после того, как получил у Бородая землю в аренду, Таранчук воскрес. Даже мечтать начал.

— Таранчук в гору пошел,— говорили в селе.— На ноги поднялся.

— А много ль мужику надо? Хлеб да вода — уже не беда,— отвечал Таранчук.

При этом у него под усами мелькала улыбка. Широкой ладонью он проводил по губам, как будто стирал ее, чтобы никто не увидел. В начале весны он рассчитывал купить коня.

В семье Таранчуков наступили мир и согласие. Осипу теперь редко приходилось пропускать уроки. Ему пошили сапоги с подковками. С вечера он всегда мазал их растопленным овечьим салом и ставил на шесток. В школе его считали лучшим учеником, он всем интересовался. За это и любила его Ева Станиславовна, ставила в пример другим. Она сама уплатила за выбитое стекло. Отец так и не узнал бы об этом, если бы Маркиан не проболтался.

8

Директор давно уже косо поглядывал на Еву Станиславовну — дочь уволенного учителя, который умер, так и не дождавшись обещанной вакансии. Это произошло, когда Ева была еще гимназисткой. Чтобы иметь возможность закончить гимназию, она занималась репетиторством.

Прибежит, бывало, из гимназии на квартиру, которую она задешево снимала на окраине города, у самого оврага, и, не успев перекусить, торопится учить уму-разуму детей армейского офицера.

Ботики старенькие, подвязаны веревочкой. Приходится ноги на крыльце вытирать долго-долго, чтобы в комнатах не наследить.

Жена офицера терпеть не могла Еву и, если бы не ее господская спесь, ни за что бы не наняла репетитора, а бедную гимназистку — тем более.

Платили Еве за уроки тарелкой супа, а иногда — поношенным платьицем.

Единственное, о чем она мечтала,— это скорее окончить гимназию. Наконец окончила. Но вакансий не было. В конце концов она получила место. И вот теперь Ева Станиславовна старалась помогать сельским ребятишкам, стремилась внести хоть небольшую радость в их жизнь.

Получив разрешение у директора, учительница в погожий зимний денек повела своих первоклассников на гору кататься.

Снег, сверкавший на солнце, слепил глаза. Мальчишки, волоча за собой санки, толпой мчались за село. Девочкам-первоклассницам тоже очень хотелось пойти покататься, но родители им не разрешили.

— На Городище сколько снегу насыпало! Вот покатаемся! — выкрикивал Осип.— Будет хоть чем зиму помянуть.

— Ну-ка, Яшко и Осип, садитесь, я вас повезу,— сказала Ева Станиславовна, беря поводок в руки.

Но Осип не дал его.

— Что мы, маленькие? — запротестовал он.— Лучше вы сами садитесь, а мы вас повезем.

— Садитесь! Садитесь, Ева Станиславовна! — стали упрашивать ребята.

Ева Станиславовна не села. Она все-таки усадила Осипа и Яшка и весело побежала впереди санок.

Мальчики, как будто нечаянно, попадали в снег. Ева Станиславовна заставила их сесть снова. Но Осип отказался наотрез. Он предложил всем идти пешком.

Не узнать Городище зимой. Вся гора — как огромный снежный сугроб.

— Ну, до самой вершины нам не добраться,— сказала учительница.

— А нам и с середины будет хорошо кататься,— отозвался за всех Осип.

— Ну, тогда пошли!

Мальчишки, толкая друг дружку, взбирались на гору.

Вчера была оттепель, а к вечеру слегка приморозило, и сегодня снег был покрыт крепкой рыжеватой коркой. Он даже не оседал под ногами, а только похрустывал.

Пройдя немного, ребята остановились передохнуть. Под ними, как на ладони, раскинулось село. Вокруг него белели снега, и оно чернело среди них, как островок. Стали подниматься выше.

— Не устали? — спросила учительница.

— Нет! — хором ответили ребята.

— Выше мы все-таки не пойдем,— решила учительница.

Собрали санки, составили рядом. Сели.

— А теперь перекусим,— сказала Ева Станиславовна, вынув из портфеля несколько кусков хлеба, намазанных маслом.

Один лишь Маркиан отказался от угощения.

— Дома тебя, наверно, вкуснее кормят? — пошутила учительница.

А он буркнул, насупясь:

— Я кататься пришел.

— Что ж, кататься так кататься. Садитесь на санки!

— И вы с нами, и вы с нами! — выкрикивал Осип.— Садитесь на мои санки. Они самые лучшие, с подрезами. Отец на них хворост из лесу возит.

— Нет, ребята, катайтесь сами, а я посмотрю.

Санки помчались с горы друг за дружкой. За ними взметнулась снежная пыль, осыпала лицо Евы Станиславовны, мелкими брызгами осела на ее кудрявых волосах и ровных бровях.

Ни одни санки не перевернулись. Радостно гомоня, первоклассники карабкались на гору.

Учительница двинулась им навстречу. Ухватив веревку от первых санок, снова стала подниматься.

— Ева Станиславовна, Ева Станиславовна! Едемте с нами,— наперебой уговаривали ребята.— Услышите, как ветер в ушах свистит. Только «ш-ш-ш» — а мы уже внизу.

Ребята уговорили учительницу. Она уже хотела сесть на санки, но, заметив, что из села вышел какой-то мужчина на лыжах, остановилась. За лыжником брел здоровенный пес.

— Это мой отец. Только у него одного в селе лыжи есть,— гордо заявил Маркиан.

— Бородай, в самом деле Бородай! — зашумели ребята.— Принесла ж его нечистая сила!

Пес, опередив своего хозяина, скакал, как волк. Бородай, легко одетый, отталкиваясь бамбуковыми палками, приближался к подножию горы.

— Эгей! Эй, вы там! Спускайтесь! — кричал он издалека.

— Идите сюда! Скатимся вместе! Вы на лыжах, а мы на санках,— откликнулась Ева Станиславовна.

Бородай поднял вверх палку и погрозил ей. Учительница только рассмеялась в ответ. Она села в санки за спиной Осипа и помчалась вниз.

Бородай подозвал к себе собаку, стоял, ждал. Но только ребята и учительница оказались внизу, как собака кинулась на них. Увидев в толпе своего Маркиана, Бородай закричал:

— Рекс, ко мне!

А проклятый Рекс в это время схватил за полу Яшка и с бешенством рычал.

— Уберите собаку! — крикнула Ева Станиславовна.

— А твое какое дело, красавица? Кто тебе разрешил кататься на моей горе? Ты что, не знаешь, что я только прошлый год купил тут три десятины? Кто позволил топтать мою землю?

— Уберите собаку! — снова сказала Ева Станиславовна.

Рекс, помахивая хвостом, лег у ног хозяина. А Бородай не унимался:

— Я на тебя в суд подам за убытки. Узнаешь тогда, с кем дело имеешь.

— Вы... вы серьезно говорите?

— А тебе что, не верится? А ну, прочь отсюда! Насобирала разных голодранцев и цацкаешься с ними. Х-ха! Какая из тебя учительница? Я б тебя и в батрачки не взял.

Но Ева Станиславовна уже не слушала его.

— А ну-ка, дети, пошли наверх, сказала она, и дети двинулись за нею.

— Стой! — заорал Бородай. — Рекс, узы, возьми их!

Пес, как бешеный, бросился на детей. Ева Станиславовна закрутилась на месте, отгоняя его портфелем.

— Узы, узы, Рекс! — науськивал Бородай.

Пес вдруг кинулся на Еву Станиславовну и, зарычав, положил передние лапы ей на плечи. Она вскрикнула и, закрыв лицо руками, упала. Рекс стоял на ее плечах и поглядывал на перепуганных детей.

Рыжий Бородай, оскалив, как собака, зубы, смеялся, любуясь этим зрелищем.

— Рекс! Пошли домой. Небось, больше кататься не будут.

И Бородай с Маркианом двинулись к селу.

Солнце низко плыло над землей. Дети с учительницей молча брели домой.

Как только ребята оказались внизу, собака кинулась на них.

На другой день утром директор вызвал к себе Еву Станиславовну. В кабинете сидела сельская власть — толстый староста и долговязый стражник. Разговор был коротким. Староста и стражник требовали, чтобы Ева Станиславовна заплатила Бородаю штраф за катание на его земле. Директор поддерживал их. Он заявил, что своим поведением Ева Станиславовна скомпрометировала и себя, и его, и всю школу. Он потребовал, чтобы она подписала заявление об увольнении.

— Вот тут поставьте свою фамилию,— процедил директор.

Ева Станиславовна, оскорбленная, взволнованная, подошла к столу. Директор придерживал заявление рукой, должно быть, для того, чтобы она, не дай бог, вдруг не порвала его.

— Вот тут распишитесь — и все,— пододвигал он ей заявление, написанное им самим.

Учительница подписалась и ушла из кабинета. Кутаясь в теплый платок, она быстро шла через школьный двор. У калитки остановилась. Помедлила минутку и вышла на улицу.

В тот же день она покинула село.

По селу разнеслась весть: «Бородай выжил учительницу!»

— Еще бы! Чьи же молоко, хлеб и мясо ест пан директор? — говорили крестьяне.

Но, верно, никто не затаил такой ненависти и злости к Бородаю, как Осип и Яшко. Они ночью пробрались на его хутор, чтобы хоть как-то отомстить ему.

— Рекс, Рекс! — позвал Осип и кинул собаке кусок хлеба. А Яшко, пробравшись на крыльцо, накинул скобу наружных дверей на пробой и сунул в отверстие железный шкворень.

На рассвете Бородай носился по хате, как ошпаренный. Он не мог выйти на двор. Залезал на чердак, кричал оттуда, но никто не услышал. Пришлось сорвать с крыши лист жести и вылезть через эту дыру.

— Я их найду, этих злодеев! — грозился Бородай.

Но кто запер двери, он так и не узнал.

9

На вербной неделе Осип принес в школу кусок сала. Об этом знал только Яшко. На перемене они вдвоем выбежали из класса и спрятались за углом школы. Едва только Осип успел развернуть сало, как прибежал Маркиан.

Сала было немного: всего два небольших кусочка. Один кусочек сунул в рот Яшко, другой — Осип.

— Разве в пост можно сало есть? — спросил Маркиан, заложив руки в карманы.

— А разве мы что-нибудь едим? — вкусно чавкая, удивился Яшко.

— А ну, открой рот, открой! Я по губам вижу. А чего Осип пальцы об стенку вытирает? Давайте и мне кусочек!

— Так ведь пост! — ужаснулся Осип.

— А вот я скажу батюшке, он тебе покажет пост! — пригрозил Маркиан.— Дайте сала!

— Еще кабанчика не кололи,— ответил Яшко.

— Ну, вы меня попомните! — сказал Маркиан, повернулся на каблуках и направился в класс.

Ребята облизывались, рукавом вытирали губы. Если Маркиан донесет попу — быть беде.

Прозвенел звонок. Как вспугнутые воробьи, ребята метнулись в класс.

Хорошо, что в этот день не было закона божьего. Маркиан, кажется, не проболтался. Осип и Яшко надеялись, что все обойдется. Но Маркиан был не из таких.

На другой день поп в школу пришел сердитый. На уроке закона божьего он и не заикнулся о том, что Осип и Яшко ели сало. Ребята решили, что у Маркиана все-таки осталось немножко совести. Но надежды их были напрасными. Они и не догадывались, что их ожидало в страстной четверг.

Вечером все ученики парами пошли в церковь слушать службу. Яшку и Осипу пришлось стоять как раз около Голгофы — так назывался деревянный макет, на котором во весь человеческий рост был изображен распятый на кресте Иисус. Внизу на макете был вырезан череп с двумя костями крест-накрест — символ смерти. В церкви пахло сыростью и воском. Ученики стояли молча.

Открылись царские врата. Вышел поп, облаченный в черную ризу, и, прежде чем начать службу, велел Осипу и Яшку подойти к алтарю. В церкви, кроме школьников, были их родители, братья, сестры, бабушки. Когда мальчики подошли к попу, он обратился к собравшимся:

— Возлюбленные мои прихожане! Вот эти два первоклассника в последнюю неделю поста приняли скоромное во чрева свои. Хорошо ли поступать так? Грех! Великий грех! Это противно богу и неугодно власти нашей. Станьте оба на колени. Вот тут, чтобы вас все видели. Кайтесь в грехах своих!

Служба началась.

Мальчики стояли на коленях, а с клироса текли заунывные песнопения.

10

Пришла на Волынь весна, весна 1938 года. И как раз в те весенние дни, когда солнце улыбается земле, а земля протягивает к нему кудрявые верхушки рощ и расстилает зеленые ковры полей, заболел Иванко. Заболел внезапно. Ночью разбудил отца и мать стонами и криком: болела голова. У него был сильный жар. Позвали бабку-ворожею, но она ничего не смогла сделать.

Прошла неделя. Малышу не стало легче. Мать тихо двигалась по хате, боясь брякнуть посудой. Ухаживать за сыном было некогда. Таранчуки арендовали у Бородая землю и, кроме того, взяли в долг несколько мерок муки; и теперь оба они — отец и мать — с утра до ночи работали на богача. Уже все соседи вокруг вскопали свои огороды, только огород Таранчуков оставался невскопанным. Думали, что скоро отработают Бородаю, а он запутал их, как паук-тарантул. Продали корову и повезли Иванка в город, в больницу. Осип один остался хозяйствовать. Бородай потребовал, чтобы отец отработал и за то, что взял коня везти больного мальчика. С малышом поехала мать, и они задержались в городе. Бородаев работник отвез их в больницу и сразу же вернулся: хозяин не велел время зря терять.

На другой день рано утром мать вернулась, принесла сына на руках. Он уже не плакал, а только тяжело дышал. Отец сказал:

— Видно, болезнь проходит.

Мать, сгорбившись, сидела над постелью. Вдруг она закричала на всю хату:

— Антон! Господи боже мой, у Иванка рука и нога не двигаются!

Отец и Осип наклонились над постелью. Больной лежал, закутанный в тряпье, и широко открытыми глазами смотрел в потолок. Правая рука и нога вы-

тянуты. Отец попытался согнуть их, а они как деревянные.

— Пропал сыночек,— всхлипнула мать.

— Все пропало. И мы все пропадем,— глухо отозвался отец.

— Иванко! — Осип всматривался в глаза братишки.— Иванко!

А тот как будто и не слышал.

— Посиди около него, Осип. Что уж тут!.. Свою силу больному не вложишь... Мы пойдем на огород грядки копать.— Отец нахлобучил шапку на голову, взял мать за плечи заскорузлыми пальцами.

Осип не сводил глаз с братишки, а тот все смотрел в потолок усталым, остекленевшим, равнодушным взглядом. Осипу стало так жаль малыша. Не выполнил он своего обещания, не принес брату конфет. Осип вспомнил, как осенью они вдвоем топтали солому на гумне. Солома свежая, мягкая, как перина. Так весело было барахтаться. Иванко ловко подставит ножку, и Осип с головой зарывается в солому.

— Иванко, Иванко! — шептал Осип над самым его ухом. Братишка медленно перевел на него взгляд, долго всматривался, а потом зашевелился, будто хотел встать, но смог только тихонько прошептать:

— Ос-с-и-ип, Ос-с-ип.

На мгновение к нему вернулось сознание.

— А м-ма-ма где? Я хочу ее поцеловать,— сказал он.

— Сейчас, Иванко, сейчас!

Осип помчался на огород, но когда прибежали отец и мать, Иванко не узнал их. Желтый, как воск, он таял на глазах у родителей.

Так и не поцеловал мать...

Соседи заполнили хату. На столе в маленьком гробике лежало высохшее тельце. В головах теплилась свеча. Дед Архип вслух читал псалтырь.

Мать сидела у стола и грустно рассказывала:

— Приехали мы в больницу, а там народу... У всякого свое горе-печаль. Только под вечер осмотрел доктор сыночка, и то лишь после того, как я сиделке сунула злотый. Посмотрел доктор и говорит: «Двести злотых есть?» Люди добрые, откуда ж это у нас такие деньги? За корову только пятьдесят получили. Я доктору руки-ноги целую, а он: «Это болезнь серьезная. Денег нет — отправляйся домой». А на улице уж темнеть начинает.

— Что ж это за болезнь такая? — спрашивали соседи.— За одну неделю сгорел малый.

— Ох, милые, не знаю, не по-нашему доктор называл,— ответила мать.

— Минихит, верно,— сказал дед Архип.

— Может, и так,— кивала мать головой.

Она не рассказала, что ее с сыном выгнали, как собак, из больницы и она всю ночь несла на руках больного малыша, десять километров несла...

— И чего это болезни и горе только к нам, мужикам, цепляются? А вот господ никакая лихоманка не берет. И когда нашим бедам конец придет? — переговаривались женщины.

— Придет! Будет и им конец. Только дым от них пойдет! — ответил им старый Архип.

* * *

День, наперекор всему, был солнечный, веселый.

Открытый гроб несли на полотенцах соседские мальчики. Осип, отец и мать шли позади. Поп на погост идти отказался: ему не уплатили за отпевание. Хорошо, хоть панихиду отслужил... По обеим сторонам узкой полевой дороги зеленела рожь. Она уже начала колоситься.

На кладбище, под пахучей черемухой,— небольшая яма. Около нее похоронная процессия остановилась. Подошли еще раз проститься с умершим. Осип незаметно положил в гроб свою старенькую фуражку. Он это сделал потому, что еще прошлым летом обещал отдать ее братику.

Дед Архип забил гробик гвоздями, и его опустили в сырую землю. Вырос небольшой холмик, а над ним белая черемуха свесила свои пышные, душистые косы...

Рядом с Осипом стоял его давний приятель Микола-сирота. Когда они шли с погоста, Микола шепнул Осипу:

— Знаешь, мы с тобой целое лето будем батрачить у Бородая.

— Не знаю. Кто тебе сказал?

— Спроси у отца.

— Не может быть! А как же школа?

— Бросишь — и все тут. Вам теперь выбраться из беды нелегко.

Осип не верил, но вечером отец подтвердил, что так и будет, что все это правда.

11

Миновало всего две недели с того дня, как Осип стал батраком, а мальчику казалось, что прошла целая вечность.

Нелегко ему теперь.

Еще даже не забрезжило, а Мотря, жена Бородая, уже горланит:

— А ну-ка, вставай! Хватит тебе бока пролеживать!

Осип спросонок чешет взлохмаченную голову, а Мотря, хлопоча по хозяйству, бормочет себе под нос:

— И в кого он такой уродился? Подумать только: ест за троих! И как только влазит в него? А у меня вот совсем аппетита нет. Пропал аппетит. И у Маркианчика пропал. Уж я ему и мясца и сальца, а он: «Мама, не хочу! Мама, не могу!» А этот — как прорва. Такая мельница, что все перемелет. Ох, мне бы чуточку его аппетита. Я бы святой Варваре и угоднику Иову по две свечки поставила.

Осип как будто и не слышит. Слез по лестнице с чердака и опрометью кинулся в хлев. Ухватив тяжелые вилы, он стал вычищать из-под коров. Потом наносил в ясли свежей люцерны. А когда Бородаиха начинает доить, он отправляется на кухню завтракать. Там для него приготовлены остатки вчерашней затирухи.

Наскоро позавтракав, он выгоняет стадо.

За рекою Иквою, под лесом Ялинцем, раскинулись сенокосные угодья и пастбища Бородая — несколько гектаров. Сразу же за покосом начинаются посадки пана Рачинского. Там растут крохотные дубки, почти незаметные за высокой сочной травой.

Бородаиха да и сам Бородай каждое утро наставляют Осипа:

— Смотри, остолоп, чтоб коровы наелись вволю, чтоб ребра не просвечивали! Для того тебя и наняли!

Осип должен это понимать так: после того, как хромой лесник Федосей, обойдя посадки, уйдет из лесу, коров надо пустить в дубки. Но, боже сохрани, чтоб не увидел Федосей.

Невесело Осипу пасти хозяйских коров. Это не то, что на выгоне. Там мальчишки-однолетки, а здесь один, как перст. Семь коров и столько же телок разбредаются по всему покосу, а спутать им ноги или взять на прикол нельзя. Одна только старая Красуля, у которой нет левого рога, слушается па-

стуха. Она может часами пастись на одном месте. Потом ляжет, пережевывает жвачку. В полдень придет Бородаиха, подоит ее, и она снова пасется.

Осип выстругивает дудочку и не спускает глаз с посадок. Солнце уже высоко поднялось, а Федосея не видать.

«Может, он уже прошел, а я его и не заметил?» — подумал мальчик и, поколебавшись, пустил стадо в дубки.

Коровы жадно хватали траву, а Осипа пробирала дрожь. Он уже заворачивал стадо на пастбище, когда внезапно, как коршун, налетел Федосей и закричал:

— Ах ты, бездельник негодный! Это тебя хозяин научил господские посадки травить?

Он взмахнул изогнутой палкой и ударил мальчика по ногам. Осип упал и скорчился от жгучей боли. А Федосей орал:

— Твое счастье, что пасешь коров у Бородая, а не у какого-нибудь голодранца! А то бы я сразу загнал стадо на господский двор.

Лесник, радуясь, что поймал преступника, стоял, широко расставив ноги, и ухмылялся, глядя, как Осип вытирает кулаками заплаканные глаза.

— Ну, чтобы это в последний раз, а не то штаны сдеру! — крикнул Федосей и направился через покос к речке.

Осип поднялся, согнал коров, сел на старенький ватный пиджачишко и уставился на огромный синяк над коленом.

Лесник целый день крутился то тут, то там, а под вечер отправился к Бородаю. Он был уверен, что Бородай не откажется поставить выпивку и угощение, лишь бы он не донес пану Рачинскому и не осрамил первого на селе хозяина.

Бородай встретил Федосея вежливо, приветливо. Пригласил его в горницу.

— Зачем пожаловал?
— Да просто так...
— Не крутись!
— Да я и не пришел бы, но служба...
— Да говори же, что случилось?
— И говорить неприятно, и промолчать нельзя.
— Так скажи!
— Ваш батрачонок, понимаете... Ну, коров...
— Недосмотрел? В дубки залезли?!
— Ага.
— Вот недотепа, вот раззява! Каждый день долблю ему одно и то же. Он, небось, заснул?

Бородай, насупившись, вышел на кухню. Принес бутылку водки и сало на тарелке.

— Ну, выпьем, что ли! Кто старое помянет, тому глаз вон. Будем здоровы!

— Премного благодарен за вашу ласку, — ответил Федосей, бережно принимая в руки полный стакан. Взглянув в окно, он радостно произнес: — А вот и ваши коровки с пастбища возвращаются.

Бородай смерил его пронзительным взглядом.

— Сейчас позовем виноватого.

— И зачем вы его взяли в работники? Это ж выродок какой-то, — начал Федосей. — В точности, как его отец. Яблочко от яблоньки недалеко катится. Неделю назад позволил я Таранчуку набрать хворосту. И что ж вы думаете — поставил хоть чарочку? Где там! Спасибо сказал. А мне с этого «спасибо» не шубу шить!

Бородай позвал Осипа. Мальчик стоял у порога, опустив глаза, и молчал.

— Сколько тебя учить, поганец, чтобы ты за скотиной смотрел, а?! — закричал Бородай, распоясываясь.

Он сложил пояс вдвое и замахнулся. В это время Маркиан, услышав, что отец ругает Осипа, вбежал в комнату. «Что, доигрался?» — говорил его злорадный взгляд.

А когда отец начал сечь маленького Таранчука, он не выдержал и радостно выкрикнул:

— Так тебе и надо!

— Ну и разумный сынок у вас, — сказал Федосей, снова наполняя стакан. — Истинно: какой отец, такие и дети. Он, небось, в первый класс ходит. Вылитый папаша...

— Марш спать на сеновал. И заруби себе на носу... — крикнул Бородай Осипу.

Мальчик стоял, стиснув зубы. Потом, не сказав ни слова, поплелся из хаты.

Вслед ему несся презрительный голос Маркиана:
— Знай наших, эй ты, Осип-с-гроша-сдачи!

Сгущались вечерние сумерки. Осип побрел по тропинке через сад — домой. Его душили слезы. Но он не плакал. Хотелось поскорее рассказать обо всем маме, просить отца, чтобы забрал его. Но тут он вспомнил, что дома нет ни зерна хлеба.

«А тато и мама на меня надеются», — подумалось ему.

Остановился. Постоял немного. Сел прямо на тропинке. Снова думал:

«По этой тропинке Маркиан каждое утро в школу ходит. И я ходил бы, но мы же бедные...»

От этих гнетущих, безрадостных мыслей защемило детское сердце.

«Когда бороновали за Терником, отец говорил нам с братиком: «Маленькие вы мои помощники...» Братика нет... Теперь я один помощник. А дома трудно и без меня. Незачем мне идти домой», — твердо решил он и медленно вернулся в сад.

Ему теперь хотелось скорее вырасти, стать большим и сильным.

Поднялся ветер. С юга надвигались тяжелые тучи. Тревожно шумели островерхие пихты. Яблони роняли бело-розовые лепестки. Близилась гроза. Где-то вдали гром сотрясал горы.

Перевели с украинского
Л. Богораз и Ю. Даниэль.

Вам, ребята, конечно, интересно узнать, как дальше сложится судьба героя этой повести, маленького Осипа Таранчука. Неужели он так и останется навсегда батраком?

Нет! В 1939 году родина Осипа, Западная Украина, воссоединилась с Украинской ССР. Событие это внесло огромные перемены в жизнь маленького героя повести. Осуществились его мечты. Как все советские дети, он будет теперь учиться в школе.

Обо всем этом писатель Борис Харчук рассказывает в следующих своих повестях, рисующих дальнейшую жизнь Осипа-с-гроша-сдачи.

история, рассказанная к первому сентября

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Я давно думаю: бывают ли какие-нибудь дети ленивыми первого сентября? Или это начинается у них потом? Ведь первого сентября, когда все идут в школу нарядные, с букетами цветов, радостные, невозможно даже представить себе, что в недалеком будущем кто-то из этих великолепных ребят может не выучить урока. Но так случается, и растерянный, запинающийся субъект у доски уж никак не напоминает того бравого парня, который так хорошо начинал свой учебный год.

Отчего происходит эта перемена? Отчего пионер, которым любовалась вся улица, становится жалким трусишкой и боится даже шелеста листов в классном журнале: «Ох, сейчас вызовут!»?

Знаю, вы скажете: «Очень понятно. Одно дело — прийти в школу в первый день, повстречаться в праздничной обстановке с одноклассниками и учителями, вспомнить с ними минувшее лето, узнать, у кого были какие приключения, и совсем другое — ходить в школу ежедневно и по-будничному трудиться над задачками и правилами...»

Вроде бы и так, но, по-моему, здесь отличие не в праздниках и буднях, а совсем в другом. Вот в чем: сначала, когда до дела еще далеко, у каждого есть и решимость и твердое намерение хорошо учиться. А потом, когда приходится изо дня в день выполнять свое решение, твердость духа улетучивается, и появляется на свет известная погубительница хороших намерений — лень. Вот так и происходит, наверно, это печальное превращение.

А между тем цену имеют, конечно, только выполненные решения. Ведь не остается же на бумаге следов от ненаписанных мыслей. Так и в жизни. Не остается следов от невыполненных, не доведенных до конца дел, словно ты их и не задумывал.

Недавно я встретила женщину, которая с удивительной твердостью выполняла все задуманное.

И мне кажется, что ее историю важно рассказать именно сегодня, первого сентября, когда... Словом, когда начинается учебный год.

Дело было перед войной в глухой северной деревне. Отец Иры (теперь ее называют уже, конечно, Ираида Яковлевна), уходя на фронт, сказал жене:

— Трое ребятишек... Как-то ты будешь с ними? Я думаю, мальчишки пусть учатся, а Ира помогает тебе. Одна ты всю семью не прокормишь.

И вот когда Ира окончила два класса, мать сказала, что больше в школу ходить не придется: нет возможности. Ира тогда ни о чем серьезном еще не думала, но ей очень нравилось в школе: там были все ее подруги. И она, только мать уйдет на работу, убегала в школу. Однако в четвертом классе, когда мать снова вернулась к тому же разговору, школа влекла девочку уже не играми, не шумной компанией подруг, а совсем иным: знаниями. Ира теперь понимала, что учиться — большая радость, что это значит каждый день находить что-то новое, интересное.

Но мать из сил выбивалась, вставала до рассвета и работала не покладая рук. Ира очень жалела мать, хотела ей помочь. Но и школу бросать было жалко.

Ей было тогда всего одиннадцать лет, и все-таки девочка нашла выход. Узнав, что на почте ищут почтальона, она явилась туда. Сейчас бы, конечно, ее никто не взял. А во время войны много народу было на фронте,

и на почте обрадовались даже ей, пигалице. Надо же было кому-то разносить почту!

Так Ира стала почтальоном. Она дорожила каждой секундой. Ведь чем быстрее она успевала обежать всю деревню и раздать письма, тем больше времени оставалось на уроки.

У нее не было пятерок. Но разве можно судить о человеке только по отметкам? Все говорили, что у этой девочки ясная голова, немалые способности, а главное — характер, с которым всего добьешься.

Так и произошло. Ира окончила школу, затем техникум и стала работать на гидролизном заводе. В распоряжении ее были огромные котлы, каждый высотой с трехэтажный дом. Ира была здесь старшим варщиком.

Теперь Ира стала совершенно самостоятельным человеком и не зависела ни от чьей воли. Поэтому она сразу же поступила учиться в заочный институт.

Такая это удивительная лесенка — знания: никогда она не кончается, хоть сто лет по ней шагай.

В это время Ира встретила человека, которого полюбила, и вышла за него замуж. Он был рабочий с того же завода, что и она. Жил он не в заводском поселке, а у своей матери, в маленьком старом домике с садиком и огородом. Там жили еще и его сестра и муж сестры. Ира вошла в эту семью.

Сначала она понравилась своим новым родственникам: веселая, добрая, работящая, любое дело так и кипит в руках.

Но потом свекровь стала поглядывать косо: что еще за учение у невестки? Кому оно нужно?

Как-то раз, увидев, что ее сын, то есть муж Иры, пошел на речку полоскать пеленки, мать возмутилась.

— Чтоб я никогда больше этого не видела! — закричала она. — Новости какие! Жена будет сидеть да книжки читать, а ты, мужчина, пеленки полоскать?!

Конечно, Борис очень любил Ирину, но влияние матери оказалось сильнее. Он больше не пытался помочь жене. И она маялась со всей работой одна. Бывало так, что, придя после ночной смены, она, усталая, не ложилась спать, а несла ребенка в ясли. Борис считал, что и это не его, мужское дело. Будто есть какие-то дела, которые должна делать непременно только женщина, будто мужчину они унижают.

— Плохо, плохо женился мой Бориска,— жаловалась мать окружающим.

В насмешку, чтобы досадить, уколоть, она прозвала Иру «инженершей». Вот, дескать, какая отыскалась ученая. Ире было очень трудно, но она терпела насмешки, терпела попреки, вражду и продолжала учиться. Чтобы избегнуть ссор, она занималась урывками, тайком. У нее в институте, как и в школьные годы, когда она была почтальоном, немного было пятерок — где уж там! — но ни одна контрольная не осталась невыполненной, ни один зачет не был провален. День, когда приходили задания из института или когда Иру вызывали на лекцию, был для нее праздником. Опять что-то новое войдет в ее жизнь, и она станет богаче знаниями.

Ведь именно благодаря знаниям она оказалась лучшим варщиком на заводе, обогнала даже старых, опытных рабочих.

Но муж твердил свое:

— Зачем тебе учиться? Только лишняя нагрузка. Есть работа, есть свой дом, семья, ребенок. Хватит!

Ира поняла, что миром дело не уладить. Зря она встает чуть свет и бежит на огород копать и полоть, зря весь воскресный день тратит на стирку, на мытье полов, не дает себе ни минуты роздыха. Ее мечта о знаниях, ее занятия в институте так ненавистны мужу и его родичам, что придется либо отказаться от всего, как они требуют, либо порвать с ними и идти своим путем.

Ира ушла от мужа. Правда была на ее стороне, поэтому товарищи, рабочие завода, поддержали ее, а потом и муж понял свою ошибку.

Ирина сумела отстоять свое право учиться, не сошла с большого пути. Но как трудно ей было!..

И мне захотелось рассказать эту историю о том, какие препятствия иногда преодолевают люди, чтобы идти вперед дорогой знаний, рассказать именно сейчас, в начале учебного года.

Здравствуй, школа! Здравствуй, год выполненных решений!

★

Девочка в красном платке

Дэвид КРОСС

(Южно-Африканский Союз)

Рисунки Н. Цейтлина.

— Господи, как тут тошно! — вздохнула тетушка Марта Преториус, отрывая взгляд от красного платка, который она подрубала.— Почему мы должны были поселиться здесь, на окраине, где нет даже порядочных африкандеров [1]?

Старый Андриас молча посмотрел на жену поверх большой семейной библии, лежавшей перед ним на столе. На лице его нельзя было прочесть ровно никаких мыслей, однако же старик напряженно думал. Думал он примерно следующее: ее тон не предвещает ничего хорошего, опять она заставит меня предпринимать что-нибудь...

Он сделал вид, что углубился в чтение, стараясь в то же время предугадать, что последует дальше. Жалобы на боли в боку? На безбожие соседей? На шум, поднимаемый кафрами за окном на улице?

Но Марта хранила молчание, видимо, собираясь с мыслями, и Андриас воспользовался предоставившейся ему возможностью повернуть разговор в желанное русло: он просто начал читать вслух из библии с того места, на котором остановился:

— «Каждое слово бога чисто... Он — щит для тех, кто верит...»

Но прежде чем он погрузился в пучину божественных слов настолько, что прервать его явилось бы кощунством, Марта произнесла:

— У порядочных европейцев всегда есть кафры. Надо мной будут смеяться, если узнают, что я сама натираю полы.

— Где мы возьмем лишние деньги, чтобы платить им жалованье? — спросил старый Преториус, несколько ошеломленный непредвиденным оборотом дела.— И зачем они нам нужны?

[1] Африкандер — так называют европейцев (в основном голландского происхождения) в Южно-Африканском Союзе.

В самом деле, что это нашло на старуху, какая странная прихоть? Он перевернул страницу, прокашлялся, умело сплюнул через окно и вновь принялся за чтение.

Марта больше не прерывала его, но весь ее вид яснее слов говорил, что она не отступится от задуманного и поставит на своем.

— Интересно, кто это будет: мальчик или девочка? — размышляла вслух Марта, когда они катили на запад через Рудепорт.

Старый Преториус в неподвижной позе, выпрямившись, сидел за баранкой древнего «фордика» и, казалось, был занят одной мыслью: как бы не превысить скорости, с какой добрая лошадь везет свою тележку.

— Как мы назовем его? — продолжала разговор его жена, но Андриас редко поддерживал беседу, когда вел машину, тем более, что сейчас они уже съехали с шоссе на неровную песчаную дорогу и ему нужно было еще крепче держать ускользающий руль.

— Сарель, по моему отцу, или Сара, если будет девочка,— внезапно решила Марта.

Три темнокожих мальчугана выбежали из стоявшей невдалеке лачуги, когда автомобиль приблизился к воротам, преграждавшим дорогу, которая вела в глубь засушливой местности, носящей название Земля Принцессы. Ребята продемонстрировали большое умение в открывании громоздких ворот, после чего вскарабкались на подножку автомашины в ожидании нескольких пенни за свой труд, что было для них редким, но необходимым подспорьем. Но старый Преториус не обратил на детей никакого внимания, пока не выехал за ворота, а затем грубо столкнул их с подножки и прибавил газ.

— Как будто я не имею права бесплатно ездить по этим холмам,— ворчал он, поглядывая на африканцев, на минуту прекращавших работу на своих полях и провожавших взглядами его машину.— Эти кафры живут тут друг у друга на голове...

— Они слишком худы. Кажется, они только не умирают с голода,— заметила его жена. — Будем надеяться, что не все такие.

Прошел еще добрый час, прежде чем пожилая чета, порядком уставшая и раздраженная, встретила наконец «Сару». Они как раз переезжали через мост над узким ручьем, когда Марта заметила ее: девочка сидела на корточках у берега. Ей было лет одиннадцать.

Она взглянула наверх, когда автомобиль остановился, и с интересом задержала взгляд на пожилых белых людях, сидевших в нем. А когда Марта вышла из машины и с трудом начала спускаться к ручью, девочка поднялась и боязливо спряталась в зарослях тростника. Преториус помахал ей рукой, и она с улыбкой сделала то же самое. Спустившись к ручью, Марта остановилась возле устоев моста и позвала девочку, подняв руку с ярко-красным платком так, чтобы та могла видеть его.

Девочка знала уже, что белым людям нужно подчиняться, и она приблизилась, медленно и робко.

Ничего не подозревая, она взяла из рук Марты протянутый ей красный платок и с радостным смехом повязала его на голову. Старый Преториус поманил ее к себе, он держал руку так, словно в кулаке был спрятан еще какой-то подарок. Темнокожая девочка подбежала к машине и, когда старик указал пальцем на заднее сиденье, вскочила на подножку, заглянула внутрь.

Подоспевшая в это время Марта открыла заднюю дверцу и втолкнула девочку в машину. Старый Преториус завел мотор, и они, теперь уже втроем, продолжали свой путь...

Сара сидела у дверей кухни, все ее тело безмолвно сотрясалось от горя, слезы безостановочно бежали по щекам.

— Хорошо, хоть рева не слышно,— с удовлетворением отметила Марта.— Она боится нас,—сказала она мужу, не зная, куда спрятать глаза от пристального взгляда девочки.— Посмотри, она здоровая и даже упитанная! — Слова Марты прозвучали так, будто это было делом их рук.

Она поставила на стол чашку молока, положила кусок хлеба.

— Ешь! — сказала она.

Давясь, девочка принялась за еду и вскоре перестала вздрагивать. Ей приготовили постель во дворе, в чулане. Марта указала ей на кран и кадку для воды, дала кусок мыла.

— Умывайся и ложись! — приказала она и вернулась на кухню.

Позднее она зашла в чулан посмотреть. Сара лежала неподвижно, с широко открытыми глазами.

— Нужно спать,— сказала Марта мягким голосом, но девочку почему-то это не утешило.

— Завтра, как рассветет, помоешь кухню и натрешь пол на веранде.

Первое, что Сара узнала от Марты о боге, было то, что он требует, чтобы люди были хорошими, хорошими и скромными, и покорными, и трудолюбивыми; и упаси их боже от того, чтобы быть алчными или за-

бывать каждый день повторять свои молитвы. Узнала она также с помощью узловатой руки Андриаса об отмщении, воздаваемом господом богом тем людям, которые плохо выполняют его заповеди.

Постепенно девочка свыкалась с новой обстановкой — с суровыми, лишь изредка смягчавшимися хозяевами, с тяжкой работой.

Порою, когда ей уже нечего было делать по дому, она садилась на табурет в саду под деревьями и смотрела, как в соседнем саду играют дети. Ей нравилось спокойно сидеть, глядя на них, и слушать, о чем они говорят. Их было трое, на год — два моложе ее. Они играли в странные, непонятные ей игры, так что в первое время ей даже не хотелось принять в них участие. Но однажды Делли, которая, судя по всему, была у них вожаком, подошла вплотную к забору, чтобы сорвать яблоко с дикой яблони, стоящей в саду Преториусов. Увидев Сару, она позвала остальных ребят. Те приблизились и остановились у забора; их карманы были набиты мелкими яблоками.

— Эй! — сказала Делли.— Можно сорвать несколько яблок?

— Эй! — ответила Сара. И потом: — Эти яблоки нельзя рвать, разве вы не понимаете? Они принадлежат мистеру Преториусу. Это будет воровство.

Три маленьких руки сразу отдернулись от забора, ребята с опаской огляделись: уж не видно ли поблизости старика Преториуса?

— А ты ему скажешь? — спросила Делли.

— Если вы больше не будете, не скажу.

Наступило молчание.

— Как тебя зовут? — спросила потом Делли.

— Сара. А вас?

— Меня Делли. Вот это Джесси. Ее отец вагоновожатый. А Элфи живет в лавке на углу.

Они еще некоторое время изучали друг друга через забор, затем Делли крикнула:

— Ну, пока! И все трое побежали и скрылись за домом. Их отсутствие не было длительным: уже через несколько минут они появились снова со скакалками в руках и принялись прыгать. Облокотившись на забор, Сара наблюдала за ними.

— Иди к нам! — крикнул Элфи. И вскоре люди, шедшие по улице по своим делам, с удивлением и неудовольствием лицезрели, как трое белых детей и темнокожая девочка играют вместе: прыгают, кричат и смеются.

На следующий день, улучив свободную минуту, Сара с волнением выбежала в сад к своим новым друзьям. Она увидела, что ребята играли на старом месте, и была уверена, что те заметили ее, хотя и не показали вида. Но они все не звали ее.

Сара уселась на свой табурет под деревьями, озадаченная и уязвленная, стараясь не смотреть в их сторону. Затем она подумала, что, наверное, они все-таки не видели

ее, и попыталась привлечь их внимание к своей особе. Она громко кашлянула, но это не имело успеха. Тогда она принялась напевать песню своего детства, не настолько громко, чтобы это выглядело демонстративно, но и не так тихо, чтобы ее нельзя было услышать по ту сторону забора.

Но ребята не замечали ее.

Глаза Сары наполнились слезами, руки судорожно мяли красный платок, тот самый, который ей подарила старуха Преториус, затем она бросилась в свою каморку, уткнулась в подушку... Вдруг ее осенило: как глупо она себя вела! Ведь здесь среди ребят, наверное, не принято приглашать. Просто каждый подходит и принимает участие в игре. Разве Джесси или Элфи ждут приглашения? Они приходят, когда хотят, к Делли.

Сара вскочила со своей кровати, побежала снова в сад, прямо к забору.

— Эй, Делли, Элфи, Джесси! — позвала она.

Трое ребят многозначительно переглянулись, но не прекратили игры.

Стыд и боль наполнили все ее существо.

— Почему вы не принимаете меня?

Ребята остановились, но не двинулись к ней ни на шаг.

Сара не могла сдержать слез обиды и резко отвернулась, чтобы их не было видно, но все ее тело тряслось от рыданий, когда она опять шла к дому.

Она различала голос Элфи, звавшего ее обратно, но сделала вид, что не слышит. Она заставила себя не поворачиваться, не показывать своего залитого слезами лица, но больше всего на свете хотелось ей сейчас вернуться к ним, играть вместе.

Вот к зову Элфи присоединились голоса Делли и Джесси, сливаясь в общий хор:

— Сара, Сара, не плачь, Сара!

Они кричали так долго, что, наверное, уже начали забывать первоначальный смысл, который вкладывался в эти слова, но Сара внезапно почувствовала, как ее печаль сменяется ощущением чего-то прекрасного — большого, настоящего счастья. Она вытерла глаза, подошла к ним и со смехом присоединилась к их дружным воплям: «Сара, Сара, не плачь, Сара!»,— зазвучавшим совсем как песенка и перешедшим в радостный визг.

Вдруг белые дети что-то вспомнили и замерли с испуганными лицами. Делли с видом заговорщика осмотрелась кругом.

— Нам не разрешают играть с тобой,— прошептала она. — Беги к нам, на задний двор, там встретимся.

Сара побежала через дом своих хозяев к задней калитке, выскочила в переулок. Подождав немного, она нетерпеливо и настойчиво постучала в калитку к Делли, приходя в ужас от одной мысли, что ей могут не открыть.

Но Делли сама отперла ей калитку и драматическим, полным настороженности жестом пригласила войти.

— Нам не позволяют с тобой играть,— сказала она еще раз, торжественно и значительно.

— Но мы не слушаем их,— вмешался Элфи.

— Почему? Что я такого сделала? — спросила Сара, озадаченная, но чувствуя, что с ее души все равно уже свалилась тяжесть: ведь она опять была вместе со своими новыми друзьями.

— Отец говорит, что с тобой нельзя играть, потому что твои родители — кафры,— сказала Джесси нерешительно. Затем боязливо, но с чувством гордости добавила: — Мне здорово нагорит, если узнают...

— Не понимаю, почему они так против...— сказала Делли.

Дети посидели молча, раздумывая над этой новой выдвинутой жизнью проблемой.

— Это из-за твоего брата,— сказала наконец Джесси.

Мысли Сары обратились в казавшееся ей теперь таким далеким и туманным прошлое. Конечно, у нее был брат, и не один, но откуда отец Джесси узнал о них?

— Мама сказала,— продолжала Джесси,— что если ты хорошая, аккуратная девочка, то я могу играть с тобой, но папа спросил ее, что бы она сказала, если бы ты привела своего хорошего, аккуратного брата и он захотел бы поцеловать меня... И еще он сказал, что если мы будем играть с тобой вместе, это не пойдет на пользу их... как ее... партии лейбористов.

Все трое посмотрели на Сару: что она скажет на это? А в душе девочки помимо ее воли поднималось горделивое чувство: как много внимания уделяют ей эти взрослые!

— Мой отец сказал, что если я буду играть с кафрами, я должен рассказать об этом священнику, потому что это грех,— сообщил Элфи.

Делли сказала:

— Мама говорит, что не надо произносить «кафр»: это некрасиво. Нужно говорить «туземец».

Вдруг Делли вскочила:

— Пусть они говорят, что хотят,— воскликнула она,— а мы давайте поклянемся нашей кровью быть друзьями и помогать друг другу до самой смерти! Ладно?

Она убежала в дом и вернулась оттуда с иголкой в руке.

— Мы должны поклясться всегда оставаться друзьями и помогать друг другу, когда бы нас ни попросили,— сказала она, едва переводя дух.— Сейчас мы смешаем нашу кровь и поклянемся, что умрем, а выполним эту клятву!

Все они были глубоко захвачены происходящим и тем, что должны будут совершить в будущем. Медленно повторяли они вслед за Делли слова клятвы.

— Теперь надо смешать кровь,— сказала неутомимая Делли.— Давайте пальцы.

Сара тоже протянула руку, и Делли приготовилась начать с нее, но в последнюю минуту испугалась и отдала ей иголку. Сара вонзила ее в большой палец, выдернула, и на пальце заблестела кровь.

— Теперь ты,— сказала Делли, обращаясь к Элфи.

— Нет, ты,— сказал он.

Наступила пауза.

— Для клятвы достаточно крови одного человека,— авторитетно заявила Делли после молчания.

Притронувшись своими пальцами к окровавленному пальцу Сары, они скрепили клятву. Затем Делли заставила Сару снять с головы ее красный платок, подарок Марты Преториус, и все подержались за его концы.

— Как будто на этом платке наша кровь,— сказала Делли, и все согласились с ней.

Люди вскоре привыкли к тому, что четверо детей проводили время вместе, и перестали обращать на них внимание. Правда, Джесси всякий раз с большими предосторожностями проникала на задний двор к Делли. Но она вполне могла бы обойтись и без них, потому что никакой опасности уже не подвергалась. Ее отец давно махнул рукой на то, что его запрещение не возымело на дочь никакого действия, и, видимо, сам того не замечая, мог порою ворчливо говорить ей так: «Неужели ты не можешь быть поаккуратней? Посмотри на Сару...» Или: «Если бы ты так слушала своих родителей, как Сара — миссис Преториус!»

...Шли месяцы, и жизнь Сары текла без изменений: работа в доме и в саду, а в свободное время игры на заднем дворе с друзьями. Здесь ей открывался целый мир. Вспомнить только, сколько было волнений, когда у Монти появились щенки! А бесконечная игра в прятки! Сколько радости доставляла она, хотя все потайные места каждый из них мог найти с закрытыми глазами! Но самыми лучшими были те часы, когда они сидели в тесном кружке, обсуждая различные животрепещущие вопросы — самые, самые разные, и тогда так явственно ощущались те нити, что связывали их всех, рождая радостное чувство дружбы и доверия...

Сара не могла бы точно указать, когда именно их дружба дала трещину. Возможно, в этом была повинна школа — ведь и Делли, и Джесси, и Элфи давно учились. Часто они разговаривали о школьных делах, и если сначала Сара перебивала их и пыталась склонить беседу к общим для них всех темам, то впоследствии она все чаще и чаще полностью выключалась из разговора и сидела печальная и молчаливая, понимая, что этот мир недоступен для нее.

Однажды Элфи затеял спор о том, могут ли люди научиться разговаривать с животными. Сара полностью отвергала эту гипотезу, и тогда мальчик принес книгу о докторе Дуллитле [1] и указал ей место, письменно подтверждавшее его правоту. Сара мельком взглянула на указанную страницу, но Элфи сказал, ткнув туда пальцем:

— Вот, читай сама.

[1] Книга английского детского писателя Лофтинга.

Он продолжал настаивать, и тогда Сара вскочила и убежала домой.

— Послушайте,— сказал Элфи, оправившись от удивления, вызванного этим внезапным бегством.— А ведь она совсем не умеет читать. Я и не знал...

Мистер Преториус закончил чтение вслух библии, и Сара поставила кофе на стол.

— Пожалуйста, басс [1],— сказала она.— Может басс научить меня тоже читать из этой книги?

Миссис Преториус злобно взглянула на нее, сказала резко:

— Твои новые дружки вбили это тебе в голову? Кафрам незачем учиться читать!

Больше к своей просьбе Сара не возвращалась, испугавшись, что дальнейшее развитие разговора может повлечь за собой запрещение выходить со двора и встречаться с друзьями. Но когда хозяев не бывало в комнате, она часто подолгу всматривалась в раскрытые страницы книги, словно в поисках какого-то ключа, который помог бы ей расшифровать загадочные знаки и сделать понятнее и ближе мир ее друзей.

Однажды хозяйка застала ее за этим. Сара смотрела на раскрытые страницы библии, и слезы текли по ее лицу. С холодной яростью старуха захлопнула тяжелую книгу и изо всех сил отвесила Саре две пощечины: справа и слева.

Элфи первый отошел от их компании. Старые игры ему надоели, а ожидать, что девчонки начнут играть в футбол или крикет, не приходилось.

Для Джесси и Делли задний двор тоже стал только двором, маленьким и тесным, и они уже с начала недели предвкушали субботнее удовольствие: как они станут в очередь за билетами на дневной спектакль. Все чаще начали они уходить на прогулки по городу.

Их внезапные решения предпринять прогулку сначала не трогали Сару: она просто говорила им, что занята и не может пойти, когда они ее звали с собой. Хуже было, когда они сидели дома и Сара слышала через окна их смех или как они заводят пластинки. Часто к ним приходили новые знакомые, и тогда они совсем не выходили на задний двор и не звали Сару. А она пряталась в хозяйском саду, напрягаясь изо всех сил, чтобы услышать, что они делают, ловя каждый взрыв смеха, крики, кашель, хотя от всех этих звуков ей хотелось зарыдать.

Делли и Джесси с матерью шли по улице Кеннели от трамвайной остановки, где к ним присоединился Элфи, возвращавшийся из школы. Когда они проходили мимо дома Преториусов, их радостно окликнула Сара.

Мать Джесси резко остановилась.

— Сара,— сказала она,— я не позволяю тебе разговаривать с Джесси. Если я увижу это еще раз, то пожалуюсь миссис Преториус.

Лицо Сары посерело.

— Хорошо, миссис Кемпбелл,— пробормотала она.

Белые люди продолжали путь в неловком молчании. Сара ясно видела возмущение на лице Элфи.

Перед своей калиткой мать Джесси повернулась к Элфи и сказала, словно чувствуя необходимость в объяснении:

— Не подумай, что я имею что-нибудь против туземной девушки. Все было хорошо, когда вы были меньше. Но представь, что скажет мальчик, идущий рядом с Джесси, если к ней вдруг подойдет черная девушка и заговорит как равная!

...Прошло много времени. Както, гуляя с приятелями, Элфи увидел темнокожую девушку-служанку с красной повязкой на голове. Девушка пристально смотрела на него. Уже пройдя мимо, он понял, что это Сара, и остановился. Он хотел было вернуться и подойти к ней, но постеснялся заговорить с женщиной-туземкой при своих знакомых. Он все же оглянулся, изобразив на лице улыбку, но Сара уже не смотрела на него.

Она стояла, снявши свой красный платок, держа его в руках. Красная материя, как кровь, струилась между ее пальцами...

Перевел с английского
Юрий Хазанов.

[1] Хозяин.

ГОЛОС ДОБРОГО ДРУГА

Быстрый, как молния, «ТУ» доставил из Пекина свежие газеты. Вот одна из них: небольшого размера, с красивыми цветными рисунками. Это «Чжунго Шаонянь Бао» — газета китайских пионеров.

Хотите узнать, как живут они, ваши хорошие друзья? Давайте почитаем эту газету все вместе.

На первой странице заголовок: «Наша страна вступила в атомный век».

В Китае построена первая атомная установка. С ее помощью китайские физики будут учиться управлять ядерными реакциями. Следующий шаг — строительство атомных электростанций.

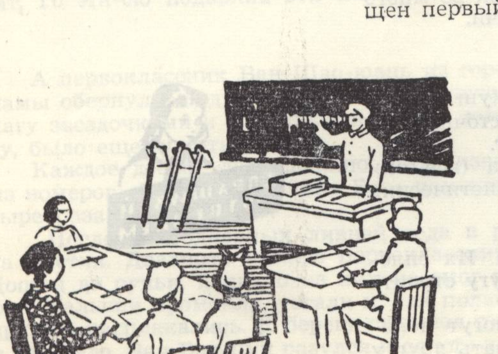
В Китае богатые запасы урановой руды. Близок день, когда скрытая энергия урана превратится в электричество. Миллионы лампочек осветят крестьянские дома, а по полям пойдут электротракторы...

И это в стране, где совсем недавно главным орудием труда была мотыга!

«Пекин скоро станет морским портом»,— сообщает газета. Тысячи строителей восстанавливают древний Великий канал и продолжают его от Тяньцзиня к столице. Канал соединит пять самых больших рек страны: Хайхэ, Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзыцзян и Цяньтанцзян. Водным путем можно будет попасть почти в любой крупный город Китая, а до Пекина смогут доплывать морские корабли.

Каждый день приносит нашим друзьям большие победы.

«По производству пшеницы народный Китай обогнал Соединенные Штаты и вышел на второе место в мире. Первое занимает СССР». «Плотина победила водяного дракона, построено водохранилище Шисаньлин». «Освоены тысячи му целинных земель». «Выпущен первый китайский легковой автомобиль».

Откуда же берутся силы для этих замечательных дел?

В Китайской республике в каждом большом строительстве, в освоении новых земель, в сельскохозяйственных работах принимают участие все без исключения граждане страны. По зову коммунистической партии крестьяне приходят на стройки дорог, плотин и заводов. Рабочие едут в село помочь убрать урожай.

Ученые, писатели, генералы, министры и председатель республики товарищ Мао Цзэ-дун откладывают время от времени свои очередные дела и приезжают на стройки. Там они берут в руки лопаты, кирки, тачки и вместе со всеми работают в жару, и в холод, и в дождь.

Каждый житель республики знает: любое дело в стране — его дело.

А вот еще одно сообщение: в одной из деревень района Юйхуацюй, неподалеку от города Нанкина, открылся народный институт. Его организовали на свои средства жители этого района, китайские крестьяне и горожане. Преподают там профессора и преподаватели городских институтов, приезжающие на сельскохозяйственные работы.

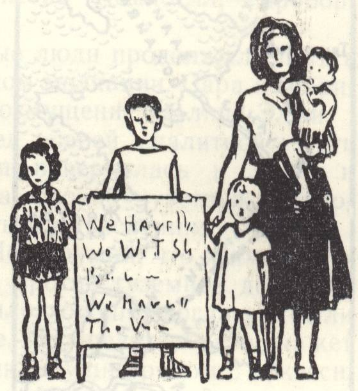
И студенты и педагоги днем работают в поле, а вечером учатся и обучают в институте. Через три года из стен народного института выйдут первые агрономы и учителя.

...Кто же это шагает по газетному листу, пристально вглядываясь в даль? Этот человечек все увидит и все нам покажет, недаром у него за ухо заложен остро отточенный карандаш, а объектив фотоаппарата открыт: человечек готов в любую минуту заснять или записать что-то очень интересное, что обязательно должны увидеть читатели «Чжунго Шаонянь Бао».

У человечка гордое прозвище: «Зоркий глаз, который видит за десять тысяч ли».

Что же увидел этот зоркий глаз?

На улице американского города стоит семья рабочего. Мать и четверо детей вышли на улицу просить милостыню. Младшему мальчику три года, он сидит на руках у мамы и сосет пустую бутылочку. Нет молока. А старший (ему девять лет) держит плакат: «Мы уже давно живем в долг. Мы не хотим стать воришками. А мы голодны». В Америке кризис. Заводы закрываются. Рабочих выгоняют на улицу. Их отец давно уже без работы...

А потом «Видящий на десять тысяч ли» навел свой фотоаппарат в сторону Советской страны. Он принес в газету фотографию маленькой девочки Наташи Молочной, дочери рабочего. Наташе всего пять лет, а она уже композитор. Она сама сочинила мелодии двенадцати песенок. Одна из них называется «Золотая осень», другая — «Летающий лебедь». Наташа не только поет их, но даже наигрывает на рояле. А записывает ноты Наташина тетя. Композитор пока что не очень-то владеет пером.

А теперь аппарат наведен на Китай.

Смотрите-ка, как интересно: от одного стебля отходят пять колосьев! Что это за чудо?

Это многоколосковый ячмень. Его вырастили на своем школьном участке ученики Хуаняньсячэньской школы в провинции Чжэцзян. Юные агрономы разослали семена этого замечательного ячменя пионерам во все концы страны, и теперь ветвистый ячмень растет и в Тайсиньшане и в Синьцзяне — по всей республике.

Хорошее дело!

Да! И детям и взрослым в странах социализма живется во много раз лучше и интереснее, чем за океаном, где правят богачи.

Одна китайская школьница спросила редакцию «Чжунго Шаонянь Бао»: «Что значат слова товарища Мао Цзэ-дуна «Восточный ветер сильнее западного»?» Она получает подробный ответ.

«Восточный ветер» — это политика стран социализма (все они расположены на востоке). «Западный» — лагеря капиталистических стран.

Почему же «восточный ветер» сильнее?

Плечом к плечу встали социалистические государства. Их сплотили общие цели, братская дружба. Они помогают друг другу строить свободную и счастливую жизнь.

А капиталисты? Капиталистические государства не могут поладить между собой. Они все время дерутся, стараясь вырвать друг у друга прибыли и привилегии, рынки и колонии.

В странах социализма с каждым днем растет производство, жизнь становится богаче и лучше. А в империалистических государствах наступает промышленный кризис. Закрываются предприятия, сокращается производство, и трудящиеся остаются без хлеба, без средств для существования.

Далеко вперед шагнула наука социалистического лагеря. Взмыли в космос три советских спутника. Японские ученые говорят, что ученые США отстали от советской науки по меньшей мере на пять лет.

Переворачиваем страницу «Чжунго Шаонянь Бао». Вторая и третья посвящены пионерской жизни.

В одной деревне провинции Хэбэй пионеры копали землю и нашли банку, в которой было 236 лянов, то есть 8 килограммов серебра. Ребята отнесли серебро в райком партии.

Райком решил: «На эти деньги будет построен для детей пионерский бассейн»...

«Китайские школьники с большим энтузиазмом откликнулись на призыв помочь селу. Старшеклассники из многих школ республики решили после окончания учебы поехать на работу в деревню».

А как помогают селу младшие ребята, пионеры? Вот что рассказывается об этом в газете:

«Многие годы Китай был отсталой страной, в деревнях почти не было грамотных людей. Теперь в селах открываются десятки тысяч школ. Учащихся стало так много, что учебников и книг на селе не хватает.

Ребята китайских городов решили поделиться со своими товарищами. В городе Баодине пионеры и комсомольцы за три дня собрали пятьдесят тысяч книг и учебников.

Школьница Го Ин-сю очень любит книги. Она берегла свою маленькую библиотечку и очень боялась даже дать кому-нибудь прочитать одну из своих книжек: вдруг порвут или запачкают?

Два года Ин-сю собирала журнал «Эртуншидай». Она очень гордилась своим комплектом — целых пятьдесят номеров! Журнал интересный: в нем печатались рассказы и повести с продолжениями.

Когда в провинции Хэбэй стали собирать книги для сельских ребят, Го Ин-сю подарила эти пятьдесят номеров журнала.

А первоклассник Ван Шао-юань из города Хоуфудоу с помощью мамы обернул каждую книжку в красивую бумагу и разукрасил бумагу звездочками и картинками, чтобы тому, кто получит его книжку, было еще приятнее.

Каждое доброе дело должно стать известным ребятам. В одном из номеров «Чжунго Шаонянь Бао» помещена заметка «Двадцать четыре раза через ручей».

...После многодневных ливней вода в ручье поднялась и сорвала мостик. Двадцать четыре первоклассника шли из школы домой. Дошли до ручья, и никто из них не смог перебраться на другой берег. Малыши промокли, устали и, как полагается малышам, громко и дружно расплакались. К берегу подошел пионер Ван Бао-цин. Узнав, в чем дело, Ван Бао-цин разулся и одного за другим перенес на руках всех малышей через бурлящий ледяной поток.

«Дружба делает нашу жизнь еще прекрасней» — так называется один из самых интересных отделов газеты.

«В одной из школ Шанхая пионерки организовали «звено дружбы» и взяли шефство над первоклассниками. Они регулярно приходят к малышам, чтобы привести их в порядок. Причесывают, подстригают им ногти, заплетают косички у девочек, пришивают пуговицы, чинят разорвавшуюся одежду. А некоторых ребятишек иногда приходится и умывать.

Малыши сговорились и в благодарность старшим устроили для них концерт первоклассников...»

Есть у читателей «Пионерской газеты» умный, добрый друг — «старшая сестра».

«Почта старшей сестры» получает множество писем от ребят с самыми разными вопросами, сомнениями, с просьбой посоветовать, как правильно поступать.

Мальчик Ню Чжи-чао из Средней Монголии спросил: «Разве стыдно помогать дома по хозяйству?»

«Дорогая старшая сестра! — писал Ню Чжи-чао.— Во время каникул я помогаю маме в работе по дому: стираю белье, мою посуду. Я думаю, что всякий труд почетен. Однако многие мои товарищи говорят, что мальчику стыдно стирать белье и готовить обед, и дразнят меня «девчонкой». Соседи тоже смеются надо мной. Мне теперь даже стыдно лишний раз показаться на улице. Скажите, следует ли мальчикам помогать маме в домашней работе?»

Надо думать, вы угадаете, что ему ответили ребята и сама «старшая сестра».

«ПОПРОБУЙ СДЕЛАТЬ САМ!» — советует газета своим маленьким читателям. И рассказывает о разных самоделках и опытах.

— Ты знаешь, почему клубни картофеля растут в земле, а не на поверхности? Потому, что для их роста нужна темнота. Не веришь? Посади картофелину в цветочную банку и, когда ботва станет длиной в 1 си (32 см), надень на стебель коробку из плотной бумаги, чтобы под нее не попадали лучи света. Если через несколько дней ты снимешь коробку, то окажется, что клубни выросли на стебле, а не у корней.

Ну, конечно, есть в газете и спортивные новости: вот, например, сообщение о том, что восьмиклассница пионерка Хуан Ли-ли на соревнованиях поставила новый всекитайский рекорд для девочек. Она прыгнула с разбега в длину на 4 м 88 см.

Рядом со спортивными новостями можно прочитать продолжение очерка о путешествии на Новую Гвинею, веселые стихи, рассказы, сказки.

Вот мы и просмотрели газету китайских ребят. Страницы ее рассказали о жизни пионеров великой страны, которую мы очень любим... Будто мы услышали голос далекого доброго друга.

Б. Володин

ВЕЧЕР В ХАНЧЖОУ. Максимов К.

ВОЛГАРИ.

Черникова Н.

Тифлисский рассвет

РАССКАЗЫ О КАМО

Виль **ОРДЖОНИКИДЗЕ**

Рисунки П. Пинкисевича.

«...с трудом верилось, чтоб человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души».

(М. Горький).

Детство мое прошло на окраине Тифлиса, на маленькой улочке, упиравшейся в переезд железной дороги.

Мальчишки с нашей улицы очень любили собираться на пустыре за железнодорожным полотном, возле оврага, по дну которого бежал мутный ручей.

Мы гоняли мяч по серой, утоптанной траве, посыпанной блестками угольной пыли, а потом спускались к ручью, чтобы умыться и отряхнуть с себя пыль перед тем, как вернуться домой.

Но мы никогда не могли вернуться домой сразу. Мы усаживались возле ручья и, вытирая майками раскрасневшиеся лица, долго рассказывали друг другу разные истории.

Я очень хорошо помню, о ком больше всего мы говорили в то время.

Есть имена, под обаянием которых проходит детство человека. В мои детские годы чаще всего звучало короткое имя Камо́.

Этим именем товарищи называли бесстрашного большевика-подпольщика Симона Аршаковича Тер-Петросяна. Это был необычайно смелый, стойкий и мужественный коммунист, беззаветно преданный великому ленинскому делу.

Его хорошо знал и любил Владимир Ильич. Както, выдавая Камо́ мандат, Владимир Ильич написал, что знает его «досконально, как человека с о в е р ш е н н о и с к л ю ч и т е л ь н о й преданности, отваги и энергии».

Когда нужно было переправить нелегальную литературу из одного города в другой, наладить работу подпольной типографии, организовать транспорт оружия из-за границы, незаметно провести по тифлисским улицам приехавшего по поручению ЦК товарища и надежно укрыть его в городе, организовать побег из тюрьмы и одурачить шпиков, никто не смог бы справиться с таким делом лучше Камо́.

Да, о Камо́ мы говорили чаще всего. И как же могло быть иначе? Мы жили в городе, в котором он жил, в котором жили еще его товарищи и соратники и где все напоминало о нем: и улица его имени, и завод, и больница, и памятник, стоявший в центральном сквере. Когда мы проходили мимо Метехского замка, нам говорили: «Здесь сидел Камо́»; возле Михайловской больницы: «Отсюда бежал Камо́»; на Эриванской площади: «Здесь Камо́ провел свою блестящую операцию»; на Верийском спуске: «Здесь погиб Камо́»...

Это имя навсегда вошло в историю моего города.

Позже я много расспрашивал моих родных, их друзей и знакомых о том, что они знают о Камо́, что слышали. Прочитал почти все, что было о нем написано.

Я снова вспомнил наш мальчишеский кружок на пустыре за железнодорожной насыпью, у мутного ручья. И мне захотелось рассказать вам, сегодняшним ребятам, об этом замечательном человеке. Так получилась книга «Тифлисский рассвет».

Здесь, в «Пионере», печатается не вся книга, а только часть ее, поэтому кое-что нужно пояснить.

Первые три рассказа относятся к началу революционной деятельности Камо.

Действие их происходит в 1903 году. Действие последующих четырех рассказов — в 1907—1911 годах.

Ладо Кецховели, Михо Бочоридзе и Гиго, о которых говорится в рассказах, — революционеры, руководители Камо в начале его партийной работы.

Тень отца Гамлета

Труднее всего, когда несешь большую корзину с яблоками, пройти мимо городового, чтобы не постоять с ним несколько минут. Хочется подробно расспросить его о том, каким переулком быстрее всего можно пройти к дому купца Гозалова, хотя этот путь давно и хорошо известен. Потом долго и бестолково благодарить рыжеусого и застенчиво протянуть ему на прощание самое большое, самое спелое яблоко.

С хрустом жует городовой антоновку, и в голову ему не приходит, что в корзине у стройного кинто [1] с озорными глазами лежат под яблоками те самые листки, о которых каждый день напоминает начальство.

Товарищи не раз говорили Камо, что нельзя так рисковать. Поручая ему что-нибудь, Гиго часто повторял:

— Иди, пожалуйста, спокойно, аккуратно иди: не свисти на улице, не задирай извозчиков и дворников, не разговаривай с фараонами и, пожалуйста, не угощай их ничем...

Камо обычно отшучивался или вспоминал случаи, когда Ладо или кто-нибудь из других работников партии скрывался вовремя именно благодаря постоянной твердости духа, уверенности в себе и находчивости.

Особенно часто любил он вспоминать историю, случившуюся с Ладо Кецховели. Дело было так. Обычно тифлисская охранка узнавала о том, что Ладо в городе, уже после того, как он уезжал. Но однажды ротмистру Лаврову удалось узнать о приезде Ладо в тот же день. Дом, в котором он остановился, окружили. Жандармы решили действовать наверняка. Они дожидались поздней ночи.

Ладо, как обычно, по-походному расположился на полу и быстро заснул. Ночью в дверь нетерпеливо постучали.

Ладо действовал быстро и четко: он собрал свою одежду, спрятал ее под постель, объяснил хозяйке, что ей говорить, и снова лег «досыпать».

Жандармы вошли со всеми предосторожностями: одного оставили у входа, второй встал за дверью, двое других принялись осматривать комнату и рыться в вещах. Хозяйка, простоволосая и заспанная, куталась в платок и безучастно смотрела, как вываливают вещи из комода, а на полу храпел Ладо.

— А это кто у тебя разлегся ?— спросил старший из жандармов.

— Это мой крестный. Вечером пришел из деревни, устал очень с дороги, — равнодушно зевнув, ответила хозяйка.

— Ну и мужик! Спит, хоть из пушки пали... Храпит-то как... А больше никого нет?

— Откуда же взяться?

Жандармы составили акт и ушли.

— Вот олухи царя небесного! — проговорил Ладо, быстро одеваясь. Он попрощался с хозяйкой и, осторожно выйдя из дому, пропал в темноте.

Не прошло и получаса, как жандармы вновь забарабанили в дверь. С ними уже был разъяренный ротмистр.

— Куда девала своего крестного? Это же был Ладо Кецховели! Где он?

А Ладо уже и след давно простыл...

Камо припоминал и другой случай, когда вывезли из тюрьмы очень нужного товарища в бочке из-под капусты.

В бочке сделали двойную крышку. Под одной, скорчившись в три погибели, сидел человек, а над ним толстым слоем лежала прокисшая капуста. Выезжая с тюремного двора, возчик с готовностью откинул крышки на нескольких бочках: «Нате, мол, проверяйте...» Но начальник охраны брезгливо поморщился и, зажимая нос, процедил:

— Проезжай, проезжай...

Да, Камо знал: главное в такие минуты — сохранять самообладание, быть готовым к любому неожиданному повороту.

Это могло лишь показаться, что Камо беспечен и самоуверен. Он просто все точно рассчитывал, каждый шаг был обдуман.

Он ни на что не променял бы эту свою новую, беспокойную и полную опасностей жизнь, которая началась с того дня, как он стал членом партии.

Первые поручения, которые давали ему в комитете, были несложные: переносить листовки с одной квартиры на другую. Потом

[1] Кинто — мелкий уличный торговец.

задания стали все сложнее и труднее: ему поручали охранять рабочие собрания, выносить листовки уже из самой типографии и незаметно распространять их в городе.

Тщательно и придирчиво обдумывали каждый раз в комитете, как и кому следует выполнить очередное поручение партии. Ведь простое задание выполнить было так же опасно, как самое сложное. Попадись человек с одной прокламацией или с корзиной прокламаций, он все равно подвергался тяжкому наказанию.

Шел февраль 1903 года... Тифлисские рабочие готовились к партийному съезду. Комитет выпустил прокламацию, которую нужно было срочно распространить по городу. Надо было показать, что, несмотря на трудности и преследования, рабочая партия сильна, активно действует и продолжает борьбу. Решили, что лучше всего разбросать листовки по подъездам, а несколько пачек распространить вечером в театрах. Театры выбрали самые посещаемые: Казенный, Артистического общества и Грузинского дворянства.

Решено было, что этим займется молодежная группа. Была такая группа, состоявшая из учащихся, она выполняла различные мелкие поручения. Теперь ей решили доверить серьезное дело.

Камо собрал группу во дворе Кашветской церкви. Церковный двор в этот час был полон богомольцев и гуляющей молодежи, и никто не обращал внимания на то, что в одном из уголков двора о чем-то горячо спорят юноши в гимназических мундирах и куртках учеников реального и землемерного училищ.

Разговор, который повел Камо, серьезно озадачил юношей. Им очень хотелось разбросать прокламации в подъездах, и они с радостью согласились это сделать, но идти с ними в театр отказались наотрез. Высокий светловолосый реалист Гурам обстоятельно объяснил поведение своих товарищей:

— Мы же можем сразу попасться из-за этого мелкого дела, ведь наши педеля шныряют по всем галеркам. Тогда нам не придется закончить образование. А ведь мы мечтаем сделать для народа большое дело. Надо спокойно окончить учение, и тогда мы сможем принести большую пользу...

Камо рассердился. Он ведь тоже был молод, но никогда бы не мог себе позволить думать о партийной работе так, как эти парни.

— Только тот, кто хочет и может делать маленькое дело, — сказал он сурово, — сможет со временем сделать и большое. Кто сейчас не может выполнить мелочи, тому в будущем не сделать большого дела.

После этих слов трое из землемерного училища согласились вечером прийти за прокламациями.

Простившись с ними, Камо пошел в типографию.

Пронизывающий февральский ветер свистел в голых ветвях деревьев. По Головинскому проспекту лихо неслись фаэтоны с низко опущенным верхом.

— Ойэ!

— Хабарда!

— Поберегись! — раздавались то тут, то там предостерегающие окрики извозчиков.

Камо поднял воротник пальто, пониже нахлобучил шапку и, сжимая в карманах кулаки, чтобы отогреть руки, стал подниматься по неровным плитам улочки, тянувшейся в гору.

Пройдя несколько крутых, мощенных круглым булыжником улиц, по которым люди бежали вниз вприпрыжку, потому что по ним невозможно было спускаться спокойно, Камо вышел к подножию горы Мтацминда, высившейся над городом.

Он прошел еще немного сыпучей узкой тропинкой. Здесь было гораздо тише, и ветер не ревел с такой силой, как в низинных улицах. Камо остановился возле большого цементного сооружения, напоминающего крытый бассейн. Это было запасное водохранилище городского водопровода.

Возле деревянной будки сидел на скамеечке большой бородатый человек в маленькой кахетинской шапочке. Осколком стекла он чистил белую кизиловую палочку.

Человек посмотрел на Камо, кивнул ему, и Камо вошел в будку. После солнечной улицы здесь было совсем темно. Большой кучей лежали в углу сваленные обрезки труб и ржавые части насосов. Справа у стены стояли небольшой столик и табуретка.

Камо чиркнул спичкой и прошел в угол. Здесь он поднял за кольцо крышку люка и спрыгнул в подвал. Над головой тянулось несколько рядов толстых труб, по которым вода из бассейна шла в город. Пахло плесенью и застоявшимся подвальным теплом.

Камо откинул несколько старых досок и груду беспорядочно сваленных мешков, и тогда в плотной кирпичной кладке стены обнаружилось узкое отверстие. Он снял пальто и пиджак и, повесив их на гвоздь, полез в дыру.

Это был узкий туннель, в котором можно было ползти на животе, не поднимая головы. Мелкие острые камни впивались в локти и

колени, сыпались сверху и скатывались за воротник.

Выбравшись из туннеля, Камо встал и зажег свечу. Теперь он находился в довольно просторной комнате, высеченной в скале. Посредине ее стояли печатная машина и небольшая касса со шрифтом. Взяв круглую плетеную корзину, Камо уложил в нее висевший на стене под занавеской костюм и полез обратно, толкая корзину перед собой.

В подвале он снова завалил вход в туннель, отряхнулся, оделся и, приподняв люк, оглядел будку.

Чернобородый сидел уже возле стола и ел из глиняной плошки. Он быстро подскочил к люку и подал руку Камо.

— Сейчас будешь брать? — спросил он.

Камо кивнул. Тогда чернобородый раскрыл маленькие дверцы в стене. Внизу блестела темная гладь воды, наполнявшей бассейн. Посередине плавала небольшая лодка, покрытая брезентом. Чернобородый подтянул лодку за мокрую веревку, спускавшуюся в воду, и откинул брезент. В лодке, связанные аккуратными маленькими пачками, лежали прокламации.

— Не отсырели? Давно ведь лежат... — спросил Камо.

— Полетят — обсохнут, — улыбнулся чернобородый.

И они стали укладывать пачки в корзину под костюмы.

К вечеру немного потеплело. Ветер утих, и залитый светом Головинский проспект заполнился веселой гуляющей толпой. Попрежнему с предостерегающими криками проносились извозчики, и по бокам их фаэтонов, как маленькие звездочки, горели фонари.

Камо прошелся несколько раз перед духаном, возле которого он условился встретиться с землемерами. По времени они уже должны были быть здесь. Неожиданно из подъезда навстречу Камо вышел невысокий, крепко сбитый парень с густой копной курчавых волос и маленькими черными усиками. Это был ученик фельдшерского училища. Все называли его «Серго». Он недавно появился в Тифлисе, но все, кто знал его, отзывались о нем хорошо. Он был точен, предан своему делу, хотя немного горяч.

— Я уже давно здесь, — сказал Серго, подходя, — приходится пережидать в подъезде, чтобы не привлекать лишних глаз.

— А где все остальные?

— По-моему, больше никто не придет. Доводы Гурама всех убедили. Они решили приносить пользу в будущем... Когда я рассказал об этом в комитете, товарищи велели мне обязательно пойти с тобой.

Лицо Камо потемнело.

— Ну-ка, давай зайдем сюда на минутку, — сказал он.

Они раскрыли дверь духана, и сразу потянуло чадом шашлыка, стойким запахом вина и печеного хлеба.

Несколько столиков в углу были свободны.

Камо, смущенно улыбнувшись, признался, что не успел ничего поесть.

— Посидим здесь немного. Не идти же нам в театр за час до начала! Очень хорошо, что ты пришел, Серго! С тобой мне легче и проще все сделать. Я ведь и утром знал, что струсят гимназисты-реалисты.

Он вытащил из кармана небольшой ключ и протянул его Серго:

— К тебе просьба: этот ключ от моей комнаты пусть пока будет у тебя. Я буду бросать в театре. Если получится неладно — ключ передашь Гиго. Он знает, что делать. У меня там шрифты и всякое... Словом, если попадусь... Ты как будто совсем меня не знаешь... Ну, что ты смотришь так печально? — вдруг прервал он свои наставления. — Улыбайся! Я тебе веселые вещи рассказываю, анекдоты, шутки.

И когда Серго улыбнулся, Камо тоже, хотя это никак не вязалось с его словами, весело закончил:

— Если попадусь, молчать буду. Товарищи должны успеть все ликвидировать. Ясно?

Через четверть часа они уже сидели на галерке Артистического театра.

Шел «Гамлет».

Афиши, расклеенные по городу, сообщали, что в этом спектакле выступит Нересян. Это был молодой актер, очень полюбившийся тифлисской публике.

По сцене ходил бледный человек в бархатном камзоле и разговаривал нарочитым театральным голосом, а публика, замерев, не спускала с него восторженных глаз и ловила каждое его слово.

— Жаль парня, — шепнул Камо, повернувшись к Серго, — придется испортить ему бенефис...

Время тянулось медленно. В театре становилось жарко. Внизу, в партере, как белые бабочки, трепетали веера.

Камо, казалось, забыл, зачем он пришел сюда; подперев рукой подбородок, задумчиво глядел он на сцену.

— Знаешь, — сказал он, снова наклоняясь к Серго, — мне кажется, у меня тоже мо-

гло бы так получиться. Я очень хорошо себе представляю, что сейчас чувствует Гамлет...

— А не пора ли?

— Да, сейчас будет самое подходящее место...

В оркестре послышались какие-то рокочущие звуки. Внезапно ударил барабан, и из-за колыхающейся легкой декорации, изображающей старинный мрачный замок, послышался глухой, замогильный голос.

На сцене появилась тень отца Гамлета. В зале все притихли и даже веера перестали двигаться.

Камо сделал легкое, едва заметное движение, и Серго увидел, как вокруг центральной люстры заплясали, снижаясь, белые листки.

Они летели вниз, потом, подхваченные потоком воздуха, взмывали вверх, как белые голуби, плавно садились на бархатные барьеры ярусов и, вновь срываясь, опускались вниз.

В зале кто-то вскрикнул. Люди поднимали головы, вскакивали с мест. Сразу послышался рокот оживленных голосов. Артисты еще продолжали что-то говорить на сцене, но вдруг дернулся и пошел занавес, и чей-то резкий, требовательный голос произнес несколько раз:

— Дайте свет! Свет!

Люди уже говорили в полный голос. Ища листовки, отбрасывали с треском сиденья стульев.

Вспыхнула большая люстра, и рядками стали загораться лампочки в ярусах. Захлопали двери.

— Па-пра-шу оставаться на местах! — крикнул, пробираясь из первых рядов, бледный, отдувающийся жандармский ротмистр.

Он грубо выхватывал листки у читающих, складывая их в пачечку.

— Па-пра-шу вернуть! Пардон, па-пра-шу!

В фойе для чего-то дали продолжительные звонки. В театре стоял шум, как на площади, и вдруг в него ворвался резкий негодующий женский голос.

— Вы, вы блюститель порядка! — говорила богато одетая высокая женщина, надменно глядя на ротмистра, который попытался вырвать у нее из рук прокламацию. — Почему же вы допустили это? Если вы могли допустить, что в театре разбрасывают листовки, то извольте дать возможность прочитать их!

Бледный ротмистр отшатнулся: ему показалось, что дама хочет дать ему пощечину.

В воздухе заплясали, снижаясь, белые листки.

Надо было спешить. Камо и Серго спустились вниз и вышли боковым ходом на улицу.

Около театра уже собиралась толпа. У центрального входа суетилось несколько полицейских, свистками сзывали дворников. Главные двери театра уже были заперты.

В толпе оживленно переговаривались. Пронесся слух, что кто-то бросил бомбу в помощника главнокомандующего, который был на спектакле.

Камо потянул Серго за рукав, и они, отойдя от толпы, свернули в боковую улочку.

— Ну вот, пока все, — сказал Камо, — акт первый, картина пятая... Можешь вернуть мне ключ. Пусть они теперь ищут тень отца Гамлета...

Пустырь на Авлабаре

Кавказский союзный комитет РСДРП решил создать новую тайную типографию. Все больше и больше становилось рабочих революционных кружков. На борьбу с царизмом поднимались не только русские рабочие, но и грузины, армяне и азербайджанцы. Им нужно было помочь, чтобы они могли на своем родном языке читать революционные листовки, газеты и книжки.

А для этого нужна была большая мощная типография.

Со старыми типографиями было плохо: бакинская типография, где печаталась газета «Брдзола», попала в руки предателей, типография на Лоткинской улице, устроенная в подвале маленького однокомнатного домика, была снесена ливнем. Удалось спасти лишь станок. Его разобрали, и части его хранили у рабочих. Типографией в туннеле под бассейном стало опасно пользоваться: городская управа затеяла строить фуникулер — канатную железную дорогу на гору Мтацминда. Нижнюю станцию его начали возводить рядом с водоемом. Здесь теперь постоянно было много народу и, кроме того, неотлучно торчал городовой.

Итак, новая типография должна быть большой, должна быть размещена в просторном помещении и, главное, в спокойном, малонаселенном районе.

Разработать план новой типографии поручили члену комитета Михо Бочоридзе.

Через несколько дней, собравшись на конспиративной квартире, подпольщики обсуждали план, который представил Бочоридзе.

План был очень простой.

На окраине города, на Авлабаре, в месте тихом и безлюдном, давно пустует участок земли, который принадлежит старому рабочему-железнодорожнику. Фамилия его Ростомашвили.

Ростомашвили готов подать прошение в городскую управу, чтобы ему разрешили начать строить дом.

Но какой дом будет строиться на этой земле?

Михо взял кусок бумаги и стал быстро чертить карандашом план.

Дом должен состоять из двух комнат и подвальной кухни. Под кухней будет еще один глубокий подвал, в котором и следует разместить всю типографию. Сообщения между домом и типографией не будет, а вход в нее будет прорыт из специального колодца.

План этот привел Камо в восхищение. Он любил такие простые и смелые решения. С увлечением следил Камо за карандашом Михо, а когда тот объяснил чертеж, обнял его за плечи и воскликнул:

— Пусть теперь порыщет тифлисская охранка! Ты молодец, Михо! Это гениальный план!

Все рассмеялись, а Гиго, хитро прищурившись, спросил:

— Что, ведь получше «вороньего плана»?

Вот как хитро была замаскирована Авлабарская типография!

Эти слова вызвали новый взрыв смеха, а Камо, смеясь вместе со всеми, возразил:

— Ну, что же, надо было попробовать. Может, не так уж плох был и «вороний план»...

Что это за план с таким странным названием? Так прозвали одну из идей Камо, предложенную им, когда обсуждали в феврале, как провести демонстрацию.

Камо предложил тогда, чтобы крестьяне окрестных деревень наловили ворон и привезли их в Тифлис. Каждой вороне на ножку надо было привязать красный лоскуток с надписью: «Долой самодержавие!». Он уверял, что полиция, увидя ворон с красными лоскутами, растеряется, начнет палить по ним, и демонстрация, таким образом, дольше продержится на улице. А в дополнение к этому еще можно пустить по Куре бурдюки, украшенные красными флагами...

Товарищи тогда рассудили проще: если уж нужны красные лоскутки для отвлечения полиции, то их можно привязать к обыкновенным детским шарам.

Предложение Камо, насмешившее тогда всех, и назвали «вороньим планом».

* * *

Городская управа довольно быстро выдала Ростомашвили разрешение на постройку дома, и Михо Бочоридзе, назвавшись близким родственником старика, тотчас приступил к делу.

Прежде всего вокруг участка поставили высокий забор, плотно пригнав доску к доске, чтобы не было щелей. Возле Солдатского базара Михо нанял пятерых землекопов. Это были крестьяне, приехавшие в Тифлис на заработки из пригородных сел.

Котлован на огороженном участке с каждым днем становился глубже.

Крестьяне копали и удивлялись: для фундамента и подвала яма была уже достаточна, но подрядчик требовал, чтобы копали еще. То ли хозяин ничего не смыслит в постройке, то ли подрядчик попался ему жуликоватый и у него какой-то свой интерес.

Однажды, когда во дворе появился Михо с аршином, старший из землекопов — седой со слезящимися, красными глазами, — раскуривая трубку, спросил, для чего хозяину такой глубокий подвал.

— Ай-яй-яй, — покачал головой Михо, — неужели не догадался? Чем глубже подвал, тем холоднее, а хозяин мой фруктами торговать хочет, хороший ледник ему нужен! Понял?

Чего уж тут не понимать. Ледник, так ледник...

Недалеко от котлована Михо, чтобы не терять времени, велел рыть и колодец.

Дня через три он пришел замерить котлован. Глубина теперь была хороша. Колодец тоже получился довольно глубокий, но вода в нем еще не появлялась. Михо махнул рукой на колодец, сказал, что ему некогда ждать, рыть его дальше не станет, и рассчитал землекопов.

Крестьяне ушли не сразу. Они послали мальчика, бывшего с ними, на базар, и тот вернулся вскоре с кувшином вина и несколькими хлебами.

Они сидели на краю котлована, ели, разламывая на большие куски хлеб, и запивали его вином. Потом разложили на кучки деньги, по числу работавших. Каждый долго пересчитывал бумажки, мусоля их мокрыми пальцами и старательно разглаживая на колене.

Затем деньги были завернуты в платки и засунуты в глубокие карманы.

Землекопы очистили от сырой земли блестящие лопаты и, пожелав хозяину счастья в новом доме, ушли.

Каменщики, которых привел на следующее утро Камо, поработали тоже недолго. Они уложили в глубине котлована прочный фундамент и начали кладку стен подвала.

В субботнее утро появился «подрядчик» и объяснил каменщикам, что у хозяина плохи дела с деньгами и, пока он не получит с родственников обещанной доли наследства, он решил приостановить постройку дома. Каменщиков рассчитали.

И вот тогда появились во дворе за высоким забором новые люди, которые должны были сделать все то, о чем никто из посторонних не должен был знать. Это были братья Маградзе и Чодришвили — рабочие-революционеры.

Глубокий подвал перекрыли кирпичным сводчатым потолком, засыпали сверху слоем земли, оставив лишь на время небольшой люк в середине. Получилось большое подземное помещение, просторное и удобное. Над ним построили полуподвальную кухню и небольшой двухкомнатный домик с балконом.

Новые землекопы вырыли новый колодец. Они и не подозревали, что роют его в нескольких шагах от уже готового колодца, который тщательно перекрыт сводом и засыпан сверху землей, а во всю высоту его стоит длинная деревянная лестница.

Ловкий кинто лихо подкатывал к дому.

Новый колодец довели до воды и даже вычерпали из него несколько ведер мутной, неотстоявшейся жижи. У колодца врыли два прочных столба и установили блок с привязанным на веревке ведром. А чтобы не засорялась вода, соорудили над колодцем дощатый сарайчик.

Здесь началось главное: опустившись в колодец, стоя по колено в холодной воде, подпольщики стали рыть боковой ход. Этот ход соединял два колодца. Добравшись до колодца с лестницей, поднялись до девятнадцатой ступеньки и прорыли еще один ход, который вывел прямо в нижний, замаскированный подвал дома. Землю ночью разбрасывали в том месте двора, где был распаханный под огород участок. Ведь человеку, который собирается торговать фруктами, нужен и небольшой огород.

Столяры, братья Чодришвили, сколотили наборные кассы, полки для бумаги, табуретки. В кассы разложили шрифт. Его собрали наборщики, работавшие в типографии Грузинского издательского товарищества. Каждый день, уходя с работы, они уносили в карманах несколько десятков свинцовых буковок.

В дом въехала хозяйка — тетка Михо, которую все подпольщики звали «тетушка Бабэ».

Вместе с ее вещами, кухонной утварью втащили в подвал и все оборудование, в том числе и привезенную из Баку частями скоропечатную машину. Ее спустили через люк в потайное помещение, и люк окончательно заделали.

В комнате хозяйки поставили тахту, ее покрыли большим цветным паласом, а под паласом, за обоями установили кнопку электрического звонка. Увидит Бабэ, что кто-нибудь незнакомый войдет во двор или на улице что-нибудь подозрительное,— и сразу нажмет, будто невзначай, локтем на ковер, и внизу, под двумя потолками, смолкнет на время печатная машина: «Кто-то посторонний появился невдалеке...» А особые сигналы были для того, чтобы выходили подпольщики обедать или знали, что пришел связной за литературой.

Кто из проходивших по улице мог подумать, что эта немолодая женщина в черном платье с простым спокойным лицом, сидевшая у окна, вязавшая на балконе пестрые носки или стиравшая белье, охраняла спокойствие большой организации и помогала самоотверженной работе смелых подпольщиков?

Кто мог подумать, что «жильцы» ее, иногда копавшиеся в огороде, и есть те «кроты», которые большую часть своего времени сидели глубоко под землей и не имели права никуда отлучаться без специального разрешения комитета?

С шести утра до позднего вечера, а порою и всю ночь напролет, не разгибая спины, трудились они в душном подземелье, по очереди выбираясь по канату колодца, чтобы, не выходя из сарая, подышать несколько минут свежим воздухом, не отравленным ядовитой свинцовой пылью. А потом, уцепившись за веревку, ступая по едва заметным выбоинам в стенах, вновь спускались вниз, в сырой холод колодца, и проползали через два узких туннеля к своему рабочему месту у касс.

Бумагу доставляли через старика Ростомашвили. Ему действительно пришлось открыть лавку и торговать фруктами. Он завел лошадь и небольшую тележку: ведь теперь прокламации, которые успевали напечатать за ночь, уже нельзя было унести в простой бельевой корзине или чемодане.

Ранним утром, несколько раз в неделю въезжала во двор тележка с корзинами, наполненными фруктами и овощами.

Ловкий кинто лихо подкатывал к задней стороне сарая и, захватив с собой несколько груш-гуляби или тарелку сочной туты, поднимался на балкон к Бабэ и просил ее отведать свежий товар. Потом кинто приносил весы: две небольшие медные тарелки, прикрепленные к медному пруту, и взвешивал несколько фунтов зеленого лобио или лука.

Минут через десять он уезжал, весело помахивая в воздухе кнутом. Ехал он на Кахетинскую улицу, к Винному подъему, — к столярной мастерской братьев Чодришвили. Всюду у него находились знакомые, с которыми он вступал на ходу в веселую перебранку, а главное, всюду были щедрые покупатели. Еще бы! Ведь в то время, пока веселый кинто разговаривал с Бабэ, пустые корзины на тележке, украшенные сверху для вида фруктами, заменялись новыми, набитыми листками, газетами и брошюрами, пахнущими свежей типографской краской. В эти корзины, конечно, тоже сверху насыпались румяные яблоки или сочные груши.

У Черного моря

Костюм кинто теперь не залеживался подолгу. Литературу, которая печаталась в Тифлисе, надо было развозить по другим городам. Это было сложное дело, и Камо с радостью взялся за него.

В черной атласной чохе, красной рубахе и низко надвинутом на лоб картузике с коротким козырьком, он был неузнаваем. И не мудрено, что даже товарищи, работавшие с ним бок о бок, встретившись случайно, мучительно вспоминали, где они видели раньше это лицо.

Жил в ту пору в Кутаиси один крупный работник партии. Вышел он как-то утром из дому и видит: идет по улице кинто с тяжелым табахи [1] на голове и кричит:

— Риба! Риба!

Пройдет до конца улицы и снова повернет:

— Риба! Риба!

— Ты что так вертишься, словно всю рыбу здесь, на этой улице, хочешь продать? — спрашивает товарищ.

— Непременно на этой! — отвечает кинто и улыбается.

Посмотрел товарищ на кинто и говорит:

— А ну-ка заходи, посмотрим, что у тебя за рыба?

— Самая свежая...

Рыба и вправду была свежая, а под рыбой оказалось несколько пачек партийной литературы, которую товарищ ждал из Тифлиса.

Распрощался Камо с ним, взял у него материалы для типографии и отправился в обратный путь.

С рыбой в поезде не поедешь. Надо менять товар. Уложил Камо рукописи и книги на дно корзины, а сверху прикрыл купленными на базаре яйцами.

У вагона договорился с проводником, поставил корзину в коридор и едет.

В этом же вагоне ехала из Кутаиси девушка-курсистка, тоже по заданию подпольного комитета. Только выйдет она в коридор, смотрит на нее кинто и вроде улыбается.

Неприятно ей стало, не по себе как-то, а тут как раз станция. Вышла лимонаду в буфете выпить — и снова наткнулась на кинто из вагона.

— Что, не узнаешь? — спрашивает.

Рассердилась, ушла, не попив лимонаду, села на свое место и сидит.

Поезд двинулся, и вдруг в коридоре какая-то барышня говорит проводнику:

— Фи, что за грязный мужик едет здесь? Наставил тут свои корзины. Все время мимо него проходи... Да как он смеет?!

Проводник к кинто:

— На, забирай свои деньги, переходи в третий класс. Барышни тут жалуются...

— Что делаешь? Зачем гонишь бедного человека? В третьем классе народу много, весь товар перебьют, чем торговать буду?!

И тогда вспомнила курсистка знакомый голос, вышла и узнала Камо.

Насилу уговорила не трогать «бедного человека»:

— Ничего не значит, что кому-то показалось... Пусть едет.

Так и доехал до Тифлиса.

А через несколько дней Камо спускался уже на перрон батумского вокзала. На нем был черный костюм в полоску, шляпа-котелок. Через руку небрежно перекинут плащ, в руках небольшой парусиновый чемоданчик и плетеная корзина. В них больше тысячи

[1] Табахи — большое деревянное блюдо.

Жандарм повел Камо в полицию.

прокламаций на русском, грузинском и армянском языках.

В Батуме всюду сновали шпики: город портовый. На каждом шагу ухо держи востро!

Литературу надо было доставить рабочему с завода Ротшильда.

Камо шел по перрону к выходу, выглядывая на вокзальной площади извозчика. Обычно в своих поездках он тратил очень мало денег. Товарищи даже удивлялись: из двадцати пяти рублей, которые ему выдавались, он тратил четыре на билет, да и то только в одну сторону, умудряясь возвращаться налегке под скамейкой или в тамбуре — «для экономии».

Сейчас же к заводу Ротшильда он решил ехать на извозчике, чтобы выиграть время и вечерним поездом вернуться в Тифлис.

Вдруг он почувствовал, что кто-то внимательно смотрит на него. У Камо уже выработалась твердая привычка никогда не оглядываться, и поэтому он продолжал идти своей дорогой. Толпа у выхода задержала его.

Кто-то тронул Камо за рукав. Он поднял глаза и увидел перед собой высокого жандармского унтера.

— Документик разрешите, побеспокою...— хмуро сказал унтер.

Камо достал из внутреннего кармана своего хорошо отглаженного костюма паспорт и небрежно протянул его жандарму.

Жандарм, медленно читая, перелистал все странички паспорта. Потом наклонился к корзине.

— В корзиночке что изволите везти?

— Чепуха, мелочь всякая...

— Нет, позвольте, здесь вроде бумага...

— Да, бумага.

— Которые с бумагами — велено препровождать...

Пока шли до полицейского участка, Камо попробовал предложить унтеру денег. Предложил пятнадцать рублей — не берет. Двадцать — не берет. Наконец, все, что было с собой,— двадцать пять.

Денег жандарм не взял и привел Камо в полицию.

На первом допросе у ротмистра на столе были разложены вещественные доказательства, взятые при аресте. И среди них записка, адресованная товарищу, к которому шел Камо. Его тоже могли арестовать. Камо глаз не сводил с письма и все думал, как бы его уничтожить. И придумал.

Допрашивая Камо, следователь вдруг увидел, что лицо арестованного начинает искажаться в страхе. Необыкновенно расширившиеся глаза устремились в одну точку, напряженно вглядываясь в то, что поразило их за спиной у следователя.

Ротмистр заметил этот взгляд и забеспокоился: что у него за спиной? Окно? А что, если там...

Эта мысль словно прожгла следователя. Безотчетный страх овладел им. Вскочив, он живо обернулся к окну, автоматически хватаясь за пистолет.

Вот этого-то и ждал Камо. Ловким, почти неуловимым движением он схватил со стола

записку и сунул в рот. Еще мгновение, и... записка проглочена.

— Какого черта! Что вы там увидели? — нервно закричал следователь, садясь.

— Мне показалось, что там появилась моя покойная бабушка и поманила меня пальцем...

Ротмистр оторопело посмотрел на Камо, не зная, что на это сказать.

Ночью арестованного перевели в городскую тюрьму и посадили в одиночку.

* * *

Грубо побеленные стены, исцарапанные и исписанные. Серый в трещинах потолок. На потолке маленький лучик света от закрытого железным козырьком окна. По этому лучику можно определить, какая на дворе погода, раннее утро или вечер.

Стены не пропускают никаких звуков, только из-за железной двери слышны стук подкованных сапог и приглушенные голоса надзирателей.

Так прошло четыре месяца.

Когда на допросе Камо спрашивали, что он делал в Батуме, отвечал: «Приехал из Гори, хотел найти работу...» Благо в паспорте не было ничего указано о месте жительства.

— Откуда чемодан с литературой?

— С бумагой? Дал какой-то человек на вокзале. Просил помочь донести, сам скрылся, а теперь за него отвечай...

Полицмейстер качал головой: не верил.

Бежать из тюрьмы хотелось очень. Руки просто чесались без работы.

Из одиночки деваться некуда. Стал проситься к людям, в общую камеру. Вел себя примерно, поэтому перевели. Теперь вечером выпускали и на прогулку.

Стена вокруг тюрьмы оказалась невысокой — аршин до семи.

В камере каждый занимался чем хотел. Певческий ученик ходил из угла в угол, прочищая горло мощным рыканьем.

Студент в пенсне, усевшись с ногами на нары, задумчиво повторял:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Камо же был занят странным делом: отходил к стене, разбежавшись, подскакивал к окну и прыгал, ухватившись за решетку.

И каждый раз разбежится, прыгнет и ногтем отмечает на стене, на какую высоту подпрыгнул.

Товарищи посмеивались: «Ну, прыгнуть прыгнешь и через стену перемахнешь, а там, за стеной, все равно тебя схватят».

Мышцы, отвыкшие от напряжения, болели. Еще, как на грех, стала трясти малярия. Тюремный врач разрешил прогулки не только вечером, но и утром.

В Батуме много дождливых дней. В дождь выходить было неприятно, но Камо выходил: ему нужно было хорошенько запомнить расположение окон, стен, постов и, главное, проследить за всеми движениями часовых.

Ночью, лежа на жестких нарах, страдая от приступов малярии, он заставлял себя ясно представлять тюремный двор, повороты стен, нижние окна. Ему казалось, что он уже знает каждую неровность, каждую трещину кирпичного забора. Часовой расхаживал только вдоль одной стены. Какие-то доли минуты он не видел угла двора, который всегда был затенен. Это было главное в плане Камо. В том, что он убежит, он уже не сомневался.

Утро в понедельник выдалось яркое, солнечное, какие бывают осенью на юге. Деревья за тюремной оградой переливались яркими, почти не потускневшими красками. Желтые теплые блики плясали даже на цементном полу камеры и ее пыльных стенах.

На утреннюю прогулку вышли все, кто мог, с наслаждением вдыхая терпкий, пахнущий морем ветер.

За невысокой загородкой внутри двора визжали и, подпрыгивая, носились свиньи. Кто-то держал их здесь на жидких помоях арестантской кухни.

Выходя из камер, люди любили стоять у этого забора, подзывать свиней, пытались обучать их разным штукам. Все-таки это было куском жизни, зрелищем.

Даже солдат, размеренно шагая от стены к стене, временами останавливался и глядел за загородку.

Камо присел на корточки немного в стороне, ковыряя прутиком сырую землю, и смотрел в угол двора. Крайнее окно камеры с железной решеткой отстояло от тюремной стены метра на три. От земли до окошка было метра два.

Продолжая царапать прутиком по земле и следя уголком глаза за часовым, Камо незаметно подвигался к окну.

Едва только часовой шагнул за угол, откуда он ничего не мог видеть, Камо мгновенным, рассчитанным броском ступил в выщербленный в стене кусок, рванулся вверх и, ухватившись за решетку, подтянулся к окну. Схватиться за решетку оказалось даже удобнее, чем в камере при тренировке.

Наконец появился извозчик.

С силой оттолкнувшись обеими ногами и вытянув вперед руки, он прыгнул на край кирпичной стены.

Удар был так силен, что он еле удержался от крика. Сжав зубы, подавляя острую боль в коленях и руках, не оглядываясь, он скользнул вниз и упал.

Несколько мгновений Камо лежал, вдыхая запах сырой земли и сухой осенней травы, торчавшей вдоль тюремной стены. Боль пронизывала колени, саднила содранная кожа на ладонях и пальцах.

Надо было встать, оторвать голову от земли, оглядеться.

Кругом было спокойно. За стеной тоже тишина, никакой тревоги. Значит, побега не заметили.

Сияло солнце, невдалеке плескалось и шумело море — синее-синее... И, главное, он был свободен. Вот она, полная свобода! Хотелось рвануться и бежать, бежать скорее.

Однако надо было убедиться в том, что никто ничего не заметил.

Улица была пуста.

Вдруг ему показалось, что тюремная стена движется, отплывает от него. Пошатнувшись, он прислонился к дереву. Просто кружилась голова от простора и чистого воздуха.

Камо постоял немного, отряхнул пыль с костюма и, стараясь сдерживать себя, нарочито медленно пошел к углу улицы.

Под старым разросшимся деревом сидел мальчишка и бросал кочи [1].

[1] Кочи — маленькая косточка из бараньих ножек, бабки.

— Послушай-ка, — сказал ему Камо, — не сможешь ли ты быстро найти мне извозчика?

Мальчишка кивнул головой, схватил кочи и убежал. Мальчишки любят бегать за извозчиками: ведь можно подкатить к месту, сидя на мягких подушках.

Камо тревожно прислушивался ко всем звукам. Но со стороны тюрьмы пока ничего не было слышно.

Басовито гудел в порту пароход.

Наконец показался извозчик...

Товарищи, когда увидели Камо на конспиративной квартире, чуть не расцеловали на радостях извозчика и хотели дать ему рубль, но Камо велел заплатить, как уговаривался, тридцать копеек и не больше, чтобы не вызывать подозрений.

Через несколько дней, в праздник Покрова, на батумском вокзале за минуту до отхода тифлисского поезда появился рыжеватый молодой человек в светлой черкеске вместе с двумя так же нарядно одетыми приятелями. Друзья громко разговаривали, хохотали и, когда поезд тронулся, словно спохватившись, расталкивая провожающих, один за другим повскакали на подножку вагона.

В вагоне чувствовался праздник. Многие пассажиры были навеселе, с трудом держался на ногах и проводник.

Молодой человек в светлой черкеске, назвавшийся имеретинским князем, был душой общества. Его затаскивали в разные купе, наперебой угощали и с удовольствием слушали веселые истории, которые он рассказывал.

Веселье продолжалось всю ночь напролет, и никому из сидящих в вагоне не приходило в голову, что вместе с ними распевает песни тот, о ком разосланы в разные города извещения, гласящие:

«17 сентября около 12 часов дня, в то время, когда производили прогулку арестованные, из батумской тюрьмы бежал политический арестант Симон Аршаков Тер-Петросян, происходящий из духовного звания, уроженец г. Гори, Тифлисской губернии.

Приметы его: роста среднего, 22 лет, телосложения крепкого, брюнет, волосы и глаза черные, носит небольшую круглую бороду...»

Впрочем, где тут догадаться, когда князь имеретинский был рыжеват и носил небольшие закрученные кверху усики.

Под утро он достал где-то зурну, и весь вагон огласился бойкой, удалой музыкой. Молодые люди кричали, хлопали в ладоши, даже пытались танцевать лезгинку, но поезд сильно трясло.

Лукавые глаза князя имеретинского внимательно оглядывали веселящихся князьков, и в них светилось какое-то решение.

Когда поезд уже приближался к Тифлису, князь имеретинский вдруг побился об заклад с самым задиристым, упрямым и вспыльчивым пассажиром, что тому ни за что не пройти по платформе тифлисского вокзала, играя на зурне.

Сильно выпивший князек стал хорохориться. Все вокруг подзадоривали его. Ему непременно захотелось выиграть это необыкновенное пари. И, едва поезд остановился, он выхватил зурну и двинулся с нею по платформе, отчаянно надувая щеки и тараща глаза.

Тифлисская публика охоча до всяких зрелищ и происшествий.

Вмиг за дудящим человеком потянулась толпа. Люди забегали вперед, пытаясь рассмотреть, откуда несутся эти неистовые вопли зурны.

Все вокруг останавливались и вытягивали шеи.

Послышались свистки. Городовые, дежурившие на перроне, со всех концов бросились к двигавшейся толпе.

На вокзале поднялась страшная суматоха.

А «князь имеретинский», из-за которого начался весь этот шум, незаметно выбрался из толпы, взял на вокзальной площади извозчика и уехал.

(Окончание в следующем номере.)

САМАЯ КРАСИВАЯ

Григорьевы приехали в Алма-Ату в самый разгар огненного южного лета. Семья строителя быстро обосновалась на новом месте, и уже через неделю отец достал две папки — на одной крупно выведено «Григорьев Леня», на другой — «Григорьева Нюра» — и пошел искать школу.

Двухэтажная школа стояла в густом саду, у самой реки. Внутри пахло мокрой глиной, сажей, пол был местами разворочен, в стенах пробиты дыры. Картина обычная: ремонт. Не совсем обычными были только сами ремонтники — верткие, по уши перемазанные известкой, мелом, краской, кирпичной пылью, весело скалящие зубы по любому поводу и невероятно голосистые.

Директор школы Антонина Семеновна Синева сказала Григорьеву, что все документы в порядке, ребята будут зачислены в школу, и тогда посетитель задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке:

— Чем это у вас ребятишки заняты?

— Ремонтируем,— коротко ответила Антонина Семеновна,— своими силами.

— Дело,— согласился Григорьев.— Ну, а если мои ребята приняты, так можно сказать им, чтоб тоже приходили?

Так вот и получилось, что первый раз в новую школу Леня и Нюра пришли не первого сентября и не в праздничных костюмах, а посреди лета и во всем старом, в том, что не жалко было измазать или порвать. Но обоим не пришлось жалеть об этом. Ведь можно месяц просидеть с ребятами в одном классе, и они все еще будут помнить, что ты новичок. А поработал вместе один день, поплескался потом всласть у колонки — и ты уже свой, бригадный.

Мальчишки с гордостью рассказывали Лене, какая у них замечательная школа. Это ничего, что она старая и небольшая. Вот, скажем, негде было мастерские разместить. Ребята решили, что построят их сами. И под руководством опытных мастеров они за прошлое лето воздвигли во дворе школы длинное просторное здание: в нем два цеха, инструменталка, кабинет автодела. Минувшей зимой в мастерской уже шли уроки, занимались кружки.

Леня еще алма-атинской зимы не видел. Ну, ничего, еще пощиплет ему нос крепкий мороз, который наведывается сюда в январе и не спешит убраться до самого марта. В такие морозные дни школьные «нянечки», бывало, спозаранку

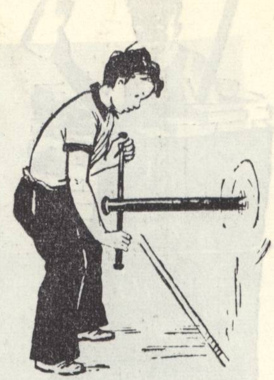
растапливали печи, и огонь потом гудел весь день. Возле печи — ящики с углем, зола. Не очень приятная картина. То ли дело в других школах — паровое отопление!

Первым про это заговорил Витя Пинчук:

— Давно бы и нам провести паровое.

У старших ребят, наверное, особенно чешутся руки накануне прощания со школой соорудить что-нибудь солидное, капитальное, чтоб на долгие годы запомнился в школе их класс. Поэтому и Гена Михайличенко сразу поддержал Витю.

— Свободно можем переоборудовать отопление,— объявил он с таким видом, будто всю жизнь только тем и занимался, что прокладывал трубы, долбил стены и навешивал батареи.

Денег на паровое отопление в этом году у школы не было, но имелись большие средства на ремонт. Ну, а если этот ремонт сделать своими силами и самим подготовить все для прокладки труб... Словом, к ужасу школьного бухгалтера заработали предприимчивые головы. К маю уже точно было известно, сколько печей нужно разобрать, сколько дыр в стенах пробить, где полы поднять для прокладки труб и где залить фундамент под котельную. Кроме того, практичные хозяева установили, что, сломав печи, они добудут кирпич и сложат из него крольчатник, а над ним — голубятню.

Чтобы не было лишних расходов, решили даже все инструменты для работы сделать сами. Сколотить носилки для школьных столяров было простым делом: они и посложнее работы выполняли. Зато металлистам пришлось труднее. Требовались стальные зубила, ломы, тяжелые кувалды и еще шлямбуры — отрезки труб с зазубренными концами, чтоб пробивать ими стены. Но ведь недаром же ребята еще зимой проторили дорогу в кузницу трамвайтреста, своего шефа! Тут и выковали они грубоватые, но добротные инструменты.

Лене Григорьеву не дали ни зубила, ни лома, а вручили на пару с Яткаром Рахматуллиным носилки и послали на подмогу Юре Голубцову. Юра разбирал в одном из классов огромную печь, обшитую кожухом из листового железа. Сидел он внутри печи, ломом отваливал кирпичи и спускал их вниз. Леня и Яткар еле пробирались к нему сквозь черную тучу сажи. Следом за ними заглядывала в класс нянечка Анна Ионовна, которую ребята называли «охраной труда».

Здесь будет наш класс!

— Вылазь, домовой! — ворчала она на Юру.— Иди подыши.

Ребята шли поваляться на школьный участок, где вперемежку с грядками стояли бесконечные шеренги комнатных цветов, вынесенных из всех классов. Здесь, в школьном дворе, я с ними и познакомилась. Все трое были убеждены, что их бригаду никто не обгонит.

Но в тот же день я узнала, что Юрина слава была неожиданно посрамлена. И кем же — девчонкой! Неля Цой накануне влезла на печь во втором этаже, за день добралась до пола, снимая пояс за поясом железный кожух, а на следующий день разобрала и печку первого этажа.

Здесь внизу трудились старшие — уже известные нам Витя и Гена, а также Валерий Бобров, Олег Жиленко, Саша Палкин, Лиля Яничкина, Рита Осипова и другие ребята. Мальчики вырубали в цементном полу траншею для главной трубы. Девочки относили прочь строительный мусор. Если попадалась уж слишком тяжелая глыба, Гена вылезал из траншеи и сам брался с кем-нибудь из девочек за носилки, перекатив предварительно глыбу поближе к своему краю.

— Рыцарство! — задирал его Витя.

Гена негодующе поправлял очки и с жаром кидался в спор. И, честное слово, здесь, среди камней и известки, в рабочих брюках и запыленных майках спорилось, думалось, мечталось куда живей и ярче, чем на тщательно подготовленных диспутах.

Работа подвигалась быстро. По уговору, каждый должен был потрудиться на школьной стройке две недели, не больше четырех часов в день. И еще далеко не у всех в бригадных рабочих тетрадках была отмечена полная норма, как уже все было готово для установки парового отопления. Трубы прокладывали монтажники с помощью целой армии сметливых и дотошных помощников.

И когда в батареях наконец зажурчала вода, для ребят началась самая приятная работа. Было решено: каждый класс сам отделывает свою комнату. Ту самую комнату, про которую было известно все: кем выбито окно, кто чернила на пол пролил, кто в сердцах хлопнул однажды дверью после шумного собрания — да так, что треснула штукатурка. Весь год здесь учились, решали задачи, странствовали по карте...

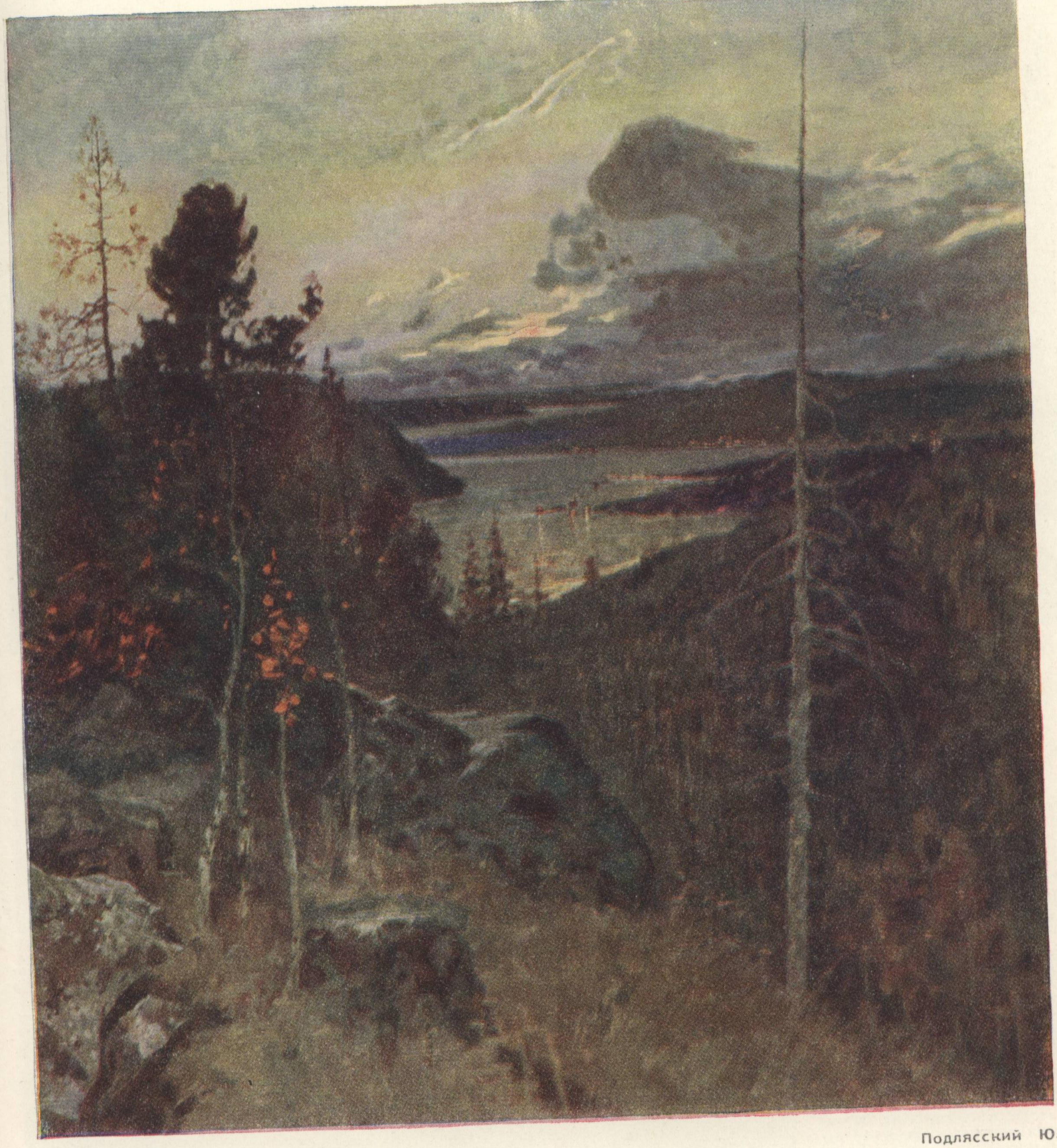
И вот теперь здесь же ребята лихо машут мочальными щетками, рассыпая во все стороны брызги известки, или мягко водят по оконным рамам кистями, окунутыми в белую масляную краску. Если бы дали волю юным малярам, стены классов оказались бы расписанными во все цвета радуги. Но приказ был строгим — красить только в голубой.

...Шли дни. Унялся голубой дождь, щедро пролившийся на ребячьи носы и руки, засверкали усердно протертые стекла. И ребята почувствовали, что есть, быть может, на свете школы просторней, выше или светлей, но красивей — нигде нет. Нужно ли говорить о том, что Леня и Нюра были точно такого же мнения.

Есть такая поговорка: «В родном доме и стены помогают». Думаю, что в этом году школьные стены будут во всем здорово помогать ребятам.

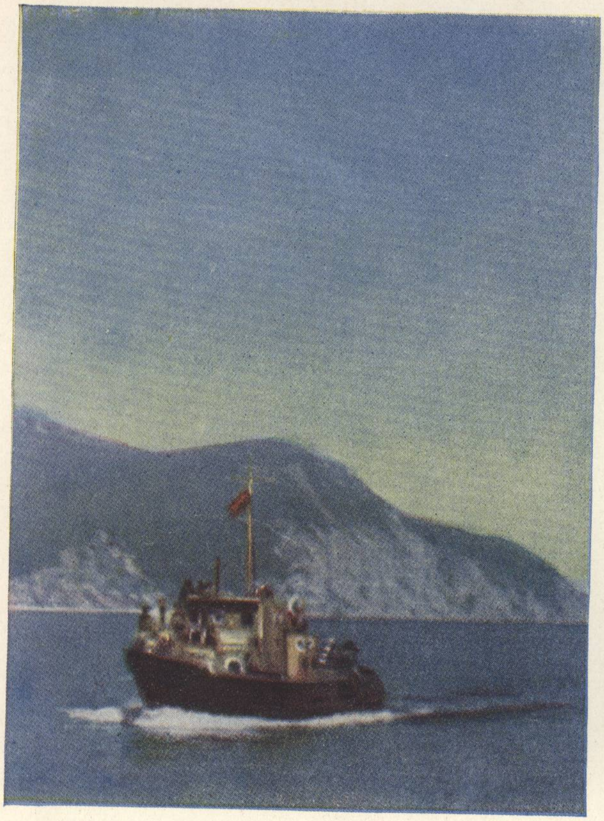
И. Стрелкова

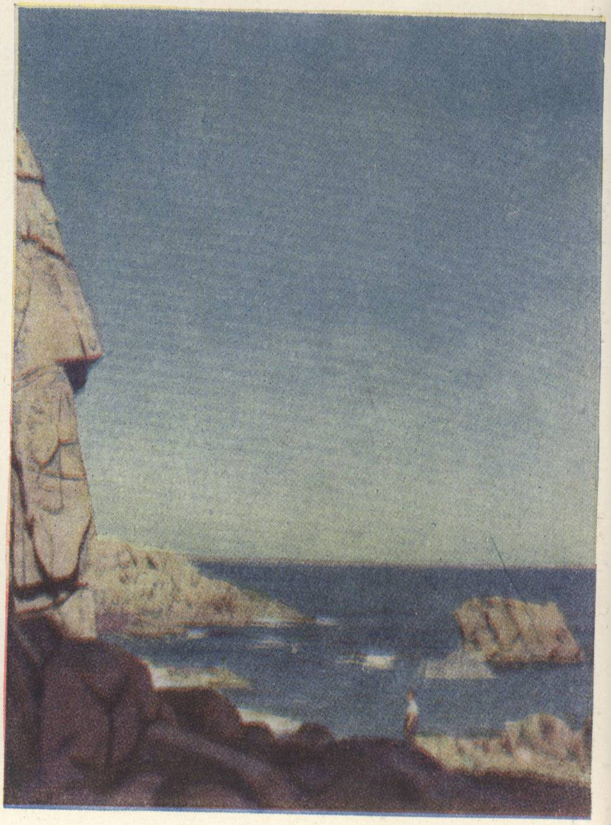
Алма-Ата, школа № 24.

Подлясский Ю.

НАД АНГАРОЙ.

В этом номере вы прочитаете рассказ М. Фаворской о путешествии трех советских геологов, исследовавших гранитную «крепость» Лангоу. На этих снимках запечатлены отдельные моменты работы экспедиции.

Посмотрите на верхнюю фотографию справа. Вот какие неприступные скалы встали перед геологами! Маленьким и беспомощным кажется человек по сравнению с этими громадинами. И все же исследователи преодолели это препятствие. А на соседнем снимке — кавасак, доставивший геологов в бухту Кит. Нижняя фотография сделана в конце экспедиции. Зима прервала работу отважных открывателей богатств нашей страны, а так много еще хотелось сделать! Но этим летом геологи вернулись в бухту Лангоу и продолжают свои исследования.

ГРАНИТНАЯ КРЕПОСТЬ ЛАНГОУ

М. ФАВОРСКАЯ

Перед началом штурма

То, о чем здесь будет рассказано, произошло, когда наш маленький геологический отряд штурмовал береговые скалы в районе бухты Лангоу.

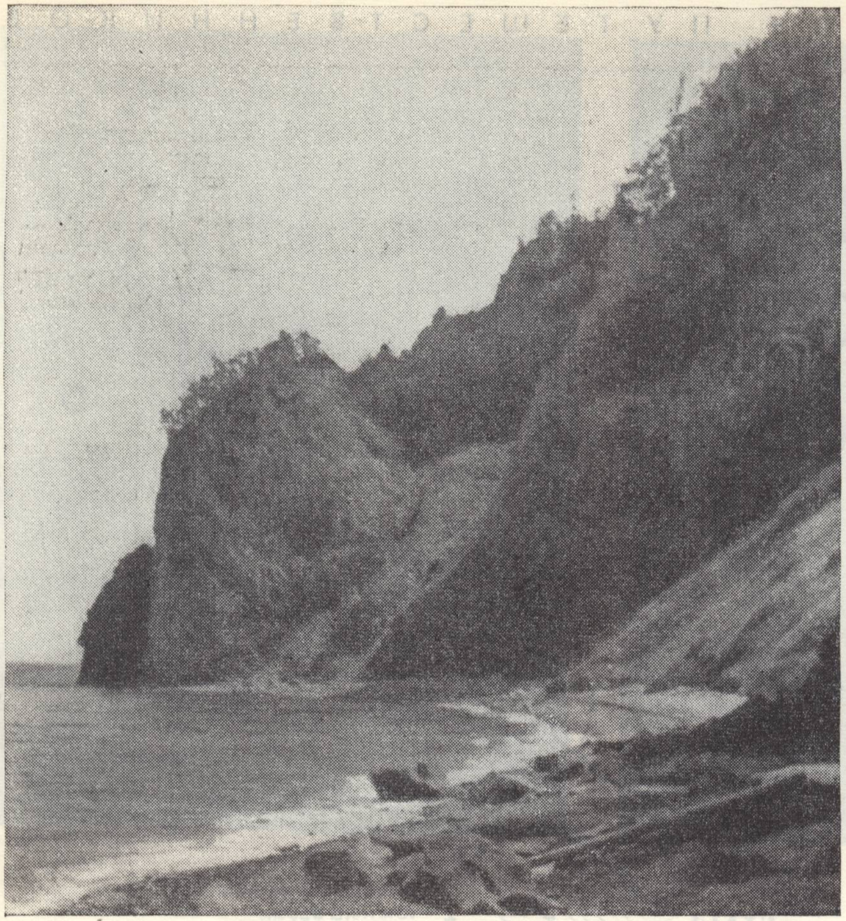
В чем вообще заключается работа геолога? Многие думают, что геологи отправляются в экспедиции с единственной целью — найти какое-нибудь определенное полезное ископаемое. Геологи, которых изображают в кинофильмах, повестях и рассказах, чаще всего ищут золото или нефть и к концу экспедиции обязательно находят. Некоторые авторы считают, по-видимому, что, если их герой не найдет того, что искал, вся работа экспедиции пропадает впустую. Однако дело обстоит совсем не так. Чтобы правильно вести поиски, надо знать геологическое строение района. Правильно составленная геологическая карта уже сама по себе может подсказать, где и что следует искать. Вот почему бывают экспедиции, в которых никто из участников не находит новых месторождений и, несмотря на это, все остаются довольны результатами.

Да, ищут не только месторождения, но и факты, позволяющие разгадать геологическую историю участка. Ищут отпечатки ископаемых животных и растений; ищут границы различных по составу и происхождению пород, так называемые контакты; ищут следы древних землетрясений, следы наступления моря на сушу или извержений древних вулканов. И когда удается найти отчетливые приметы прошлой жизни Земли, это считается большой удачей.

Но вернемся к скалам Лангоу. Как и всякие граниты, эти скалы были когда-то расплавленной огненно-жидкой массой, медленно затвердевавшей под километровым слоем земной коры. Расплав застыл, из него образовался гранитный массив. Потом разрушительная работа ветра, воды и солнца постепенно срывала с гранитов их покров, и розоватые скалы встали неприступной и грозной стеной у самой линии прибоя.

Мы должны были изучить строение этого огромного каменного тела, вскрытого для нас самой природой, и восстановить в своем воображении всю сложную картину его постепенного застывания, всю его прошлую жизнь, результатом которой могли быть в числе прочего еще неизвестные скопления руды.

Прежними исследованиями было доказано, что многие крупные рудные месторождения Приморья связаны с гранитами третичного периода, а о гранитах Лангоу существовало мнение, что

Грозный непропуск встал у нас на пути.

к обрыву высотою около пятидесяти метров. Перед нами открылось море. Мы начали спуск и сухим руслом ручья без особого труда достигли подножия скал. Наконец-то мы добрались до гранитов! Вначале мы двинулись на юг, к неприступному мысу, который не смогли обойти с моря, и нашли контакты гранитов с древними, палеозойскими породами. Тонкие ветвящиеся прожилки гранита проникали здесь в палеозойские кремнистые сланцы, образуя замысловатый узор. Значит, эти сланцы уже существовали здесь, когда граниты были еще расплавом, проникавшим в трещины, образуя жилы. Но это еще ничего не доказывало. Вернее, доказывало лишь, что граниты моложе палеозойской эры, одной из самых древних эр в истории Земли. А ведь нам нужны были доказательства, что граниты Лантоу молодые, что они образовались совсем недавно, в третичный период, то есть не больше чем восемьдесят миллионов лет назад. Эти доказательства надо было искать в контактах гранитов с молодыми породами. А для здешних мест такими породами могли быть вулканические туфы — результат древних

они древнее этих рудоносных гранитов и отличаются от них по составу. Если бы удалось доказать ошибочность этого мнения, район, прилегающий к бухте Лангоу, мог бы оказаться практически интересным.

Чтобы определить возраст гранитов, нам предстояло шаг за шагом пройти по берегу все тридцать километров от бухты Лангоу до бухты Кит и прежде всего поискать контакты гранитов с другими породами. Именно в контактах определяется возраст минералов.

Моими помощниками были двое студентов: Нина и Виктор. В конце июля мы поселились в рыбацком поселке и начали свои исследования. Задача была не из легких, так как берег изобиловал отвесными обрывами и неприступными, глубоко выдающимися в море мысами.

Правда, у нас была весельная лодка, но при первой же нашей попытке обогнуть морем неприступный мыс лодку залило и чуть не разбило прибоем о камни.

На следующий день мы попытались обойти неприступный мыс поверху. Проблуждав половину дня по тайге в поисках места, где можно было бы спуститься со скал на пляж, мы наконец попали в широкий овраг, заполненный сухими, прошлогодними листьями. Овраг привел нас

извержений вулканов. Мы двинулись к северу по пустынным пляжам. С запада они ограничивались почти отвесными гранитными скалами, с востока их сторожило море. Во время сильных штормов море доходило здесь до самых скал и оставляло у их подножия бревна, доски, водоросли, морских ежей, раковины моллюсков и панцири крабов. Огромные бревна, выброшенные на пляж, были белыми от солнца и от соли, и мелкая галька глубоко вонзилась в их изъеденные бока. В одном месте мы нашли пустой бочонок, в другом — сломанное весло. Продвигаясь вперед, мы внимательно осматривали скалы.

Через непропуски

В последующие дни мы все дальше и дальше продвигались на север, пока нам путь не преградила отвесная гранитная скала. Она вдавалась в море узким мысом. Вода около выступа казалась неглубокой, но волны шумно разбивались о камни, высоко взметывая холодные брызги.

— У Арсеньева это называется «непроход»,— заявил Виктор.

— «Непропуск» это называется! — поправила Нина.

— Нет, непроход! Не знаешь, а туда же, споришь!

— Будет вам! — вмешалась я примирительно.— Как бы это ни называлось, попробуем обойти вброд.

Этот день закончился еще одним событием. Виктор первый раз попал из своего ружья в баклана. Постоянная и безуспешная его пальба успела уже стать предметом наших шуток, и всякий раз, как за очередным скалистым уступом мы спугивали с береговых скал стаю бакланов, Нина говорила с притворным вздохом: «Вон недобитые Витей баклашки полетели!» А Виктор сердито бормотал в ответ: «Сиди уж...»

На следующее утро мы снова были у непропуска. За ночь волнение заметно улеглось, и светило яркое солнце. Но у отвесных скал даже не в штормовую погоду прибой выглядит угрожающе. Я решила, что нам нет смысла рисковать всем троим.

— Вас, Нина, мы отправим обратно. Возьмете у нас на хранение сумки с документами.

Мы сложили обувь и куртки в рюкзак, засучили брюки и двинулись вперед по гладкому, немного покатому каменному карнизу, где вода была всего до колен. Чтобы не сорваться, мы судорожно цеплялись за скалу, а прибой стремился нас от нее оторвать. Вода была очень холодная, мелкие раковины кололи босые ноги, раза два я чуть не наступила на морских ежей.

За поворотом пришлось преодолеть еще метров десять такого же пути, после чего мы оказались на пляже по ту сторону непропуска. Печальное зрелище открылось нам: на берегу небольшой, отгороженной отвесными скалами бухты лежал разбитый рыбацкий катер — кавасак. Прибой постукивал оторванными планками на его корме, белела промытая дождями наклонная палуба, а на покосившейся трубе сидела чайка.

Какая драма разыгралась у этого пустынного берега? Может быть, во время страшного осеннего норд-оста отказалась работать машина и отважный шкипер, решившись пожертвовать судном для спасения людей, сам выбросил его на камни? Или внезапно поднявшийся шторм пригнал его, уже покинутого людьми?

— Конечно, с морем шутки плохи, но пока что мы отвоевали у него еще кусочек берега,— сказала я, отмечая на карте первый непропуск.

Береговые скалы по-прежнему были из гранита, но окраска их постепенно становилась темнее, а строение — более мелкозернистым. В большом количестве появились так называемые ксенолиты, захваченные расплавленной магмой обломки посторонних пород, в данном случае обломки туфов.

— Что хотите, а контакт не может быть далеко,— твердил Виктор, выбивая образцы ксенолитов.

Прошел час. За это время мы продвинулись не больше чем на километр, а перед нами снова встал непропуск: гранитная скала, почерневшая у основания от водорослей и прибоя, вдавалась в море на десяток метров. Я пошла вперед, подтянув повыше рюкзак, а Виктор двигался следом, подняв над головой ружье.

У оконечности мыса вода дошла мне до плеч. Обогнув его, я успела увидеть, что непропуск имеет форму полумесяца, обращенного к морю своей вогнутой стороной, сделала еще шаг и погрузилась в воду с головой.

Рванувшись поспешно вперед, я сразу же очутилась на более мелком месте и через минуту выбралась на отмель между двумя рогами гранитного полумесяца. Зная, что Виктор выше меня почти на голову, я не очень тревожилась за него, и действительно он выбрался вслед за мной.

Продрогшие и немного растерянные, мы обогнули второй выступ и с радостью заметили, что здесь скалы снова отступили от воды, и берег, заваленный крупными глыбами, казался проходимым, по крайней мере, на три километра вперед.

Погода стала портиться, временами накрапывал дождь. Мы спешили и шли вперед, за каждым новым поворотом надеясь увидеть желанный контакт. Перед нами открывались все более и более дикие уголки берега. Из воды, как острые зубы, торчали обломки скал; вода между ними кипела; прибой усиливался; чайки с криками носились над волнами.

И вот случилось, что этот день чуть не оказался последним днем нашего путешествия.

Мы вернулись к мысу в начале восьмого, так и не найдя контакта. Прибой стал еще сильнее, а солнце уже успело спрятаться за горы. Переодеваясь, мы ежились под холодным ветром и старались не смотреть на яростную толчею волн у скал. Мне не стыдно сознаться, что нам было страшно. Но что поделаешь! Время, чтобы подняться на кручи и возвращаться в обход, через тайгу, было упущено.

Весь груз: образцы, верхнюю одежду и ботинки — взяла я, а Виктору, не умеющему плавать, оставила только ружье. Да, он не умел плавать, и это очень усложняло наше положение. Призвав на помощь всю свою решимость, мы взялись за руки и двинулись вперед. Обогнув первый небольшой выступ, мы оказались на знакомой нам серповидной отмели, в углублении между двумя мысами. Волны били здесь с такой силой, что я, нагруженная тяжелым рюкзаком, не могла стоять на ногах. Всякая задержка на отмели только затрудняла положение. И я бросилась навстречу прибою.

Меня немедленно сбило с ног, и волна накрыла с головой, но до конца мыса оставалось уже каких-нибудь два — три метра. Я преодолела их вплавь. Следующая большая волна швырнула меня к берегу по ту сторону непропуска. Вцепившись в скалы, чтобы волны не затянули меня обратно, я ползком выбралась на берег, сбросила рюкзак, огляделась. Виктора не было!

Снова нахлебавшись соленой воды, я вернулась на отмель между двумя мысами. Виктор стоял на прежнем месте и судорожно цеплялся за выступы в скале.

— Что же вы? — встревоженно спросила я.

— Пробовал пройти, но меня отбросило назад.

И тут я совершила ошибку, едва не стоившую нам обоим жизни: предложила ему попытаться еще раз, вместе. Виктор решительно шагнул вперед. Нас снова сбило с ног и утащило на глубокое место. Виктор судорожно схватил меня за руки, и мы вместе пошли под воду.

То, что произошло потом, осталось на всю жизнь смутным и страшным воспоминанием. Нас швыряло на отмель, снова затягивало на глубину и снова швыряло. Море играло с нами, как кошка с мышью, пока одна особенно высокая волна не выбросила нас, обессилевших и

почти потерявших сознание, обратно на отмель, в расселину между двумя мысами.

Едва почувствовав под ногами твердую землю и переведя дух, Виктор упрямо предложил:

— Давайте попробуем в последний раз!

Но бессмысленность новых попыток была уже совершенно очевидна, и я приказала Виктору немедленно возвращаться назад, на оставленный нами пляж.

— Тогда пойдемте вдвоем,— предложил он, стараясь заслонить меня от ударов прибоя.

— А вещи? Мне придется вернуться за вещами... Ведь не пойдем же мы по тайге босиком?

Как я ни старалась бодриться, теперь я окончательно упала духом и чувствовала себя ничтожной песчинкой во власти враждебной стихии. И все-таки мне удалось еще раз преодолеть глубокое место и вернуться на отмель с рюкзаком, но тут я долго не могла подняться, и волны заливали меня на мелководье, больно ушибая о камни. Наконец я перебралась на северный пляж, к Виктору, и упала на гальку, не имея сил даже снять с плеч рюкзак. Меня трясло. Зубы стучали так, что нельзя было выговорить ни слова.

Виктор освободил меня от груза и развязал рюкзак. С курток ручьями стекала вода, дневники, карта и компас, засунутые внутрь ботинок, сильно подмокли, но часы, завернутые в грубый шерстяной носок, продолжали идти и показывали восемь часов. Из всех наших вещей сухими остались только два ружейных патрона и аварийный запас спичек, запакованные в резиновый мешочек.

Ночь в тайге

До полной темноты оставалось не больше часа. Надо было за это время выбраться на скалы и укрыться в тайге от пронизывающего берегового ветра. Оставаться на ночь на пляже было немыслимо: здесь не из чего было разложить костер. Мы начали взбираться по крутому ущелью, которое показалось нам более или менее приемлемым. Теперь весь груз взял Виктор. Мы преодолели каменную осыпь, поднялись по уступам метров на пятьдесят и с отчаянием убедились, что дальше здесь нет пути. Уступы, казавшиеся снизу небольшими ступеньками, выросли перед нами трехметровыми отвесными стенами, а у нас не было с собой даже веревки. Пришлось вернуться вниз, до осыпи, и оттуда взбираться на острый гребень, отделявший это ущелье от соседнего.

Говорят, что в отчаянном положении у людей прибавляются силы. Так случилось и с нами. Молча, стараясь не смотреть вниз, мы цеплялись за едва заметные выступы, проползали по узким карнизам и терпеливо проверяли надежность каждого камня, прежде чем за него ухватиться. Одежда на нас быстро высохла. Мы не только согрелись, но даже вспотели от напряжения.

В сумерках мы добрались до первых низкорослых, исковерканных ветрами дубков. Подниматься стало легче, но уже мешала темнота. Потом дубки кончились и опять пошли голые скалы. Дальше — еще того хуже. В одном месте гребень, по которому мы взбирались, вдруг сузился до того, что на него с трудом можно было поставить ногу. Чтобы продолжать путь, нужно было сделать три шага над пропастью, не имея никакой опоры для рук. Страх перед наступающей темнотой заставил нас решиться. Но это препятствие оказалось последним. Одолев следующий уступ, мы очутились на пологом склоне, услышали шорох сухих листьев под ногами и поняли, что добрались до тайги.

В первые минуты после избавления от большой опасности человека вместо радости охватывает какое-то тягостное чувство, словно после перенесенного унижения или обиды. С этим смутным чувством мы молча углубились в невысокие заросли дубняка и, немного отойдя от обрыва, сели отдохнуть. Теперь торопиться было некуда.

Стояло новолуние. Темнота была такой полной, что мы, сидя рядом, почти не видели друг друга. Только море отсвечивало еще между стволами деревьев, и время от времени где-то далеко на юге белым светом вспыхивал невидимый нам маяк.

Я попробовала зажечь спичку, но они, должно быть, все же отсырели. Исчиркав почти половину коробка, я принуждена была отказаться от надежды на костер, и мы двинулись на юг, стараясь придерживаться направления вдоль берега, но не прошли и ста шагов, как оказались перед глубоким оврагом. Долго брели в обход, спотыкаясь на каждом шагу и все дальше отходя от моря. Обойдя овраг, мы чуть не потеряли направление, но, к счастью, почувствовали под ногами уклон, снизу донеслось невнятное журчание воды, и я поняла, что мы спускаемся к одному из притоков реки Лангоу, который может вывести нас на берег, к дому.

Тот, кто никогда не пробирался ночью по Приморской тайге, вряд ли может представить себе, что это за путешествие. Густые заросли орешника и дуба вперемежку с колючим «чертовым деревом» преграждают путь. Ветки бьют по лицу. Чтобы не выколоть глаза, нужно все время держать перед лицом для защиты руку. Из-под ног вдруг выворачиваются невидимые камни, и человек падает, путаясь в лианах и разрывая о колючки одежду, поднимается и, осторожно выдвигая ногу вперед, натыкается на поваленное дерево, ощупывает его руками, садится и медленно переползает через трухлявый скользкий ствол, чтобы по ту его сторону вновь вступить на невидимую, заплетенную лианами каменную осыпь.

Темнота была исполнена негромких шумов: журчала где-то на дне пади вода, шумел ветер, осыпались камни. Вдруг мы услышали шаги выше нас по склону. Шаги были тяжелые и уверенные, словно какой-то крупный зверь двигался по тайге напролом, ломая сучья и осыпая камни, нимало не заботясь о том, что его могут услышать.

Все последующее произошло так быстро, что

я не успела опомниться. Виктор, не целясь, выпалил из своей двустволки в том направлении, откуда раздавались шаги.

Выстрел прозвучал оглушительно, из стволов вылетел сноп пламени, и тут невидимый зверь бросился в нашу сторону. Он промчался лавиной совсем рядом с нами, глухо рявкнул и исчез где-то внизу. Прошла минута, другая, и опять воцарилась тишина. Впоследствии таежные охотники все сходились на том, что это был медведь.

В шестом часу над горизонтом поднялся узкий серп ущербного месяца, а около шести стало заметно светлеть. На рассвете мы вышли к реке, перешли ее вброд с шестами в руках, по колено в ледяной воде и, наконец, оказались на дороге к дому.

Троеключье

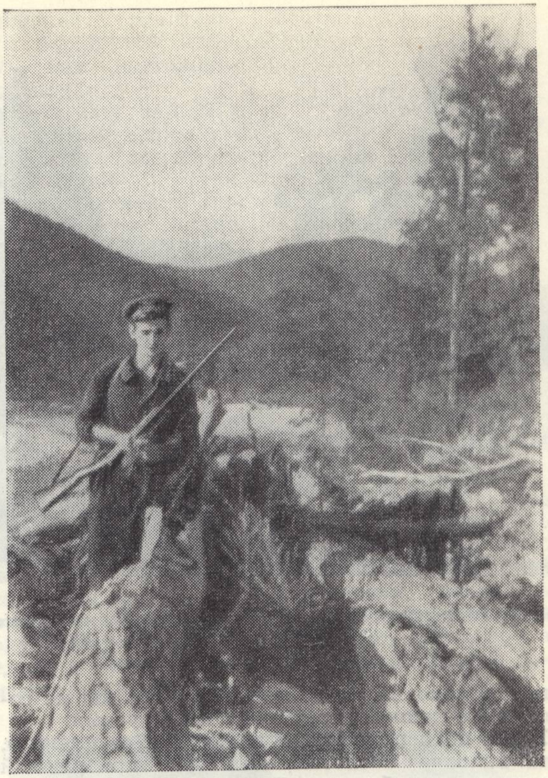
Через день мы с Виктором произвели разведку берега на лодке. К северу от нашего последнего маршрута на добрые три километра шли сплошные непропуски. Подходящего места для высадки не было, мы сделали беглые наблюдения и зарисовки с лодки, но контактов не нашли. Далее скалы становились ниже. Здесь в море впадали три небольшие речушки, образовывая в устье галечные пляжи. В этом месте, известном под названием Троеключье, мы попытались высадиться, но неожиданно нас потащило к северу такое сильное течение, что мы с большим трудом выбрались из него. Это новое проявление коварства Японского моря заставило нас немедленно повернуть обратно. Мы решили на следующий день пробраться к Троеключью со стороны тайги.

Три бухты Троеключья не сообщались между собой по прибрежным отмелям, и, чтобы перебраться из одной в другую, а затем в третью, нам пришлось преодолеть два довольно значительных внутренних перевальчика. Береговые скалы в двух первых бухтах были сложены уже знакомыми нам гранитами, но, спускаясь в третью — самую северную — бухту, я вдруг заметила в осыпи склона обломки темных вулканических туфов. Прослеживая эти обломки, я неожиданно добралась до контакта гранита с туфами, наполовину скрытого под слоем дерна. Больше получаса мы дружно расчищали контакт и убедились, что и здесь граниты прорывают примыкающие к ним породы.

Граниты моложе туфов! Значит, они ничем не отличаются от других гранитов Приморья, богатых разными месторождениями. Но это, если наши, здешние туфы того же возраста, что и найденные южнее. Этому надо найти доказательства. А доказательства — отпечатки третичных растений.

Надо искать, искать... Но дорога от дома до Троеключья отняла у нас так много времени, что было бы просто расточительностью каждый день ходить туда. Стало ясно, что продвинуть поиски на север, дальше Троеключья, мы таким способом не сможем. Нужно было перебираться еще севернее, в бухту Кит, а оттуда совершать маршруты к Троеключью уже с другой стороны.

Бухта Кит имела в длину около семи километров и была совершенно необитаема. Но много лет назад в ней работали лесорубы, и от тех времен здесь остались два полуразрушенных барака, один в северном, а другой в южном конце бухты.

Бурелом. И днем-то здесь трудно пройти! А каково ночью?

А немного южнее бухты Кит, поблизости от Троеключья, на карте была обозначена фанза, теперь уже разрушенная.

И вот мы в море. За кормой моторного кавасака привязана и наша шлюпка. Мимо проходят хорошо знакомые берега: вот первый наш непропуск, вот здесь мы тонули, вот Троеключье. За Троеключьем появляются темные скалы. Это, должно быть, туфы. Уж сюда-то мы обязательно должны проникнуть! Осада гранитной крепости вступает в новую фазу.

Рыбаки на кавасаке отплыли обратно в Лангоу, а мы вступили во владение необитаемой бухтой. С трех сторон ее замыкали сопки, поросшие непроходимой тайгой. Со склонов сопок сбегали светлые горные речки, до этого долго блуждавшие в таежных дебрях и наконец отыскавшие выход к морю. На плоский пляж, покрытый крупной галькой, накатывались длинные, ленивые волны.

Барак, избранный нами для жилья, стоял на высоком берегу одной из речек, у северной оконечности бухты. Из его единственного крохотного окошка было видно море. Оно поблескивало сквозь кусты, черным пятном рисовалась на гальке наша шлюпка. Барак был большой, темный и запущенный, с многочисленными нарами, скамьями. Посреди него стояла печь из железной бочки от бензина.

Остаток первого дня мы посвятили уборке и заготовке дров, а со следующего утра опять принялись за поиски. Теперь нам предстояло продви-

Словно гигантские клыки, торчат по берегу «кекуры» — одинокие скалы, результат работы волн и ветров.

Надо было использовать хорошую погоду. Наши маршруты день ото дня становились длиннее. Мы возвращались к бараку уже в темноте. И тогда как-то особенно мрачно и неуютно было в тайге. Казалось, она грозится нам: то слышался в кустах негромкий шорох, словно шаги невидимого врага, то вдруг монотонный шум ручья становился громким и внятным, а деревья, раскачиваемые ветром, казались живыми существами. По утрам мы находили огромные камни на тропинке около барака перевернутыми и подолгу спорили, чья это работа: кабанов или медведей? Но, несмотря на все, мы не испытывали здесь страха. Мы даже полюбили свой барак и после трудного дня чувствовали себя в нем по-настоящему дома.

Вскоре на нашем пути опять стали появляться непропуски, но мы больше не пытались преодолевать их вброд и делали обходы поверху, при первой возможности спускаясь на берег.

гаться только на юг до тех пор, пока мы не сомкнемся с нашими прежними маршрутами.

Тропа по берегу бухты на юг, к Троеключью, шла вначале болотом, потом по прибрежной гальке и опять болотом. Близ южного барака она сворачивала в горы. Здесь бухта кончалась, и берег к югу был скрыт от глаз двумя острыми гранитными пиками, напоминающими ворота. За первыми воротами на расстоянии нескольких сот метров следовали вторые. Весь берег на многие километры состоял из разобщенных между собой участков. Мы преодолевали препятствия, то взбираясь на невысокие скалы и осыпи, то перепрыгивая с камня на камень по мелководью. Через несколько дней нам запомнились все камни, все скалы и все изгибы берега. Граниты здесь были похожи на те, которые мы исследовали близ бухты Лангоу. В них было много ксенолитов, среди которых попадались слабо измененные туфы. Еще одно доказательство, что граниты эти моложе туфов.

Этот берег нравился нам и не казался страшным. Особенно интересным был один мелководный участок. Низкие рифы создавали причудливую сеть миниатюрных каналов, лагун и озер, а все вместе напоминало пчелиные соты. По стенкам каменных ячеек здесь можно было удаляться от берега на двадцать—тридцать метров, не замочив ног. Прибой то наполнял углубления водой, то они обнажались почти до дна, покрытого водорослями, ракушками и морскими ежами.

— Непропуски во вкусе нашей Нины...— острил Виктор, вытаскивая на камни морских ежей. Ежи медленно ползли, передвигая иголками.— До чего все здорово устроено! Вот возьмите, например, хотя бы те ракушки. Кажется, что они приросли к скале, а со вчерашнего дня (я вчера нарочно сделал пометку) они продвинулись сплошным фронтом сантиметра на три и поедают водоросли на влажных участках скал. Честное слово, я иногда жалею, что я не биолог! — И Виктор улыбался своей немного застенчивой улыбкой.

Прошло около недели. Мы сделали много интересных наблюдений. Но определить возраст туфов, а значит, и гранитов пока не удалось. И все потому, что не были найдены отпечатки древних растений. А тут и выходы туфов стали попадаться реже. Обувь разваливалась, усталость все больше давала себя знать, но мы не прекращали поисков, не давали себе передышки, чувствуя, что ясные дни не простоят долго.

Тайфун

25 августа мы с Виктором вышли на шлюпке, чтобы оглядеть берег дальше к югу. Утро было ясное, но слабый северо-восточный ветер развел на море невысокую волну. Волнение начало быстро усиливаться. Лодку сильно качало. Она тяжело билась днищем о воду. Пришлось вернуться и догонять Нину по берегу. Ветер постепенно крепчал, но небо все еще оставалось ясным. К вечеру море разыгралось не на шутку.

Я с тревогой ожидала следующего дня. Утром солнце не показалось. Серая мгла окутала небо и скрыла от глаз дальние сопки. Море приобрело тусклый, словно запыленный сине-зеленоватый цвет. Ветер срывал пену с гребней волн, отбрасывал ее назад, и волны шли на берег рядами, словно солдаты грозного войска. На мелких местах сквозь зеленую воду просвечивали красновато-коричневые пятна водорослей. Грохот прибоя наполнял воздух.

В этот день наш привычный путь стал трудным. Камни, служившие нам мостиками, были залиты водой, волны настигали нас и обдавали брызгами. Только к трем часам дня, перевалив через несколько поросших лесом гребней, мы достигли конечного пункта своего маршрута. Это был довольно обширный участок пляжа, зажатый между двумя непропусками. Мы спустились на него с двухсотметровой кручи, поросшей вы-

сокой и сочной травой, и поспешно принялись за осмотр береговых скал.

Дождь хлынул, когда мы собирались уже в обратный путь. Ветер, и до этого холодный, стал ледяным и пронизывающим. Косые струи воды заливали нам лицо, слепили глаза; вода стекала за шиворот, хлюпала в ботинках, журчала в траве под ногами. Мы взбирались на крутой склон почти бегом, оступались, скользили, падали на колени, цеплялись за мокрую траву, поднимались и молча карабкались дальше, стараясь не отставать друг от друга. Наверху среди низкорослой тайги ветер был немного слабее, но зато каждый куст обдавал нас ледяным душем. Часов около семи вечера мы, изнемогающие от холода и усталости, выбрались на берег за последним непропуском. Наконец-то! Мы почти дома!

Но что это? Знакомый берег был неузнаваем. На месте каменных сотов ходили огромные пенистые валы, и нельзя было разобрать, где рифы и где глубокие места. Рев взбунтовавшейся воды предупреждал еще издали, что дорога закрыта.

И снова мы полезли на скалы. Надвигались сумерки. Силы наши подходили к концу, когда мы ступили наконец на берег бухты Кит.

Грозная и неукротимая непогода хозяйничала в бухте. Здесь не было шумной и беспокойной сутолоки, порождаемой прибоем у отвесных скал. На мелководье сокрушающие массы воды, гремя и завывая, теснились к берегу. Длинные и мутные валы правильными рядами вели осаду берега. Они то наступали, с яростной силой обрушиваясь и ворочая камни, то отступали, взрывая и обнажая дно.

Глядя на них, трудно было не думать о том, что сталось бы в этой страшной водяной ступе с пловцом или с лодкой.

К утру дождь не только не перестал, но, казалось, полил еще с большей силой.

Первый день заточения в бараке прошел весело. Мы наслаждались долгожданным отдыхом и не спеша чинили свою износившуюся одежду, причем Виктор даже сумел довольно сносно починить наши ботинки.

Но дождь продолжал лить. Снова наступило ненастное и штормовое утро. Вынужденное безделье начинало тяготить нас.

— Давайте выпускать стенную газету «За передового Кита»,— серьезным тоном предложил Виктор.

Но нас даже это не рассмешило.

В хмуром полусумраке дождливого утра внутренность нашего барака стала казаться особенно неприглядной, и глаза невольно обращались к окну. Но в крошечное, наполовину забитое фанерой окошко море виднелось сквозь заросли той особенной травы, которая всегда сопровождает заброшенные жилища.

Трава выше человеческого роста! В тумане, в проливном дожде она вызывала чувство щемящей тоски, как что-то заведомо враждебное человеку...

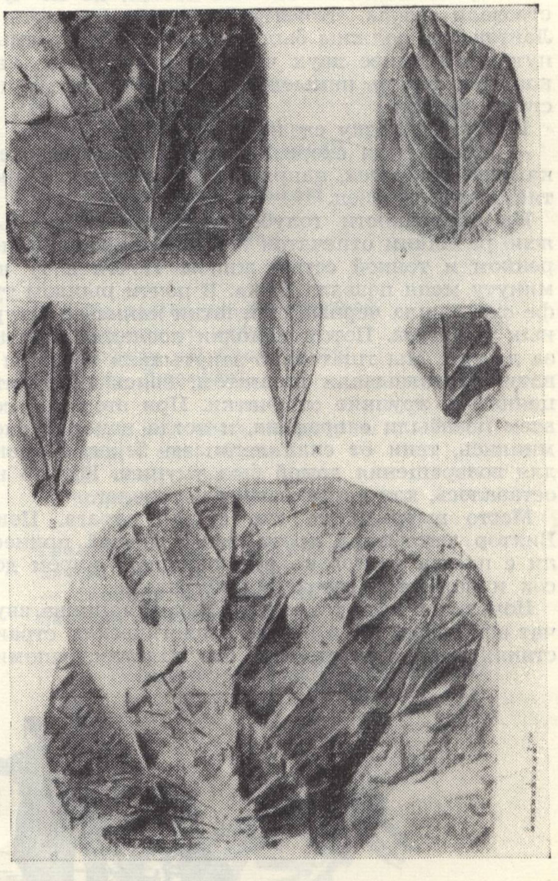
День тянулся бесконечно долго. И, странно, мы уже успели забыть о недавней усталости. Продолжение утомительных маршрутов казалось нам настоящим счастьем...

Утром над тайгой и над присмиревшим морем низко понеслись разорванные тучи. В просветы между ними проглянуло солнце, словно извещая, что нашему заключению в бараке подходит конец. Во второй половине дня погода установилась окончательно.

Высота 725

После ливня мы прожили в бухте Кит еще неделю, и за эту неделю нам порой приходилось так тяжело, как до этого не случалось ни разу. Центральная часть гранитного массива, обозначенная на карте как мыс Грозный, оказалась почти неприступной. Здесь скалы обрывались в воду трехсотметровыми отвесными стенами, а редкие и узкие ущелья, не доходя до пляжа, повисали над пропастью.

Тонкой сеткой отпечатались на туфах жилки листьев и травинок третичных растений — «метрика» наших гранитов.

Суровое безлюдье этих мест казалось враждебным. Мы невольно приглушали голос и не отходили далеко друг от друга. Зато как только нам удавалось вырваться из каменных трущоб, веселье возвращалось к моим спутникам. Главным предметом для шуток по-прежнему служила незадачливая охота Виктора. Тот баклан, которого он застрелил около бухты Лангоу, оказался его первой и последней дичью. В довершение неудач на ружье сверху упал камень и слегка погнул ствол.

— Это Витя сделал нарочно, чтобы стрелять в бакланов из-за угла,— уверяла Нина.

Мыс Грозный был сложен из гранитов. Но за ним, ближе к Троеключью, мы видели, проплывая на кавасаке, выходы туфов. К ним-то мы и стремились теперь через все препятствия. Добраться туда нам удалось только после возвращения на нашу базу, в бухту Лангоу. Тот же рыбачий кавасак высадил нас на берегу, где узкий овраг отделял розоватые граниты от слоистых и более темных пород. Контакт был разрушен оврагом, но в осыпи левого склона мы нашли крупные глыбы и обломки туфа, пересеченного прожилками гранита. Расплавленный гранит образовал их когда-то, заполняя трещины, пустоты в туфах. Какая это была бы удача — именно здесь установить точный возраст туфов!

С молотками в руках мы принялись обследовать обнажения.

Прошел час и другой. Солнце поднялось высоко над головой. Мы забыли поесть, но не чувствовали голода. Чтобы добраться до темноты в Лангоу, мы должны были двинуться в обратный путь не позднее двух часов пополудни, но нам казалось теперь немыслимым уйти отсюда с пустыми руками.

Первую находку сделал Виктор.

— Идите сюда скорее! — позвал он меня слегка изменившимся, напряженным голосом и протянул мне образец.

На поверхности голубовато-серого туфа был ясно различим отпечаток небольшого листа с черенком и тонкой сетью жилок. Почти в ту же минуту меня позвала Нина. В почти рыхлом туфе она нашла черные отпечатки каких-то ажурных травинок. Потом находки последовали одна за другой. Мы тщательно закутывали образцы в вату, перевязывали шпагатом, боясь повредить ценные и хрупкие отпечатки. При этом мы совсем позабыли о времени, и когда наконец опомнились, тени от скал легли на берег. Момент для возвращения домой был упущен. Ничего не оставалось, как устраиваться на ночлег.

Место выбрали на дне сухого оврага. Пока Виктор заготовлял дрова, мы с Ниной принесли с пляжа несколько выброшенных морем досок и наломали веток для постелей.

Ночевка в лесу у костра... Как заманчиво звучат эти слова! Но в наших геологических странствиях ночи, проведенные без палатки, запоминаются как бесконечно длинные и почти бессонные. Ведь эти ночевки чаще всего бывают случайными, непредвиденными, а значит, лишенными обычных походных «удобств». Костер согревает спящего только с одной стороны, и если повернуться к огню лицом, спина начинает мучительно мерзнуть. Проснувшись, стараешься еще ближе подвинуться к огню и через минуту чувствуешь, что одежда начинает тлеть. Поднимаешься и долго сидишь у огня, наблюдая за его причудливой игрой и мечтая о рассвете, а тем временем постель из веток становится влажной от осевшей на нее росы.

Именно так прошла эта ночь. Мы поднялись до рассвета, разбитые, продрогшие, наскоро выпили чаю и двинулись к перевалу.

Путь шел по очень крутому склону, поросшему невысокими корявыми дубками. После бессонной ночи идти было тяжело. Мы часто делали небольшие передышки и достигли гребня только к одиннадцати часам дня. Настоящий привал решили сделать на самой высокой точке с отметкой 725 метров и заторопились, обгоняя друг друга. Место оказалось плоским и открытым, поросшим редкими кустами. Мы сбросили с плеч рюкзаки и огляделись.

Нашим глазам открылись необозримые просторы: далеко на севере за синеватыми хребтами рисовались очертания бухты Кит, внизу белела полоса прибоя у подножия отвесных скал мыса Грозного, а на западе, среди темной зелени кустов и белых галечных отмелей, блестела река Лангоу.

В этот прощальный час вид угрюмых скалистых хребтов и дремучих ущелий не вызывал у нас воспоминаний о минутах смертельной опасности, о тяжелом, почти непосильном труде.

— Как здесь хорошо! — сказала Нина.— И вообще как все хорошо!

— Это потому, что мы нашли то, что искали,— объяснил Виктор.

— Если бы не нашли, все равно было бы хорошо!

— Но все-таки лучше найти, чем не найти! — И оба засмеялись.

А я, глядя перед собой, вспоминала слова одного старого путешественника, запомнившиеся мне еще в юности. Этот человек сказал мне тогда: «Раньше я думал, что каждый больше всего на свете любит тот клочок земли, где он родился и вырос, но с тех пор, как я стал геологом, я понял, что еще больше можно полюбить землю, которую вам довелось нанести на карту. И чем трудней была ваша работа, чем больше провели вы здесь бессонных ночей у костров, чем больше рек перешли вброд и чем больше опасностей испытали, тем дороже для вас эта земля, запечатлевшая частицу вашего труда, энергии и вдохновения!»

Гранитная крепость Лангоу, взятая приступом после долгой осады, лежала у наших ног.

Имя девушки из Алжира Джамили Бухиред в короткое время облетело весь мир. Джамиля любит свою родину, она боролась за ее свободу, и за это французские колонизаторы приговорили ее к смертной казни.

По всем странам прошли демонстрации протеста, во всем мире люди подняли свой голос в защиту Джамили.

Суд не решился казнить алжирскую патриотку: смертный приговор был заменен пожизненным заключением. И до сих пор Джамиля томится в тюрьме.

В поэме, отрывки из которой мы здесь печатаем, узбекский поэт Шухрат выразил чувства, переполняющие сердца всех честных людей земли: «Свободу Джамиле!»

ШУХРАТ

Джамиля

Далек Алжир, твой край родной,
Горячая земля,
Но неотступно предо мной
Твой образ, Джамиля!

Подходит ночь — печаль остра,
И глаз острей, чем днем...
И вижу я, как ты, сестра,
Стоишь перед судом.

Звенит твой юный голосок
На весь широкий мир:
— Очнулся древний наш Восток!
Проснулся мой Алжир!

Он гневной молнии под стать.
Он снял покров с лица.
Вовек нам больше не стенать
В ногах у пришлеца!

Тебя ли, мой Алжир, предам!!
Здесь мой родимый дом;
Здесь я девчонкой по горам
Бродила босиком.

Здесь, участь рабскую кляня,
Отец мой бедный рос.
Здесь и травинка для меня
Благоуханней роз.

Учила ненависти мать
Дочурку с детских дней...
Нет, мне не страшно умирать
За честь земли моей!

Я выслушала приговор,
Не опуская глаз...
Но навсегда падет позор,
Презренные, на вас!

За что казните Джамилю!
В чем, в чем моя вина!
Что я страну свою люблю,
Что ей навек верна!!

Что мне свобода дорога,
Что, презирая страх,
Мы устремились на врага
С оружием в руках!!

За это нас хотят убить,
Казнят, карают всех!..
Неужто Родину любить —
Подсудный, смертный грех!!

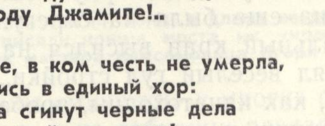
Как голос девушки высок!
Лицо ее горит...
Ее устами весь Восток
Сегодня говорит.

И клич растет, он все грозней,
Он ширится во мгле:
Свободу ей! Свободу ей!
Свободу Джамиле!..

Все те, в ком честь не умерла,
Слились в единый хор:
— Да сгинут черные дела
И подлый приговор!..

Гремит в горах, гудит в степях,
Звучит по всей земле:
Свободу тем, кто был в цепях!
Свободу Джамиле!

Перевела с узбекского Ю. Нейман.

ЛЮДИ
С КОМСОМОЛЬСКИМ
ЗНАЧКОМ

НА ЧЕМ СТОИТ МОСТ

Ю. НОВИКОВА

Фото С. Карасева.

Если ты живешь в Москве или приехал в столицу хотя бы ненадолго, непременно побывай на Лужнецкой набережной. Там, возле реки, около Южных ворот стадиона, ты увидишь величественную и все же легкую железобетонную арку двухъярусного моста.

По верхнему его ярусу с одного берега Москвы-реки на другой побегут машины и автобусы, в то время как на нижнем загудят поезда метро... Это случится скоро, потому что великолепный, огромный — длиной более двух километров! — мост метро скоро, откроется.

Но когда мы увидели арку этого моста впервые, она еще была на берегу. Гигантский портальный кран высился над ней, а кругом стоял веселый гул стройки... Верхолазы легко, как канатоходцы, пробегали поверху, сварщики и резчики в черных очках разбрасывали вокруг себя золотой дождь искр. И все это делалось так уверенно, красиво, непринужденно и плавно, что несведущему человеку могло показаться: да тут и спешки никакой нет!

Но мало ли что может почудиться не искушенному в строительстве человеку!.. Например, глядя на ажурную арку моста, он вдруг мог бы вообразить, что этакой штуке ничего не стоит собственными силами держаться над водой: до того она легка и воздушна!..

По крайней мере, нечто похожее показалось нам до того, как мы побеседовали со сварщиком — комсомольцем Васей Ермолиным.

...Нет, даже и для этого ажурного моста нужны опоры, и опоры могучие.

Речные опоры стали готовить одновременно со сборкой арки и эстакад. Делалось это так. На берегу портальный кран собирал одну за другой железобетонные балки моста. А в это время на реке паровым копром забивали в дно огромные сваи. На них потом встанет бетонная опора моста. Но, чтобы сделать две бетонные речные опоры, надо сперва создать на реке два безводных пространства. Для этого в речное дно по контуру свай вбивают металлический шпунт. Шпунт становится плотной стенкой и образует металлическое ограждение котлована. Из котлована выкачивают воду. Река напирает, просачивается внутрь, хочет сплюснуть котлован, нажимает на шпунт всей своей массой. Но люди не дают ей воли. Они укрепляют котлованы изнутри металлическими распорами.

Шпунт крепят сварщики. И кронштейны для распорки котлована приваривают тоже сварщики. Так что не удивительно, что именно к сварщикам-комсомольцам управление стройки обратилось примерно с такими словами:

— Ребята! Вы знаете: сроки у нас сжатые, мост должен быть построен за полтора года. Но природа диктует нам еще более жесткие условия. Сварку опор надо закончить до весеннего половодья. Иначе вода испортит нам все дело и затянет работу.

Понятно?.. Приналягте! Вы комсомольцы, ребята!

...Вася Ермолин любил сварку. Этой профессией он овладел еще в Уфе, когда работал на постройке моста через Белую. Там за три месяца он выучился ловко управлять снаряжением сварщика: щитком, трансформатором, держателем электродов. Сварка пришлась ему по сердцу еще с детства, может быть, с того самого дня, когда он — мальчишка из деревни Симцы — впервые попал на стройку и долго не мог отвести глаз от сварщика, от золотого дождя, сыпавшегося из-под его инструмента.

— Откуда огонь берется, дядя? — спросил он тогда, осмелев.

— Из сердца,— серьезно ответил ему пожилой сварщик.— Сердце у меня, парень, до работы горячее.

...Однако одно дело — «варить» в нормальных, обыкновенных условиях. А каково работать, если тебя подвесят за ремешок к отвесной металлической стенке? Или лежа в котловане? И принимать во время сварки самые неудобные, прямо-таки немыслимые позы?.. А именно в таких условиях и приходилось «варить» Васе во время выведения опор. К тому же в металлическом котловане, окруженном водой, было холодно и сыро.

Арка моста весит более пяти тысяч тонн, а длина ее достигает двухсот метров. Чтобы не провисали концы моста, их укрепили на этих конструкциях. Это участок мастера комсомольца Игоря Цариковского.

До паводка оставалось не больше двух месяцев, за этот срок опоры должны были быть закончены. Времени — в обрез. И сварщикам приходилось работать в три смены: утром, днем, ночью... Ночная смена была особенно тяжелой.

...В этот вечер Вася вышел на работу усталый и раздраженный. Сказывалось напряжение последних недель, к тому же только что прошло комсомольское собрание, на котором опять «прорабатывали» Михаила С.

Ермолин знал Мишу еще с Уфы. Молодой паренек, хороший рабочий, но временами точно с рельс сходил: начинал пить, дрался...

— Сам понимаю, что нехорошо, — смущенно говорил он потом, — а совладать с собой не могу. Нашла такая минутка.

Мишины «минутки» у многих стояли поперек горла, и на собрании раздавались голоса, что таким, как он, не место на стройке. Вася понимал, что это, пожалуй, справедливо, но ему было жаль Михаила, и, кроме того, слушая эти слова, он испытывал чувство неловкости. Ведь он, Ермолин, — старый «бригадмилец», начальник комсомольского патруля, борющегося со всякими нарушениями; как же он не сумел воздействовать на товарища?!

«А как воздействуешь? — думал Вася, спускаясь к реке. — Словами? Где их взять, такие слова?..»

По поверхности реки скользил зеленоватый свет прожекторов, ярко освещавших стройку, плавучие краны, баржи.

«Как в театре», — подумал Вася и усмехнулся: где ж это видано, чтобы в театре стоял этакий холод и актеру приходилось выделывать головоломные трюки?.. Разве что в цирке!..

В ту ночь Васе пришлось варить «потолочный шов» — работа, которая требовала особенно неудобного положения. Вася долго не мог приспособиться. Наконец ему пришлось просунуть голову в щель...

Плечи болели, руки затекали. Вася изо всех сил старался не замечать этих неудобств, но против воли раздражался все больше и больше.

«Поработаю еще минут десять — пятнадцать — и перекур... — подумал он. — Нет, нельзя. Если так часто передышки делать, к утру не управишься».

«Ну и что же? — раздался внутри него какой-то неожиданный голос. — Закончим опоры днем позже. Экая беда!..» «А паводок?» — ответил сам себе Вася и продолжал работать...

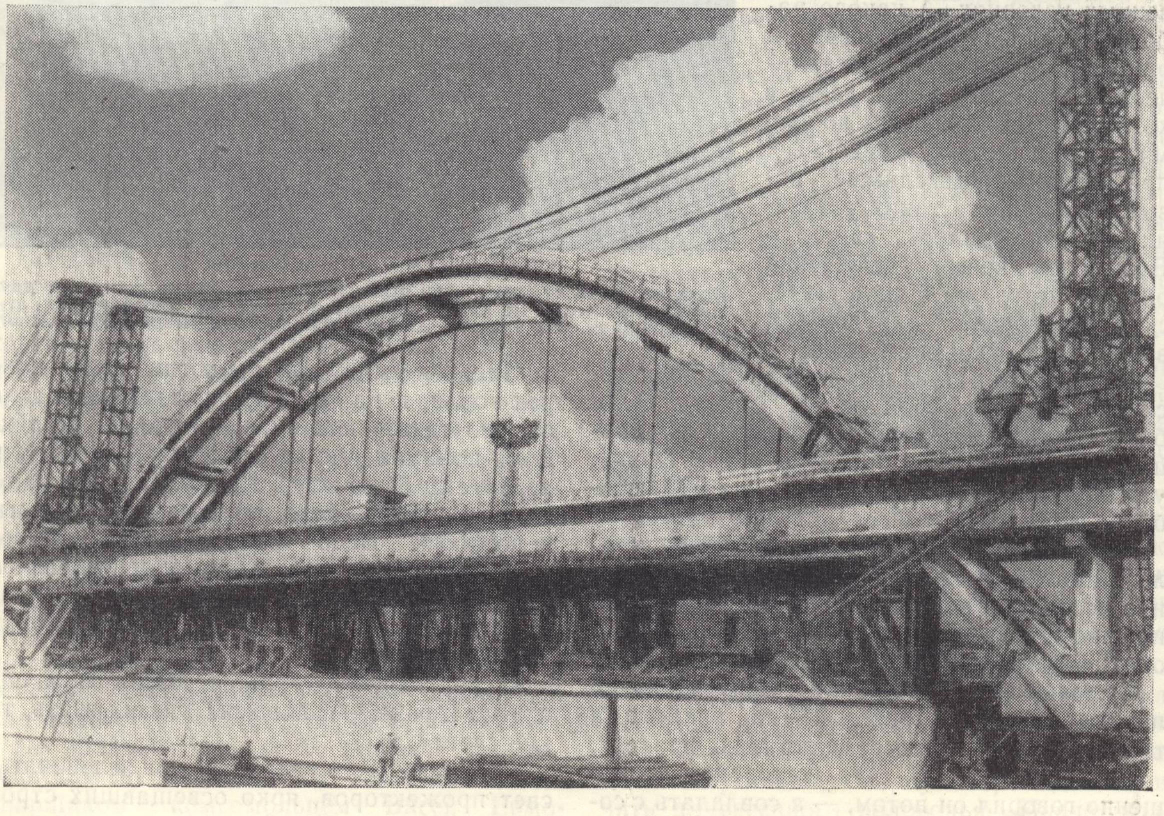
Прошло, должно быть, около получаса, но Васе казалось, что он здесь уже целую ночь. Спецовка на нем отсырела, и теперь к холоду и боли в плечах прибавилось покалывание тока... Для жизни такой ток не опасен, но ощущение это не из приятных.

«Вот сейчас брошу. Ну, еще немного поработаю — и брошу», — говорил себе Вася, а руки его продолжали держать щиток, и дождь веселых, колючих искр продолжал сыпаться в полумрак котлована...

И когда проходило это «еще немного», он говорил себе: «Ну, еще совсем чуть-чуть, а там брошу...» И снова работал. Наконец он дал себе отдых. Разогнул болевшую спину и опустил руки. И вдруг он поймал себя на мысли: «А что, если кончить сейчас работу? Попросить сменить...» Вася даже удивился, до чего ему сейчас все безразлично... А может быть, это она и есть — Мишина «минутка»? Мол, пропадай все!..

Жаркая краска стыда залила его щеки. Что же, значит, и он такой? Вот до чего себя можно распустить, только поддайся!

Вася снова взялся за аппарат. «Что это с ним было?» — теперь уже недоуменно думал он. Очень тяжело. Конечно, тяжело, но разве первый раз участвует он в тяжелых работах? И разве только он один?..

Так выглядела арка моста, когда строители закончили ее сборку.

Комсомолец Василий Ермолин.

Утром, осматривая Васину работу, мастер только сказал:

— Ну-ну!.. Если этак работать, пожалуй, до срока окончим.

А Вася, слушая его, думал, что если сейчас он встретит Михаила, то, должно быть, найдет те самые, нужные слова... Он понял на собственном опыте, как важно научиться преодолевать минуты слабости. И не раз, не два...

— А опоры мы окончили до срока. Тут все лихо поработали: монтажники, бетонщицы. Особенно бетонщицы! Конечно, такие опоры любую тяжесть выдержат... — закончил Вася свой рассказ.

И нам подумалось, что действительно любую тяжесть выдержат опоры, если к прочности материала прибавляются стойкость, упорство и горячие искры комсомольского сердца.

КТО *знает* больше, КТО *ответит* лучше, быстрее, подробнее.

Такое состязание мы объявили в марте этого года и в нескольких номерах давали вам задания — одно труднее другого.

Очень много ребят приняло участие в состязании, и почти все ответы были интересными. Видно было, что ребята читают много книг, узнают то, что еще не знали, тщательно работают над ответами, над картами и рисунками.

Но кто же выполнил наши задания лучше других? Кто из ребят узнал больше всех? Теперь мы можем это определить. Мы прочли работы всех участников состязания и выбрали из них самые лучшие.

Вот кто победил:

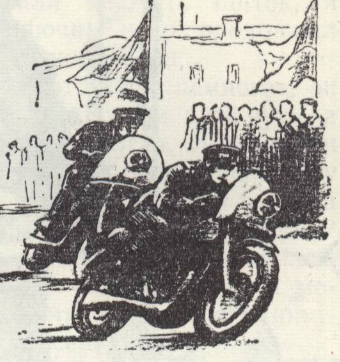
Третье звено 5-го класса бунбуйской семилетней школы; шестой отряд ждановской школы № 11; обуховский детский дом; отряд имени Зои Космодемьянской старо-кошкарской средней школы; 6-й класс вяземской семилетней школы № 2; 5-й класс «В» московской школы № 312; третий отряд ленинградского детдома № 65; совет отряда 6-го класса «В» московской школы № 430; первое звено 6-го класса саратовской школы № 5; совет адлерского Дома пионеров; Сюй Сюе-да (из Пекина); Галя Вопилкина (из Горького); Владимир Фошкин (из Ленинграда); Наташа Харина (из Пятигорска); Валерий Симонов (из Киева); Люда Дартау и Женя Подтягина (из Москвы); Эдик Минке (из Уфы); Толя Савенко (из Кривого Рога); Саша Львовский (из Ленинграда); Л. Левитская и Л. Леонова (из Первоуральска); Люда Желнина и Саша Агальцов (из Брянска); Лена Виноградова и Нина Сафрозьян (из Москвы); Женя Шумилов (из Ижевска); Коля Клейман (из Владивостока); Наташа Щербакова (из Ленинграда); Валерий Дьяченко (из Новочеркасска); Вова Рудаев (из г. Кярдла); Юра Беляев (из Евпатории).

Всем этим ребятам жюри конкурса присудило премии и рассылает их.

ЭСТАФЕТА ИДЕТ

Рассказ А. КРАСИЛЬЩИКОВА.

Рисунки Я. Титова.

Вой сирены был пронзительным, и Андрею показалось, будто в его груди, как в пустом помещении, заметалось гулкое эхо.

Мотоцикл с воем и треском мчался прямо на них, и Тимка потянул Андрея чуть в сторону.

— Ну и воет,— поежившись, сказал Андрей.

Мотоцикл пронесся так близко, что от потока отброшенного им воздуха Андрей почувствовал холодок на разгоряченном после разминки лице.

Сирена была условным сигналом, по которому перекрывалось движение вдоль Садового кольца, и регулировщики на перекрестках энергично замахали полосатыми жезлами.

Судья, у которого Андрей отмечался полчаса назад, приложил к губам мегафон:

— Внимание! Внимание! Дан старт эстафете по Садовому кольцу! Эстафета идет! На наш этап бегуны прибудут через семь — восемь минут!

Голос из мегафона звучал громко и казенно.

— Может, передохнешь?—Тимка подставил небольшой спортивный чемодан.

— Нет,— сказал Андрей,— я лучше встряхнусь еще немного.

На Андрея сирена нагнала тоску. Мотоцикл прошел, но тревожное чувство осталось.

Для Тимки волнения кончились уже на первой прикидке, когда стало ясно, что он не попал в команду. Андрей тоже неважно выступил тогда: слишком волновался. Он ходил как в воду опущенный, но тренер настоял на перебежке. И Олегу Кольцову, в прошлом очень хорошему спортсмену, тоже назначили перебежку. Из них двоих должны были выбрать одного. Кольцов был очень недоволен, потому что на прикидке он пробежал лучше Андрея.

— Что за порядки, — возмущался он, — просто жульничество! Мальчишку хотят протащить в команду.

Андрей молчал. Ведь он знал, что Кольцову перебежку назначили из-за того, что тот почти не тренировался в этом сезоне и теперь, на эстафете, мог завалить команду.

На перебежке оказалось много спортсменов. Одни тренировались в это время, другие пришли просто полюбопытствовать.

Кольцов бежал первым. Они шли пятьсот метров: один круг и еще стометровку. Кольцов бежал очень красиво. Он всегда бегал так. Движения отточенные, просто залюбуешься. Потом бежал Андрей. Ему нечего было терять, и он не волновался, как на первой прикидке. Потом он ушел в душ, не спросив о времени. Он боялся узнать время.

В раздевалке на низкой скамейке стоял Кольцов, еще мокрый после душа, и, размахивая полотенцем перед ребятами, кричал:

— Одна, семь! Одна, семь, и до клеток еще метров пять оставалось.

— Ну, а все-то время какое? — спросил кто-то.

— Все не знаю,— сказал Кольцов.

Андрей взял в гардеробе свой чемодан, прошел в дальний угол и стал раздеваться.

Потом в раздевалку пришел приятель Кольцова, сердито посмотрел на Андрея и негромко что-то сказал. Кольцов и другие бегуны тоже посмотрели на Андрея. И Андрей понял, что попал в команду.

С тех пор у Андрея появились новые тревоги и волнения. Ему казалось, что команда проиграет эти состязания из-за него, Андрея. И он боялся этого больше всего. Это было бы ужасно — завалить всю команду. Его бросало в дрожь при одной мысли об этом.

В последние перед эстафетой дни он необычайно остро воспринимал все окружающее. Его задевало то, на что прежде он не обратил бы никакого внимания. У него пропал аппетит. Сегодня утром, пересилив себя, он съел маленький бутерброд, и куски застревали в горле. Тренера, к которому Андрей так

привык, не будет с ним сегодня. Вот если бы тренер был здесь, рядом, все было бы по-другому! Почему так получается? Достаточно тренеру похлопать Андрея по плечу, улыбнуться ему, сказать: «Ты что, Андрюша?» — и у Андрея сразу спокойней на душе. Не совсем, конечно, но все-таки гораздо спокойнее.

Хорошо еще, что хоть Тимка здесь.

Этап, по которому должен был бежать Андрей, начинался у кинотеатра «Форум» и заканчивался метрах в пятидесяти за Колхозной площадью — четыреста пятьдесят метров. Почти на всем протяжении дорога слегка поднималась вверх и только на последней полусотне метров шла по ровному месту. Андрей знал, что на первых этапах бегуны еще не успевают растянуться и приходят группами. Поэтому всегда есть опасность, что тебя могут обойти сразу несколько человек, но зато можно и отличиться. Можно бы начать бег не очень сильно, чтобы там, на ровном участке, иметь достаточно сил для финиша... Пожалуй, это было бы неплохо. Но Андрею так бежать не придется, потому что его команда пойдет первой с самого начала. Об этом никто не знает. Это секрет их клуба. Раньше у них бывало наоборот: сильных бегунов ставили на последние этапы. А сейчас тренер решил изменить тактику, чтобы сбить противников с толку. Но при этой новой тактике каждому бегуну нужно очень сильно начинать. Андрей еще раз оглядел свой этап, намечая ориентиры. Потом обернулся назад, к предыдущим этапам. Дорога сбегала вниз на Самотечную площадь, а за ней вновь поднималась, широкая возле площади и поуже наверху, вдалеке. Это походило на кусок огромной океанской волны, застывшей и закованной в асфальт. На тротуарах в несколько рядов стояли зрители и перед ними — дворники в белых фартуках.

Ждали бегунов. Было до странности тихо. Только флаги хлопали на ветру. Андрей взглянул на часы, и в этот момент толпа зашумела. Там, вдалеке, на самом гребне асфальтовой волны, показались цветные фигурки бегунов. Они были совсем маленькими, меньше оловянных солдатиков. Фигурки группками быстро скатывались вниз к Самотечной площади, туда, где меж двух рядов спортивных знамен протянулся коридор для передачи эстафеты. Там уже пестрела цветная стайка готовых к старту бегунов. Из-за гребня показывались все новые фигурки. Теперь уже весь склон был заполнен бегущими. В коридоре они на мгновение сливались с теми, кто должен был подменить их, и эстафета снова неслась вперед, уже со свежей силой.

Андрей вспомнил слова тренера: «Ты получишь эстафету первым и начнешь очень сильно. Понял, Андрей?»

Фигурки вырастали, Андрей уже мог различать их. И ему стало не по себе: в ведущей группе не было спортсмена в белой майке. Только в следующей группе метрах в двадцати — двадцати пяти он разглядел белый цвет.

Случилось что-то непредвиденное. Может быть, уронили эстафету при передаче? Или кто-нибудь плохо прошел дистанцию? Андрей не знал и не мог узнать сейчас, что же произошло на первых этапах.

Как ему быть? Как бежать?

— Эй, Андрей! — Тимкин голос был тревожным.— Раздевайся, Андрей!

Только теперь Андрей заметил, что уже все его соперники были готовы к пробегу. Он быстро стянул с себя свитер, тренировочные брюки и бросил их туда, где стоял Тимка.

Судья уже выстраивал спортсменов, вызывая их в том порядке, в котором приближались бегуны.

— «ЦДСА»! — выкрикивал он. — «Буревестник»! «Спартак»! «Локомотив»!..

— «Динамо»! — крикнул наконец судья, и Андрей подбежал к стартовой черте.

Он внимательно посмотрел на широкую белую полосу и отступил от нее на полметра, чтобы случайно не ступить в запретную зону предыдущего этапа.

Теперь уже были слышны шаги бегунов и отчетливо видны их напряженные лица.

«Молодец Володя»,— подумал Андрей о своем одноклубнике, который бежал на предыдущем этапе и очень сильно сократил разрыв. Он был теперь метрах в пяти позади этих четырех ведущих. И вдруг Андрей заметил, что в его движениях появилась какая-то неточность и тяжесть. Будто теперь он бежал не по твердому грунту, а по топкому болоту.

«Кончился,— со страхом подумал Андрей,— не хватило».

Свои собственные тревоги отошли теперь на второй план. Андрей видел, как Володя откатывается, отстает от этих четырех, которые почти на одной линии шли впереди. Четверка дружно подошла к белой линии. Андрею хотелось крикнуть, чтобы Володя бежал скорее. Но он не крикнул, а только нетерпеливо топтался на месте возле черты.

«Начал слишком быстро. К финишу скис».

Андрей знал теперь, как побежит. Нет, совсем не так, как было решено заранее. Он хорошо начнет. Но не слишком, не слишком, черт возьми, сильно.

Эстафету он принял плохо. Плохо, потому что ждал Володю на месте, не начал бежать заранее. Володя налетел на него, и, когда наконец Андрей выхватил эстафетную палочку, Володя подтолкнул Андрея вперед и прохрипел срывающимся голосом:

— Пошел!

Андрей сразу побежал не по осевой линии улицы, которая в этом месте изгибалась наподобие древка натянутого лука, а по прямой, как бы по невидимой тетиве, к ранее намеченному ориентиру, забирая метра на два правее центрального светофора на площади. Когда он покинул коридор знамен, он ясно услышал голос тренера:

— Гуляешь, Андрей!

Андрей, как только мог дальше, вытянул вперед руку с эстафетной палочкой...

Андрей привык к деловито-спокойному голосу, который обычно пояснял, иногда убеждал. Но сейчас голос был твердым и властным:

— А ну, прибавь!

Андрей повел глазами и среди других машин, двигавшихся за бегунами, увидел динамовский грузовичок, битком набитый людьми.

«Как их много,— подумал он,— могут упасть!»

Они все смотрели на него, Андрея, и тренер с мегафоном в руках тоже смотрел на него из кабины. И у всех были одинаково напряженные лица.

Андрей не увеличил скорости и больше не оглядывался, хотя знал, что машина идет где-то рядом, может быть, немного сзади. Он смотрел прямо вперед, не выпуская из поля зрения тех четверых, которые шли впереди. Слева выплыло какое-то желтое пятно. Оно быстро покатилось вперед, постепенно приобретая форму бегуна в желтой майке.

Слишком далеко слева... По осевой идет...

Андрей сразу понял, что этот паренек не опасен ему. Совершенно не опасен. Уж очень лихо он вышел вперед. Вот те четверо — это главное.

А тренер... Понял ли он его, Андрея?

И снова послышался голос тренера:

— Переложи эстафету, Андрей! — В голосе звучал затаенный вопрос. Может, Андрей просто ничего не слышит?

Андрей подчинился команде, перехватил палочку другой рукой.

«Теперь он поймет, поймет, что я намеренно не выполнил тот приказ...»

Паренек в желтой майке откатился назад. Он пропал из виду так же быстро, как и появился. Но прежде чем исчезнуть, он снова обратился в расплывчатое пятно, которое Андрей видел краешком глаза еще несколько секунд.

Больше половины дистанции было уже позади, но Андрей бежал легко. Он ощущал упругость мышц каждый раз, когда нога касалась асфальта. Те, четверо, шли тоже очень легко, и расстояние, отделяющее Андрея от них, не уменьшалось. Позади он вдруг услышал еще чьи-то мягкие шаги. Он слы-

шал их сквозь шум моторов и шорох автомобильных шин об асфальт. Звук шагов усилился: его нагоняли. Нагоняли не сразу, не рывком, а постепенно и верно. Бегун был совсем близко, так близко, что Андрей отчетливо слышал его дыхание. Ему стало страшно от этих уверенных, ровных шагов, и он чуть было не рванулся вперед. Но потом сдержал себя, прикинув, что ведущей четверке оставалось до конца этапа еще около ста метров: пятьдесят в гору и столько же по ровному. Вот когда останется пятьдесят!.. Но эти проклятые шаги сзади...

Внезапно он услышал, как шаги стали тяжелее, и понял, что опасность миновала. И как раз в этот момент четкий строй передовой четверки нарушился: она раздробилась.

«Пора!» — подумал Андрей и рванулся вперед. Он очень удачно выбрал момент: противники потеряли скорость, а он еще держал ее. Он удержал ее и в начале ровного участка.

Тренер крикнул:

— Распустись!

Андрей постарался на какое-то неуловимое мгновение сбросить напряжение в мышцах, и его по инерции потянуло почти с той же скоростью, хотя сил уже не оставалось. Он видел, как расстояние, отделяющее его от противников, уменьшается с каждым шагом, потому что они потеряли скорость раньше, еще на подъеме. Но когда до них оставалось всего два — три шага, а до финиша метров двадцать, Андрей тоже потерял скорость. И эти последние метры больше всего врезались в его память. Тренер снова, теперь уже громовым голосом крикнул:

— Распустись!

Но Андрей не мог овладеть напряженными до предела, почти до судороги мышцами и только старался побыстрее сделать следующий шаг. Чтобы поднять ногу, требовались нечеловеческие усилия. Он собирал в комок всю свою волю. И казалось, что следующий шаг ему сделать уже не удастся, что он упадет. В последний момент, непонятно с помощью чего, нога все-таки отрывалась от дороги. Но время, затраченное на один шаг, казалось вечностью. Легкая эстафетная палочка сделалась вдруг тяжелой, будто невидимый очень сильный магнит стал тянуть ее вниз, вырывать из рук. И Андрей почувствовал, как глаза его стали проваливаться куда-то внутрь.

И все же он нагнал двоих возле самой черты и как только мог дальше вперед вытянул левую руку с палочкой...

На этот раз передача эстафеты была удачной.

После финиша Андрей сделал несколько шагов в сторону и остановился. Ноги были совсем слабыми. Подташнивало. Но зато не осталось гнетущего, тревожного чувства. Оно пропало, испарилось, словно он потерял его на последних метрах своего удачного финиша.

Вокруг Андрея сгрудилась небольшая толпа. Мужчины, женщины, дети. Двое мальчишек в восторге схватили его за руки. Сквозь толпу протиснулась невысокая старушка. Она остановилась против Андрея, хотела всплеснуть руками, но руки были заняты сумками, и ее движение получилось смешным и кургузым, как полет курицы.

— Батюшки, — покачав головой, произнесла она,— как умучился-то!

Она сочувственно причмокнула губами.

Андрею стало неловко от этой жалости. Он задержал дыхание и сказал:

— Что вы, бабушка!

Андрей постарался сказать это бодрым тоном и, протиснувшись через толпу, тихо побежал. Ему трудно было бежать, но он заставил себя сделать это, чтобы люди не подумали, что сейчас он ни на что не годен.

Улица на этом участке уже наполнялась машинами и людскими толпами. По самой ее середине между двух автомобильных потоков к Андрею спешил Тимка с чемоданом и тренировочным костюмом в руках.

— Ну и здорово ты их! — сказал Тимка.

...Они медленно шли в спортклуб. И когда дыхание Андрея стало ровным и легким, он сказал:

— А знаешь, я здорово перетрусил сегодня.

— Еще бы,— сказал Тимка,— кто бы не перетрусил! Такая уж гонка. Я и сам перетрусил, когда увидел, как ты побледнел.

— Ну? — спросил Андрей.

— Еще как!

— А ты видел, как наши проехали на грузовике?

— Нет, я все время смотрел на тебя. Я только слышал, как тебе кричали на финише. Так орали!

Андрей удивился: он не слышал ничего, когда финишировал.

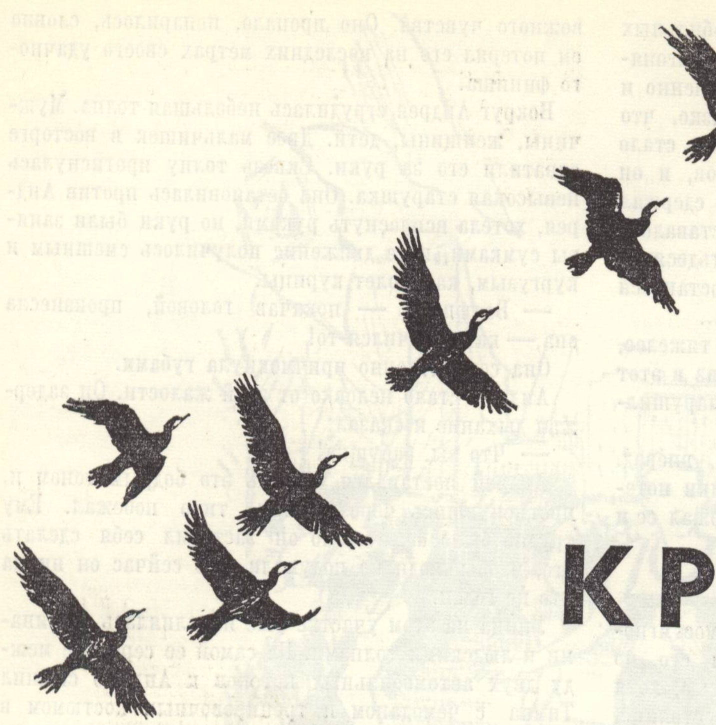
Теперь они шли молча, и уже показалось здание клуба.

«Почему он ничего не крикнул мне напоследок?» — думал Андрей о тренере.

Но на душе у Андрея было легко. Все-таки он здорово прошел свой этап. Тренер, наверно, похвалит его, когда вернется с пробега. Ну, конечно, похвалит.

Они не вошли в дом, а устроились на ступеньках и так ждали возвращения товарищей, вызывая удивление у прохожих.

Андрей вытянул отяжелевшие ноги и привалился к Тимкиному плечу, и Тимка почувствовал себя участником сегодняшней эстафеты.

НА КРЫЛЬЯХ

К. КОЧЕТКОВ

I

Вот что случилось нынче на первомайской демонстрации в подмосковном городе Бабушкине. На праздничных улицах города появился необычный грузовик. Необычный потому, что на его кабине покачивался какой-то легкий серебристый летательный аппарат. Будто гигантская бабочка присела на минуту и, широко распахнув крылья, вот-вот взлетит.

Крылья сразу привлекли толпы любопытных.

— Что это? Что? Эх, красота какая!

Грузовик, выбравшись из толпы, поехал быстрей. Под напором встречного воздуха бабочка вдруг отделилась от кабины, до отказа натянув тросы, которыми была прикручена к ней. И никто не переживал этого с таким трепетом, как ребята, сидевшие в кузове грузовика.

— Вовка, смотри! Тросы, как струны!

Двое из ребят поспешно взобрались на крылья и легли на них, стремясь прижать к кабине. Но бабочка продолжала рваться вверх.

— Ого! Вот тяга! А что будет, когда крылья замашут?

Незаметно подкралась туча, хлынул светлый весенний дождь. Ребята на грузовике вымокли до нитки. Но никакой дождь не мог бы смыть торжества с сияющих ребячьих лиц. Ведь серебристые крылья — их рук дело!

Сколько вложено в эти крылья неукротимой мечты и пытливых поисков!

II

С осени прошлого года в средней школе № 1 города Бабушкина возник авиамодельный кружок. Ребят захватила мечта — научиться летать, как птицы! Летать взмахами крыльев.

Мечту эту пробудил у ребят преподаватель школы Дмитрий Владимирович Ильин. Сам он к идее полета на машущих крыльях пришел не случайно. По профессии он летчик-истребитель. Воздух — страсть всей его жизни.

В Отечественную войну за отважные налеты на врага его наградили орденом Красного Знамени. Но в одном воздушном бою он был подбит и, несмотря на отчаянное сопротивление, захвачен в плен. Нелегко это было сделать фашистам. Отстреливаясь из пистолета, летчик одного за другим уложил шестерых. Но седьмой изловчился и ударил прикладом по голове. Летчик потерял сознание. Вот тогда-то его и захватили. Глубокий тыл. Лагерь для военнопленных. Едва оправившийся от ран летчик приговорен к смерти. В ночь перед казнью ему удается бежать, и после многих опасных приключений он

добрался наконец к наступавшим советским войскам.

Теперь Ильин уже не летает. Здоровье не то! Но тоска по вольной воздушной стихии осталась. Тот, кто летал, никогда не забудет полетов. Это страсть, ничем не истребимая. И учитель передал ее своим питомцам.

«Вот бы летать по-птичьему! — мечтали ребята.— Вот бы сделать крылья, легкие и удобные! Чтобы в сложенном виде висели на гвоздике, а когда нужно — снял их, вышел на крыльцо, прикрепил на спину и, широким взмахом оторвавшись от земли, полетел бы куда хочешь: в школу ли, в другой ли город, или совсем в дальние края, как перелетные птицы».

Крылья самолета отличаются от птичьих тем, что они неподвижны. Их назначение — создавать подъемную силу, которая держит самолет в воздухе. Тягу, стремительное движение вперед дает самолету двигатель, который вращает пропеллер.

Вот оно, уже почти готово — легкое серебристое крыло.

А взгляните на птицу — на голубя или на того же непоседу-воробья. Только крылья!

Вот бы построить такие крылья и, махая ими, летать подобно птицам!

Прямо зависть берет! С виду неказистый воробушек взмахнул крыльями — и, смотришь, уже на крыше. С крыши — через улицу, через забор и вот уже прыгает по двору, клюет-поклевывает что-то.

III

Машущие крылья! Давно уже многих людей тревожила мечта о них. И каких только крыльев не строили! Но до сих пор никто не взлетел в небо с помощью взмахов крыльями.

Создавались легкие модели. Склеенные из соломинок и папиросной бумаги, снабженные резиновыми моторчиками, игрушечные орнитоптеры летали. Делая быстрые взмахи крыльями, они ненадолго поднимались в воздух. Но как только по этим моделям строили большие крылья и пытались привести их в действие силой человеческих мускулов, сразу же начинались неудачи. Даже самые могучие силачи не смогли пока оторваться от земли с помощью машущих крыльев.

Но зачем нам в точности копировать птиц? Надо взять у них главное — строение крыла, искусство взмаха — и добавить то, чем владеет человек, — технику.

Для машущего полета человеку, быть может, хватит моторчика в полторы-две лошадиных силы. По расчетам наших юных конструкторов и их учителя, такой моторчик может создать у каждого крыла подъемную силу в триста килограммов. Это вам не сила мускулов человеческой руки! А крылья с таким моторчиком будут стоить дешево, пожалуй, не дороже велосипеда. Они сделают воздух

доступным для летателя, как асфальтовое шоссе — для велосипедиста.

Ну, а как же учиться у птиц? Ходить за ними и наблюдать? Люди, мечтавшие о полетах, делали это уже пять столетий назад. Вспомним великого итальянца Леонардо да Винчи. Он оставил нам многочисленные наброски летающих голубей и эскизы аппарата с машущими крыльями.

IV

В наше время нет надобности повторять все сначала, от Леонардо да Винчи. Мало что осталось теперь неизвестным о птичьем крыле. Ведь полет птиц изучается давно. Без этого не было бы и самолетов, хотя они и не машут крыльями. Здесь конструкторы тоже учились у птиц, здесь тоже постигали законы работы крыла.

Воробей, когда летит, делает четырнадцать взмахов в секунду. Простым глазом не уследить за воробьиными крылышками. Да и за голубиными! Для изучения полета птиц применяют теперь скоростную киносъемку. Такая съемка позволяет увидеть движения крыла в мельчайших подробностях.

Крыло птицы работает очень сложно. Главное в крыле — это его эластичность. При взмахе вниз конец крыла и задняя его кромка отгибаются кверху. Крыло захватывает воздух и гонит его под себя. При взмахе же вверх чуть загибается передняя кромка, и встречный воздух «стекает» под крыло. Так что даже при взмахе вверх у крыла создается сила тяги.

Вот такие крылья и нужно строить! Чтобы они были не жесткие, а упругие, эластичные, автоматически меняющие положение в воздухе. И чтобы они были очень легкие и в то же время очень прочные.

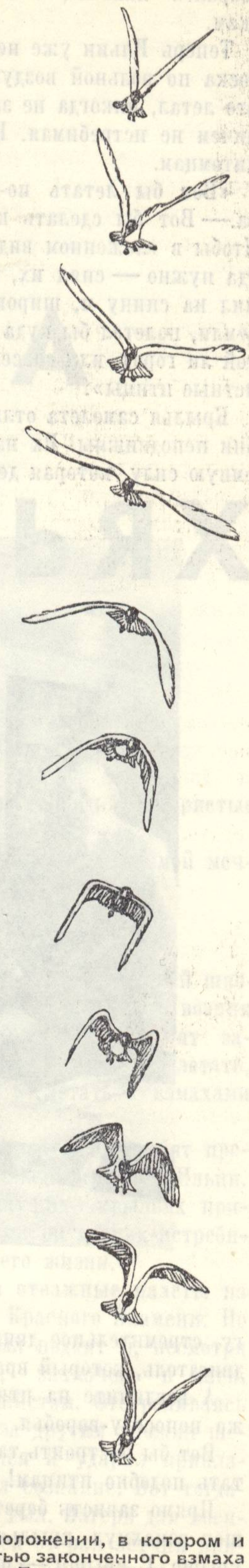
Но все же книги книгами, фильмы фильмами, таблицы, рисунки — тоже, а живое крыло птицы хочется знать. Кружковцы превратились в птицеловов. Ловили синиц и воробьев, голубей и ворон. Ловили, конечно, живьем. Птица ведь друг, а тут вдвойне! Бережно придерживая в руках, расправляли у них крылья, рассматривали каждое перышко, стремясь воочию разобраться в устройстве крыла. Уж если зажегся в тебе этот исследовательский огонек, то никак не пройдешь ты мимо кормящейся голубиной стаи, чтобы не постоять, не посмотреть. И каждая летящая ворона непременно заставит тебя поднять голову и внимательно проследить взглядом ее полет.

Всякие поиски неизбежно связаны с неудачами, с ошибками, а значит, с нескончаемой работой, подчас утомительной, однообразной.

Валерик Фирсов, один из школьных авиастроителей, говорит:

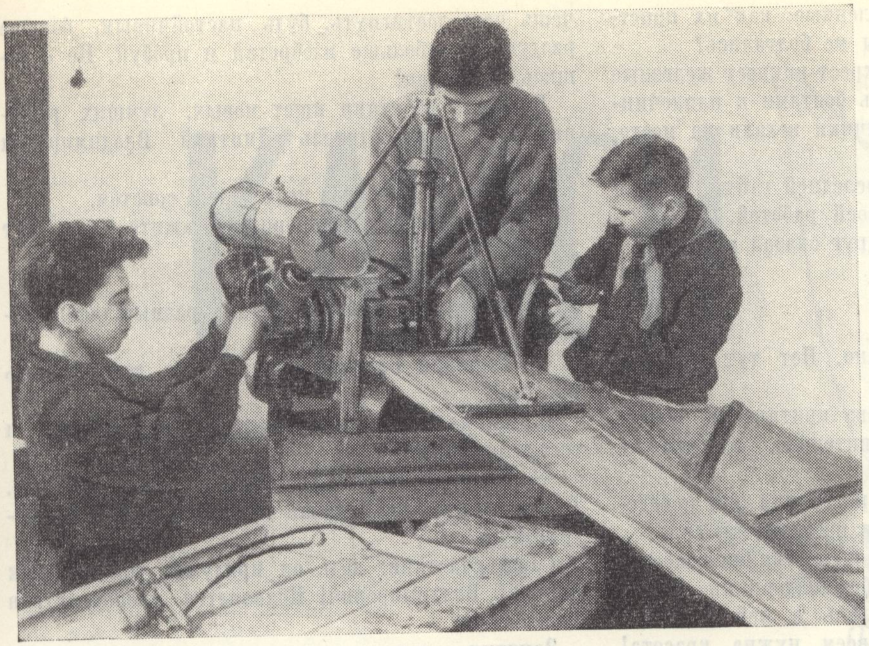
— Без конца что-нибудь переделываешь. Не всякий выдержит. Зато уж кого втянуло, тот оторваться не в силах. Зачищаешь шкуркой деталь, заклепываешь болтик, а в мыслях перед тобой — вот они, машущие крылья!

Сначала в кружок записалось двадцать шесть человек. Но ведь у иных ребят какой подход к делу? Лишь бы поскорее все, полегче. А чуть трудно —

Если ты видел полет чайки, тебе могло показаться, что она опускает крыло в том же положении, в котором и поднимает его. Но рассмотри эти рисунки: тут перерисована кинограмма одного полностью законченного взмаха крыльев чайки. Видишь, крыло опускается расправленным, а поднимается сложенным. Так скоростная киносъемка помогает ученым и конструкторам изучать механику движения птичьего крыла.

Сложнсе дело — крепление мотора и компрессоров.

они на попятный. Из всего кружка осталось только шесть самых упорных. Зато этих никакая неудача не свалит.

«Ага, не вышло? Что ж, давайте снова! На неудачах учимся».

V

После долгих раздумий разработан проект крыльев. Мастерские при школе есть. И мастера подобрались — золотые руки. А материалы? Где их взять?

Разведали, что на одном из подмосковных аэродромов подготовлено к сдаче в утиль много дюралюминиевых отходов. А дюраль-то и нужен для крыльев. Ребята насобирали по всему городу железного лома и привезли на аэродром.

— Давайте поменяемся! Пожалуйста! Нам так нужен дюраль!

Уговорили. Получили разрешение. Из куч дюралюминиевого лома выбрали подходящие обрезки.

Узнав, что за сооружение задумали ребята, работники аэродрома отдали им установку для сжатого воздуха — выбракованные баллоны и компрессор. Где-то раскопали моторчик в десять лошадиных сил. Моторчик был, правда, тяжеловат, лучше бы слабее, да зато полегче, но в конце концов радовались и этому. С большим трудом привели его в порядок, хотя, по правде сказать, он и до сих пор временами капризничает. Что-то с магнето не ладится.

Раздобыли бамбуковых удилищ для скелета крыльев, раздобыли лаков и красок, всяких винтиков и шурупов, проволоку разного сечения.

Бамбуковые удилища чем хороши? Они очень легкие, очень прочные и упругие. Незаменимый материал для крыльев. Чтобы сделать бамбуковые рейки крепче, обмотали каждую бинтами, а бинты пропитали лаком.

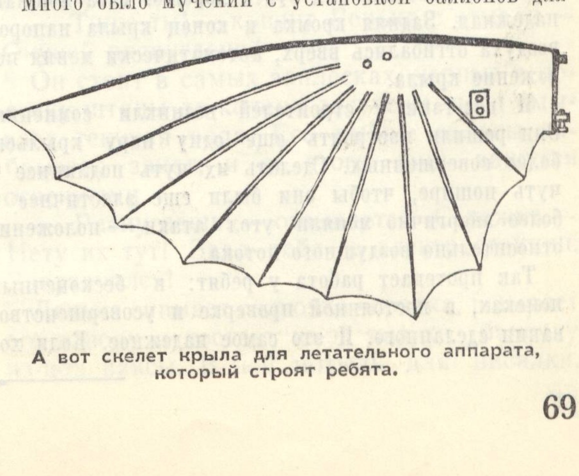
Готовые рейки разложили на полу веером, строго по чертежу, над которым трудились и раздумывали много зимних вечеров. Накрыли рейки простыней и приметали к ней нитками, а потом накрепко пришили. Думаете, так просто было пришивать? Крыло ведь широкое, приходилось далеко тянуться с иголкой. Пока дотянешься, и руку сведет и все сдвинешь. И вот, намаявшись, Юра Мельник придумал.

— Ставь крыло ребром,— скомандовал он Валерику Троицкому.— Заходи с той стороны, а я буду с этой. Теперь смотри: я протыкаю крыло иголкой. Видишь ее? Бери, вытягивай нитку к себе... Теперь протыкай ты. Готово? Тяну.

Удивительно быстро и ладно пошло дело. Вот что значит рационализация!

Готовые крылья прикрепили на шарнирах к легким дюралевым наплечникам, на которых установлены мотор и компрессоры для сжатого воздуха. Мотор с помощью компрессоров должен накачивать воздух в два стальных баллона, создавая в них давление до полутораста атмосфер. Сжатым воздухом приводится в действие поршень, от которого движение передается на крылья.

Много было мучений с установкой баллонов для

А вот скелет крыла для летательного аппарата, который строят ребята.

сжатого воздуха. Они округленные, как их пристроить к наплечникам, чтобы не болтались?

А если наложить на них крест-накрест железные полоски и полоски закрепить болтами к наплечникам? Так и сделали. Баллончики встали на место, как приросли.

Когда укрепили все, до последней гайки, отошли в сторонку полюбоваться своей работой.

И тут Саша Раздобаров вдруг сказал мрачно:

— Не годится!

Ребята всполошились:

— Чем не годится?

— А тем, что грубо сделано. Нет тут никакой красоты!

Ребята переглянулись, снова критически осмотрели свою работу. Да, действительно, красоты не было.

И что же? Без малейшего колебания они переделали все заново, не жалея ни времени, ни сил.

С той поры явилась у ребят постоянная забота: чтобы все было подогнано без задоринки. Чтобы и вся машина и каждая мелочь в ней радовали глаз чистотой отделки. «Во всем нужна красота! Правильная вещь всегда красива».

Так они постигли истину, известную всем взрослым конструкторам: правильная вещь красива потому, что в ней все целесообразно, в ней всякая мелочь доведена до совершенства. И она красива именно, если она правильная, потому что тогда выражает и воплощает техническую идею.

VI

Когда крылья были готовы, начались испытания. Крыло положили на пол, густо усыпанный опилками. Вова Фролов, как самый сильный, встал к насосу. Другие обступили задний край крыла, держа наготове длинные бумажные ленты.

— Ну, Вовка, жми!

Вова энергично налег на ручку насоса. Крыло круто и порывисто замахало, глухо шлепая по полу. Опилки вихрем полетели назад. Ленточки, извиваясь, рвались из рук.

Крыло работало как будто хорошо. Тяга мощная, надежная. Задняя кромка и конец крыла напором воздуха отгибались вверх, автоматически меняя положение крыла.

И все-таки у строителей возникли сомнения. Они решили построить еще одну пару крыльев, более совершенных. Сделать их чуть подлиннее и чуть пошире, чтобы они были еще эластичнее и более энергично меняли угол атаки — положение относительно воздушного потока.

Так протекает работа у ребят: в бесконечных поисках, в постоянной проверке и усовершенствовании сделанного. И это самое надежное. Коли хочешь чего достигнуть, будь настойчивым, больше раздумывай, больше изобретай и пробуй. Не страшись переделок!

Вместе с ребятами ищет новых, лучших решений и их руководитель Дмитрий Владимирович Ильин.

Вот Саша Раздобаров подходит за советом.

— Дмитрий Владимирович, скажите, как тут лучше сделать?

— Не знаю. Подумай сам.

Саша отходит. Сосредоточенно размышляет. Потом:

— Дмитрий Владимирович! А что, если сделать вот так?

Ильин не спеша знакомится с предложением и весело отвечает:

— Молодец! Представь себе, я думал так же. Только знаешь что? Давай вот здесь чуть-чуть подругому...

Саша счастлив: ведь он придумал так же, как Дмитрий Владимирович! Появляется уверенность в своих силах.

Занятия в школе кончились, и подошли летние каникулы. Ребята даже не подумали прекращать работу. Крылья и все припасенные материалы они перевезли в поселок Тайнинку, где живет Дмитрий Владимирович. Там во дворе есть сарайчик. Его переоборудовали под мастерскую. И снова у ребят идет стройка.

Летом пришли новые радости. С фотографиями крыльев Дмитрий Владимирович поехал в Москву к руководителям авиационной промышленности и рассказал о работе кружка. И что же? Немедленно были выданы наряды на настоящую авиационную ткань для крыльев, на краски и лаки, на болты и проволоку и на другие нужные материалы. А самое главное, кружку обещаны четыре новых, очень легких и на диво сильных моторчика.

Ребята ликовали:

— Н-ну, теперь держись!

* * *

У любых птиц, даже у самых быстролетных, птенцы сразу летать не могут. Даже они, рожденные с крыльями, сначала учатся полетам.

— Мы выучимся летать,— говорят наши человечьи птенцы в Бабушкине.— Непременно выучимся!

И ведь даже не догадываются эти ребята, что они уже сейчас летают. Строя свои серебряные крылья, мечтая соперничать с птицами, они уже поднялись в захватывающем дух полете. Он знаком всем открывателям, всем конструкторам — творцам новых машин: летающих, считающих, плавающих, режущих металл, сверлящих гранит, измеряющих невидимое. Это прекрасный, могучий полет творческой мысли!

КАРАСИ

Рассказ Петра **ВОЛКОДАЕВА.**

Рисунки И. Бруни.

Сережке досаждает рыбья мелюзга.

Только забросит крючок с червяком в воду, как на него тут же наскакивает целый косяк вертких мальков, похожих на вылупившихся из яйца ужат.

Он нетерпеливо дергает ореховое удилище, насаживает нового червяка, плюет на него, как делает старый рыбак дед Силантий, потом, отступив на шаг от берега, норовит забросить поплавок на середину заводи. Леска вжикает в воздухе и плюхается на розоватую зыбь.

Солнце садится, а окуневый клев все еще не начинается.

Поодаль от Сережки на песчаной отмели стоит с удочкой его закадычный дружок Ленька. Одноклассник. В любых потасовках со сверстниками он за Сережку горой. С ним не страшно в любой мальчишеской беде. Вот и сейчас... Не было бы тут Леньки, Сережка давно бы смотал удочки. Смеркается. А недалеко камышовые заросли. Там что-то шурхает... Но рядом Ленька. До него ближе, чем до камыша.

Гусиный поплавок нырнул. Сережка сделал подсечку — пусто на крючке. Ни насадки, ни улова. С досады он хлопнул удилищем по воде. Удар прозвучал, как внезапный выстрел. Эхо повторило его в камышах.

— Тише ты! — кричит Ленька с отмели.— Окуней распугаешь!

Он стоит в самых заплесках, черные в полоску штаны до колена засучены, ноги омывает текучая вода. Его рыжие волосы забрызгал закат, и от этого они кажутся огненными.

— Распугаешь! — отзывается Сережка.— Нету их тут! Звал тебя к электростанции. Заартачился!

Ленька снимает с крючка червяка, швыряет его в воду и достает из-за пазухи баночку из-под ваксы. В ней мотыль для насадки.

Вода в пруду тихая, дремотная. Ни всплеска, ни бульканья. Можно подумать, что в этой застоявшейся воде живут только лягушки. Но Сережка и Ленька знают, кто обитает в заповедном пруду — амурские серебристые караси. Целую бочку мальков привез из рыбопитомника Кузьма Кузьмич, председатель колхоза. Прошлой весной пустили в пруд... Теперь они выросли чуть не с ладонь. Ловить карасей в пруду правление запрещает кому бы то ни было. Об этом крупными чернильными буквами написал на фанерной дощечке колхозный счетовод Аверьян Лукич. Фанера со строгими словами прибита к столбику, что врыт на берегу водоема.

Леска у Леньки длинная. Удилище тоже. Взмахнул им — крючок с мотылем летит к другому берегу.

— Эх, ты, «нету»! — возражает Ленька.— Давеча дед Силантий на этом месте трех выудил.

Он ткнул в сырой песок удилище, вытянул левую руку и, положив правую на локтевой сгиб, с восхищением произнес:

— Во какие окунищи-то! Сам видал. На кукане трепыхались...

Сережка покачивает стриженой головой. Щурит светлые, как речная струя, глаза. Усмехается.

— Такие тут не водятся...

Ленька не отзывается. Молчит. Он присел на корточки и смотрит на поплавок, сделанный из сухой куги.

Рядом в осоке заквакала лягушка. Ее скрипучие, нудные выкрики похожи на блеяние овцы. Леньке хочется прихлопнуть грязью пучеглазую, но нельзя: рыбу распугаешь. А лягушка вылезла из осоки, смотрит на Леньку выпученными глазами, на всю реку горлопанит:

— Выр-р-р-ка-ка... Вы-р-р-р-ка...

Леньке чудится, что она выговаривает:

— Пусто у рыбака...

Наматывая леску на удилище, Ленька высказывает свои мысли вслух:

— Утром, на зорьке, самый клев...

Едва приметная тропинка петляет по тальниковым зарослям. Впереди, в камышовых дебрях, пруд.

— Вот где порыбачить бы...— тихо произносит Сережка.— Кишмя кишат караси...

— Вывеску читал? — строго спрашивает Ленька.

— Читал,— отвечает нехотя Сережка.— Да мы ведь не удить. Мы поглядеть.— Он переходит на шепот и начинает уговаривать Леньку горячо, с азартом: — Одного только поймаем. Придем на зорьке. Поглядеть, какие они выросли.

Леньке тоже хочется посмотреть на амурского карася. Чешуйки, говорят, серебристые. Как гривенники, небось... Но перед глазами запретная надпись на фанере. Он долго молчит, сопротивляясь соблазну.

Сережка не унимается:

— После вторых кочетов зайду. Опять постучу в крайнее окошко...

— Заходи,— сдается наконец Ленька.— Да смотри не проспи... Попроси деда Силантия, чтоб разбудил. Он недалеко от вашей избы ходит, возле амбаров.

Теперь они идут молча, тихо шлепая босыми ногами по тропинке. В избах Лебедянки зажегся свет: электростанция включила ток. Село стоит на пригорке, и электрические огни в окнах видны далеко окрест. В клубе играет радиола. Музыка плывет вниз, к пруду, тихими, мурлыкающими волнами. Здесь в прибрежных кустах, совсем стемнело.

Вдруг Сережка останавливается, пугливо пятится назад.

— Чего испугался? — шепотом спрашивает Ленька.

— В кустах что-то... — Сережка указывает рукой на прогалину между кустами.

Ленька пригнулся и увидел на фоне звездного неба черный силуэт человека.

— Что-то развязывает,— говорит Сережка.

Ленька показывает Сережке кулак, затем оставляет удилище на тропинке и, раздвигая ивовые кусты, ползком направляется к берегу. Сережка не отстает, мнет животом лопухи. Руку обожгла крапива. Печет, как огнем.

Они лежат рядом, высунув стриженые головы из-за куста. Неизвестный человек недалеко от них, шагах в десяти. Присев на корточки, он расправляет вентеря в траве. На нем плащ с капюшоном. Капюшон накинут на голову.

Таинственный человек поставил два вентеря: один возле ветлы, другой опустил в воду около заросшей куги, помешкал за кустами, притаившись. Затем, раздвигая ивняк, осторожно, крадущейся походкой зашагал от пруда.

Вскоре его черная фигура замаячила, удаляясь, на тропе, заросшей талами да крапивой.

— Ишь, ворюга...— задыхаясь от волнения, шепчет Сережка.— Колхозных карасей вентерями таскает.

Ленька поднялся на ноги, смотрит в спину удаляющемуся вору.

— Айда выслеживать его...— зовет он.— По его пятам к нему на двор придем. Только тише ты, не сопи.

Они выбираются из засады на стежку и крадутся следом за вором. Ленька ступает впереди, не спуская глаз с черного силуэта. Временами он совсем теряет его из виду, останавливается, прислушивается.

Возле конопляника, где тропинка раздваивается, исчез вор. Ни звука, ни шороха. Будто под землю ушел.

Кинулись вперед по нижней стежке — не слыхать шагов. Вернулись на верхнюю — пусто.

— Вот и выследили...— досадует Сережка.— Кто это был? Вроде похож на конюха Фому.

— Нет, не он...— опровергает Ленька.— Фома хромает, а этот нет.

Потоптались на развилке, поспорили шепотом. Но тут же помирились. Ленька уговорил Сережку вернуться к той ветле, где таинственный человек поставил вентеря.

— Там подкараулим его. Он утром придет за уловом.

— Холодно что-то,— поеживаясь, отнекивается Сережка.— Мамка выволочку задаст, ежели не ночевать дома.

— Трусишь?

— Я трушу? — обиделся Сережка.— Эх, ты... Хочешь, сейчас через кладбище один пойду?.. Трушу... Идем, коли так.

Они вернулись к горбатой ветле. Ленька нащупал возле самого комля шнур. Он уползал в воду. Вторая рыболовная снасть привязана возле куги таким же витым шнуром за таловый куст.

Обследовав вентеря, мальчишки залезли в тальник, пошуршали там, как воробьи на ночевке под стрехой, и притихли.

Сережка то и дело раздвигает рукой кусты, выглядывает из тайника.

— Не выглядывай,— дергает его за рукав рубашки Ленька.— Сейчас не придет. На зорьке жди...

Ленька прислушивается к шелесту. Ему кажется, что кто-то возится за ветлой в кустах. Ленька даже видит человека с растопыренными руками возле самой воды. Но молчит, не говорит об этом Сережке: еще захнычет...

Сережка жмется к Ленькиному плечу, шепчет пугливо:

— Глянь... Из воды что-то лезет... Ушастое...

Ленька смотрит из укрытия в ту сторону, куда протянута Сережкина рука. Сначала видит только кусты, затопленные до самых веток. Но вот поодаль от них поднялось над водой черное страшилище. С огромными ушами. Плюхнуло в воду... Опять всплывает...

— Карша [1] это,— сообщает Ленька, вспомнив, что возле берега после весеннего паводка много затопленных деревьев осталось.

— Пойдем домой,— зовет Сережка.

— Что ты! До утра недалеко,— уговаривает Ленька.— Радиола уже не играет в клубе. Значит, полночь прошла...

Сережка опять ложится на живот рядом с Ленькой. Молчит, положив стриженую голову на согнутые руки. Ему уже не хочется вылезать из тайника. Тут безопаснее, чем на стежке. Там, в темноте, можно наскочить на того, в плаще... А тут он их не найдет... За кустами ветер шастает. Холодно. В затишке теплее. Правый бок греется возле Леньки...

Дремлет Сережка, сам все думает, как они с Ленькой будут ловить вора. Ежели подбежать и схватить его за плащ? Еще в пруд спихнет... Решил: Ленька схватит за плащ, тогда и он, Сережка, уцепится за полу...

Вскоре у Сережки в носу засвистело, зацвинькало, и когда Ленька толкнул его опять в бок, он только промычал в ответ.

«Ну и пускай дрыхнет,— решил Ленька.— Появится вор, разбужу...»

...Кто-то щекочет затылок, горячими пальцами шевелит волосы. Ленька крутит головой, а глаза не может открыть: разморил сон.

Уже давно пришли в водоем утки с колхозного птичника, крякают, плещутся возле ветлы. Тюрлюкают утята невдалеке.

Ленька открыл глаза и снова зажмурился. В тайник заглядывает чье-то красное смеющееся лицо, такое яркое, что нельзя на него смотреть. Он чуть-чуть приоткрывает веки — в кусты смотрит солнце. Ленька вскакивает, словно от толчка, озирается вокруг. Все залито горячим утренним светом: тальники, куга, ветла... Он стоит, недоумевая. Нечаянно бросает взгляд на Сережку, который спит под кустом.

[1] Карша — ветвистый обломок дерева или целое дерево с корнями, подмытое и снесенное в реку.

И сразу вспомнил Ленька вчерашний вечер. Метнулся по кустам к ветле. Там ни шнура, ни вентеря. Подбежал к Сережке и сердито ткнул его кулаком.

— У-у... Дрыхнешь все! Упустили...

Сережка вскакивает на ноги, таращит на Леньку бессмысленные глаза.

— Нету вентерей,— сообщает ему Ленька.— Проспали...

Они заглядывают под ветлу, раздвигают кугу в надежде найти какие-нибудь следы. Но ночной вор не оставил на берегу никаких отметин. Только заметили Ленькины цепкие глаза в траве за ветлой, возле самых заплесков, несколько чешуек, похожих на мелкие серебряные монетки.

— Айда к председателю,— говорит Ленька.

Сережка возражает:

— Чего ж теперь к нему? Вора-то не поймали...

— Расскажем, что видели...

— Домой пойду, мать драться будет...

— Идем прежде к Кузьме Кузьмичу,— настаивает Ленька.— Уговорим, чтоб за тебя заступился. Чай, мы не баклушничали, за вором следили...

Мимо колхозных огородов они бегут вприпуски домой. Прячут удочки у Леньки в палисаднике, спешат в контору правления. За столом, посверкивая лысиной, восседает Аверьян Лукич. Он стучит костяшками на счетах, то и дело поглаживает подстриженную бородку.

— Что скажете, молодцы? — спрашивает счетовод.— В подводчики, небось, пришли проситься? Зерно возить? А? Малы еще...

— Нет,— отвечает Ленька,— мы по другому делу. Нам бы Кузьму Кузьмича...

— В поле он. Раньше обеда не вернется. А может, я помогу в вашем деле? — допытывается Аверьян Лукич, хитро прищурив глаза.

Ленька чешет поклеванную цыпками ногу другой ногой и сбивчиво, со всеми подробностями рассказывает про таинственного человека в плаще, про вентеря. Сережка изредка вставляет короткие реплики, дополняет Ленькин рассказ.

Выслушав мальчишек, Аверьян Лукич нахмурился. Кустистые брови сдвинулись к переносице.

— Неужели у нас в колхозе вор завелся? А может, пришлый?

Он прижег «козью ножку», выпустил целое облако дыма изо рта и сказал:

— Вечером, как начнет смеркаться, приходите ко мне. Только чур уговор: держать

язык за зубами... Ни-ни... Мы его выследим...

Мальчишки мнутся возле порога. Мешкают.

— Что еще у вас? — спрашивает Аверьян.

— Сережка вот боится домой идти,— объясняет Ленька.— У него мать драчливая. Вы б заступились.

— Хорошо, заступлюсь,— обещает Аверьян Лукич и, повернувшись к окну, внезапно произносит: — А вон она аккурат идет из коровника. Татьяна! — крикнул счетовод, высунувшись до пояса из распахнутого окна.— Зайди на минуточку.

Сережка на всякий случай отошел от порога, когда увидел за окном знакомый лапчатый платок на голове матери. Она вошла в избу и, уставившись сердитыми глазами на Сережку, затараторила:

— Ты тут? Я с ног сбилась, ищу его... Приди, приди домой... Я тебе покажу!..

— Ты вот что, Татьяна,— остановил ее счетовод,— не нападай на Сережку. Он не виноват. Я их посылал вчера вечером на пасеку с поручением. Там они и заночевали. Нынче опять туда пойдут на ночь.

— Тоже хорош! — начала укорять счетовода Сережкина мать.— Детей с поручением в ночь...

— Некого послать,— оправдывался Аверьян Лукич.— А дело-то срочное, не терпит проволочки.

В сумерках мальчишки повели счетовода к водоему. Чтоб никто не заметил, пробирались окольными стежками: сначала пошли на гумно, с гумна — в колхозный сад, оттуда нырнули в прибрежные кусты и подкрались к ветле. Не было знакомых шнуров ни возле ветлы, ни в куге. Значит, браконьер еще не появлялся с вентерями. Засели в тайничке, где Ленька и Сережка коротали прошлую ночь.

Опять в кустах что-то шурхает. Сережка с Ленькой затаили дыхание. Насторожился и Аверьян Лукич. Ждут, сейчас возникнет возле ветлы человек в плаще... Но идет время, никто не появляется. Тихо. Только ветер озорует на берегу: то пробежит по камышам, лопоча упругими листьями, то заберется в кусты и тормошит их снизу, будто норовит отряхнуть всю листву с веток.

Время перевалило за полночь. На селе заголосили вторые кочеты. А вора все нет. Ясно, что теперь он не придет с вентерями: их ставят с вечера, а не под утро.

— Примерещилось вам, дьяволята, вчера,— укоряет мальчишек Аверьян Лукич.

Ленька и Сережка клянутся честным пионерским словом, что вор был «всамделишный». Опять упоминают плащ, витые белые шнуры... Не преминул Ленька сообщить и про чешуйки, что обнаружил в траве под ветлой.

— Эх, ты, лебедянский Шерлок Холмс! — шутит Аверьян Лукич.— Чешую вода выплеснула.

Ленька не сдается, припирает Аверьяна Лукича фактами:

— В воде рыба не теряет чешую. Ежели о что-нибудь трется, тогда...

Смеется счетовод.

— Марш по домам! — приказывает.— Да никому не говорите про нашу засаду, а то засмеют.

Они возвращаются в Лебедянку опять теми же окольными стежками. Возле гумна нечаянно сталкиваются с парторгом колхоза Васильевым.

— Куда ты их водил в такую рань? — спрашивает он, здороваясь.

— Не я их водил, а они меня,— отвечает сердито Аверьян.— Отстегать бы чересседельником сорванцов, чтобы не булгачили.

Аверьян рассказывает парторгу все, что узнал от Леньки с Сережкой. Под конец не вытерпел, засмеялся:

— И я с ними всю ночь играл в сыщика...

Домой они возвращались, обиженные насмешками счетовода.

— Мы и сами поймаем...— решительно заявляет Ленька.— Давай каждую ночь караулить... Вот ежели б ружье нам...

Вечером Сережка и Ленька опять затаились в тальниковых кустах возле сгорбившейся ветлы. Лежат. Перешептываются. Изредка то один, то другой поглядывает на берег из-за куста.

В прибрежных зарослях — сонливая тишина. Ветер нынче не озорует: видно, заблудился где-то в камышовых джунглях, спит. Ни всплеска, ни шелеста.

Сережка (он чаще, чем Ленька, выглядывает из тайника) высунул лицо из краснотала и вдруг весь съежился, втянул голову в плечи, будто ударили его по самому темени.

— Глянь...— шепчет он, пятясь в глубь тайника.

Ленька приподнимает над глазами таловую ветку. Возле ветлы стоит таинственный человек в плаще. На голову опять накинут капюшон. Лица в темноте не видать. Когда он пришел на берег, ни Ленька, ни Сережка не слыхали. Появился внезапно, словно вылез из-под земли. Вот он присел на корточки, расправляет вентеря. Ставит их на прежних местах: один — под ветлой, дру-

гой — в куге. Привязал воровские снасти шнурами и исчез так же внезапно, как появился.

— Беги к Аверьяну,— приказывает Ленька,— а я вентеря буду караулить, чтоб он не переставил их в другое место.

Сережка смотрит на неподвижные кудлатые кусты, прикрытые черным пологом ночи. Молчит.

— Ступай,— торопит Ленька, толкая Сережку в бок локтем.

— Темь такая...— отзывается Сережка.— Не пойду...

— Ну, карауль вентеря! Я побегу...

Сережка не хочет и на берегу оставаться один. Ленька грозит надавать колотушек. Но и угроза не помогает. Сережка, видно, согласен принять от товарища тумаки, лишь бы не быть одному в такой страшный час...

А время идет. Уже погасли огни в Лебедянке. Молчит радиола. Притихли девичьи припевки. Только дед Силантий наяривает в свою деревянную стукалку возле амбаров.

Ленька выбирается из засады, бежит к селу напрямик — по капустным грядкам, по картофельной ботве. Сережка не отстает от него. Подкрались к избе счетовода, стучат в крайнее окошко. Долго никто не отзывается. Наконец створки распахнулись.

— Нам Аверьяна Лукича...— говорит вполголоса Ленька.

— Полуночники! — ворчит счетоводова жена.— Нет его. Вчера в район уехал да вот припоздал что-то...

Мальчишки топчутся возле окна. Что делать, не знают. Опять уйдет вор... И вдруг Леньке приходит в голову какая-то мысль. Он ничего не говорит Сережке, а дергает его за рукав:

— Айда...

Вскоре Ленька забарабанил в дверь парторговой избы. На крыльцо вышел сам Васильев.

— Пришел...— заикаясь от волнения, сообщает Ленька.

— Кто? — спрашивает Васильев, не догадываясь, о ком идет речь.

— Тот... В плаще... С вентерями...

Втроем они вышли на задворки и через колхозные огороды зашагали к пруду.

— Вы бы оружие взяли,— советует Сережка.

— А мы и так застукаем его,— говорит Васильев.— Только тише. Ни звука...

Когда добрались до ветлы, Ленька проверил, целы ли вентеря, не перенес ли их хитрый вор в камыши. Витые шнуры ползут по траве в воду. Значит, снасти тут.

Вор пришел за уловом перед зарей, когда темное небо на востоке затеплилось бледно-зеленым светом. Он вытряхнул рыбу из вентерей в корзину, накрыл сверху травой и начал связывать вентеря, присев на корточки возле ветлы. В эту минуту из кустов шагнул к нему Васильев. Выскочили из засады и Ленька с Сережкой.

— Ну, как улов, добытчик? — грозно спросил парторг.— Да ты не прячь лицо, не прячь! Чего башлык надвинул? Дождя нету...

Вор с испугу уронил вентеря на траву.

Васильев стащил с его головы капюшон, и мальчишки ахнули от изумления: перед ними стоял Аверьян Лукич. Его продолговатая лысина светилась в предрассветных сумерках, как ущербная луна. Стриженая бородка подергивалась, а широкие губы беззвучно шевелились. Он силился что-то сказать, но забыл, видно, от внезапного окрика.

В корзине под мокрой травой бились еще живые караси. Ленька раскрыл их. Рослые, пузатые, они стучали хвостами по корзине, посверкивая серебряной чешуей. Вместительная корзина до краев наполнена рыбой. Верхние караси, подпрыгивая, вываливаются в траву.

Васильев наклоняется над корзиной, берет одного, самого крупного карася в руки.

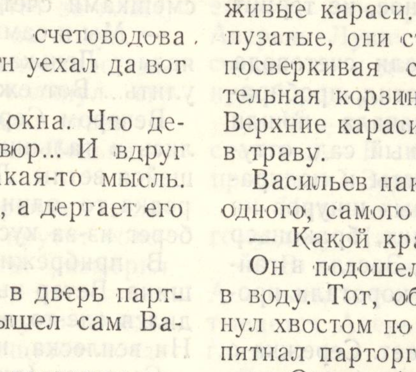
— Какой красавец вырос...

Он подошел к ветле, пустил карася в воду. Тот, обрадовавшись, звонко шлепнул хвостом по воде, крупными брызгами запятнал парторгову гимнастерку.

— Озорник!..— смеется Васильев.— Пустить бы всех в воду, но прокурору надо показать корзину... Ладно. Мы их потом на кухню, в детский сад отправим.

Васильев повернулся к счетоводу и потребовал, указывая на карасей:

— Неси! Вентеря тоже бери с собой!

ТРИ ТЕЗКИ, ТРИ НОВЫХ ДРУГА

Пока вы отдыхали на каникулах — загорали, купались, собирали грибы и ягоды, гоняли футбольный мяч, ходили в походы,— появился на свет ваш новый друг, журнал «Дружба». Вернее, это даже не один журнал, а целых три журнала-тезки. Название у них хотя и одно, но звучит у всех трех различно: «Амитье», «Фройндшафт», «Френдшип». Почему? Очень просто: три «Дружбы» выходят на трех разных языках: на французском, немецком и английском. Именно на тех языках, которые вы учите в школе. Цель журнала в том и заключается, чтобы помочь вам и сделать изучение иностранного языка еще более интересным.

На страницах «Дружбы» вы найдете стихи, рассказы, загадки, кроссворды, пословицы, народные сказки и легенды.

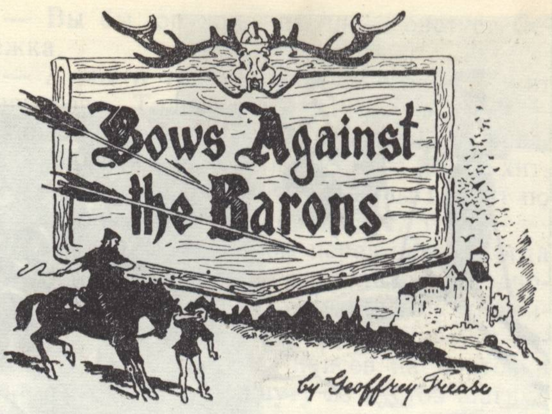
Может быть, вы думаете, что во всех трех журналах одно и то же содержание? Ничуть не бывало: содержание разное. «Фройндшафт» стремится познакомить вас и с немецкой художественной литературой, и с подлинным народным творчеством, и с жизнью страны. То же самое можно сказать о французском «Амитье» и об английском «Френдшип», но сказки, песни, пословицы они печатают французские и английские.

Читатели «Амитье» в первом же номере совершают прогулку по Парижу. «Френдшип»

ведет вас по улицам Лондона, показывая и Трафальгарскую площадь, и Вестминстерское аббатство, и древний Тауэр.

Немецкий журнал дает с продолжением повесть Анны Зегерс «Дочь делегатки» и путевые приключения кинорежиссера-путешественника, «накрутившего» на пленку всю Африку. В английском журнале вы найдете «Луки против баронов» — исторический роман Джеффри Триза о Робине Гуде и о борьбе английского народа против рыцарей-феодалов. Французский журнал с первого номера начал повесть Анри Алэна Фурнье «Большой Мольн», а со второго номера печатает научно-фантастический роман приключений «Тайна пернатого змея». Во всех трех журналах вы найдете материалы о национально-освободительной борьбе народов против гитлеризма, о героях этой борьбы: партизанах, летчиках, борцах Сопротивления — подпольщиках.

Просто жаль тех ребят, которые плохо учат иностранный язык у себя в школе и не сумеют из-за этого читать «Дружбу»! Но надо надеяться, что теперь-то они наверстают упущенное и станут читателями журнала, цель которого — быть им другом и помощником.

Дружба — хорошее слово и хорошее чувство. Не случайно передовые люди разных стран приветствуют появление на свет журнала «Дружба», видя в этом еще один шаг для укрепления дружбы советских ребят со своими зарубежными сверстниками.

Об этом пишет и смелый борец за мир, руководитель молодых коммунистов Франции Анри Мартен и секретарь ЦК английского комсомола Джон Мосс.

Из Австралии шлет привет «Дружбе» писатель Фрэнк Харди, из США — Митчел Уилсон, из Франции — Жан Лаффит, Пьер Куртад, из Германии — Вальтер Виктор, Алекс Веддинг.

«Дружба» с первых номеров оправдывает свое название. Дружите с «Дружбой»!

Amitié

УЧИТЕЛЬ. Существует четыре времени года: весна, лето, осень, зима... Жак, ты, кажется, не слушаешь? Встань и скажи, какое время следует выбирать, чтобы рвать яблоки?

ЖАК (без запинки). Когда фермер в доме, а собака на привязи.

◇

Велосипедист сбил пешехода и, помогая ему подняться, говорит:

— Счастье ваше, что это случилось сегодня, в мой выходной день. Ведь я водитель автобуса!

Freundschaft

— Правда ли, что крокодилы нападают на людей? — спросил господин Мюллер местного охотника.

— Да где там! Они совсем не прожорливые: по три месяца не едят.

— Значит, я могу, не опасаясь, выкупаться в Ниле?

— Конечно. Нужно только избегать крокодила, который уже три месяца не ел.

◇

ПЕТЕР. Сегодня я единственный из всего класса смог ответить.

ОТЕЦ. Что же спрашивал учитель?

ПЕТЕР. «Кто разбил окно?»

◇

Петер вернулся из школы.

— Как понравился тебе новый учитель? — спросила мать.

— Ничего, только нельзя полагаться на его слова. Сперва он сказал, что три плюс три будет шесть, а через минуту — что два плюс четыре будет шесть. Чему же я должен верить?

◇

Учитель дает на дом тему сочинения «Что такое лень?». На следующем уроке просматривает тетради. Берет тетрадку Франца. Первая страница — пусто. Вторая—то же. На третьей написано: «Это и есть лень».

◇

— Папа, ты умеешь ставить свою подпись с закрытыми глазами?

— Разумеется! А что?

— Надо расписаться в моем табеле.

◇

— Вы всегда так заикаетесь?

— Н-н-нет, т-только когда говорю.

Friendship

УЧИТЕЛЬ. Сколько ошибок ты сделал, Джемс?

ДЖЕМС. Одну.

УЧИТЕЛЬ. Но ведь ты только что сознался, что совсем не готовил урока!

ДЖЕМС. Это и есть ошибка, которую я сделал.

◇

УЧИТЕЛЬ. Бобби, тебе известно, что каждый мальчик в Соединенных Штатах имеет шанс стать президентом?

БОББИ. Да, но только не я! Я сейчас продал свой шанс Биллу за десять центов.

◇

Бедный человек пришел к миллионеру и так ярко стал описывать свою тяжелую жизнь, что миллионер почувствовал себя взволнованным и растроганным, как никогда. Он позвонил слуге:

— Джон, выставьте за дверь этого беднягу. Он разрывает мне сердце!

ПОДВИГ СЯО ЛУН-ТАЯ

Помните ли вы Жигана и Димку — героев повести Аркадия Гайдара «Р.В.С.»? Помните, как, рискуя жизнью, помогали они раненому командиру скрываться в полуразрушенном сарае от банды «зеленых»? Трудно и страшно было ребятам: ведь каждую минуту они могли попасться «зеленым», которые рыскали всюду по деревне, разыскивая исчезнувшего без следа раненого большевика. И все-таки ни Жиган, ни Димка не струсили, не отказались от благородного и опасного дела.

Не струсил, не растерялся и маленький Сяо Лун-тань, герой повести современного китайского писателя Чу Чэна «Тайна разрушенного храма». Найдя ночью на кунжутовом поле раненого партизана (дело происходит во время третьей гражданско-революционной войны в Китае в 1946—1949 годах), Сяо Лун-тань спрятал его в тайнике полуразрушенного деревенского храма. Находчивый и бесстрашный, он много дней тайком от всех носил раненому пищу, питье и лекарство.

Сяо Лун-таню пришлось много труднее, чем гайдаровским Димке и Жигану. Он был один и ни с кем не мог, да и не смел поделиться своей опасной тайной: ведь от его молчания зависела жизнь человека. И этим человеком был любимый учитель Сяо Лун-таня, Хуан, отважный борец за свободу китайского народа.

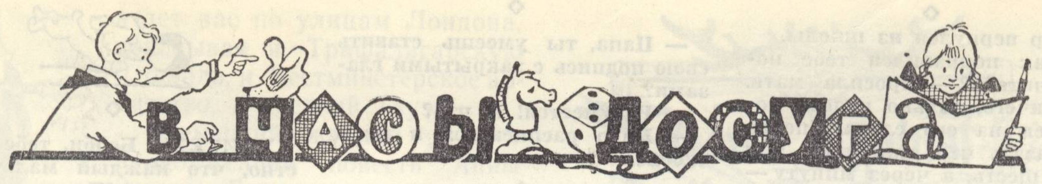
БЕГЛЕЦ

В маленьком индийском городке живет озорной и предприимчивый мальчик по имени Бхомбол. Бхомбол-предводитель — так зовут его мальчишки во всей округе. Ни одна ребячья проделка не обходится без него; всегда в таких случаях верховодит он ребятами своего квартала.

Однажды на базаре Бхомбол и его друзья увидели в волшебном фонаре морской бой. И, конечно, тут же было решено устроить сражение на реке, которая протекает возле города. Но где взять «боевые корабли»! Не долго думая, Бхомбол со своей командой отправился на пристань и завладел лодками, на которых рабочие лесного склада ежедневно переправляются на другой берег к месту работы. Лодки вышли на середину реки — и бой закипел! И тут случилась беда: одна из лодок перевернулась и утонула. «Команда» спаслась вплавь.

Бхомболу и другим ребятам угрожает суровое наказание. Рабочие лесного склада, выведенные из терпения постоянными проделками озорников, подали на них жалобу старосте квартала господину Чокроборта. Но главный обвиняемый — Бхомбол — бесследно исчез. Суд пришлось отложить.

Что же было с Бхомболом дальше! Прочтите книгу индийского писателя К. Митро «Бхомбол-предводитель», и вы все узнаете. Вы узнаете много интересного о прекрасной солнечной стране Индии, о жизни и обычаях индийских крестьян, о чудесной тропической природе, среди которой живут герои этой веселой книги.

КОГДА ЭТО БЫЛО?

События, описанные в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба», происходили в течение одного дня. Пользуясь репликами действующих лиц комедии, определите точно дату — год, месяц, число,— а также какой это был день — воскресный или будничный.

Составил А. Красников.

ВАНИН ПРОЕКТ

Итак, скоро мы начнем строить свой дом,— сказал однажды папа.— Совхоз выделил нам участок.

На другой день Ваня показал отцу чертеж.

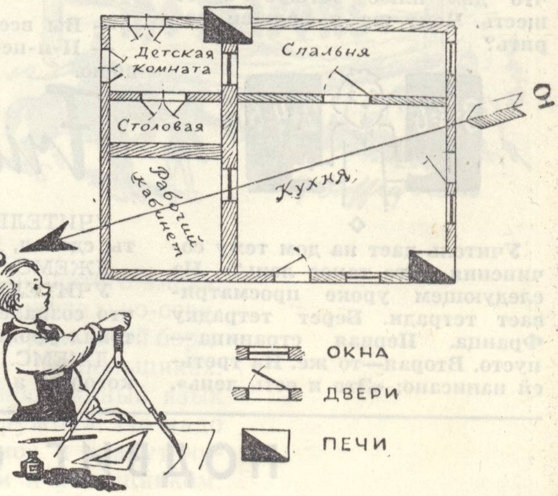
— Что это? — спросил папа.

— Я разработал проект нашего будущего дома,— сказал Ваня.— Как тебе нравится мое решение?

— Ну что ж, давай обсудим твой проект,— охотно согласился папа.— Должен, однако, тебе сказать, что ошибок и явных нелепостей в нем немало.

Мы предлагаем и нашим читателям принять участие в обсуждении проекта, разработанного Ваней, и сделать свои критические замечания.

Составил А. Скачинский.

СЕМЬ ГОРОДОВ

Географические анаграммы в картинках

Назовите предметы, изображенные на этих шести картинках. В каждом из названий переставьте буквы так, чтобы составилось

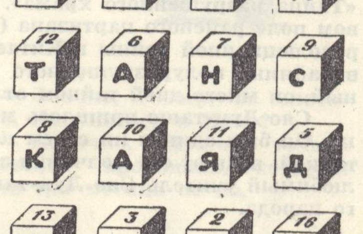
другое слово — название какого-либо советского города,— и впишите это слово в клеточный ряд, соответствующий номеру картинки. Выполнив это, вы прочитаете в выделенных клетках по вертикали название седьмого города — одного из крупнейших городов мира.

Составил С. Аюян.

ОТВЕТЫ на задачи, помещенные в № 8

Кубики

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Сумма чисел в любом ряду 34.

Решите эти примеры

1. $5 \times 8 = 40$.
2. $9 + 10 = 19$.

Необыкновенное путешествие

ЛЕНА — Сена — Суна — Сура — Кура — Кума — КАМА.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. Б., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор А. Ефимова.

А 03582. Подписано к печати 27/VIII 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 941. Зак. 1810.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

УВЛЕКАТЕЛЬНО И ПОЛЕЗНО СОБИРАТЬ КОЛЛЕКЦИИ ЦВЕТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОТКРЫТОК ПО РАЗНЫМ ТЕМАМ

ВСХВ. **Комплект открыток.** ИЗОГИЗ. 1958 г. Цена 1 р. 50 к.

ГЕРОИ ЛЮБИМЫХ КНИГ. Набор открыток в обложке. Изд-во «Советский художник». Цена 2 руб.

«КОНЕК-ГОРБУНОК» П. ЕРШОВА. Рисунки художника В. Куприянова. **Комплект из 10 открыток в цветной обложке.** Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«КОНЕК-ГОРБУНОК» П. ЕРШОВА. Рисунки художника В. Милашевского. **Набор открыток в обложке.** Издательство «Советский художник». 1958 г. Цена 2 р. 40 к.

«КОШКИН ДОМ» и **«ТЕРЕМОК»** С. МАРШАКА. Рисунки художника Ю. Васнецова. Изд-во «Советский художник». 1958 г. Цена 2 руб.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ» НОСОВА Н. Иллюстрации художника А. Лаптева. **Набор открыток в обложке.** Изогиз. 1958 г. Цена 3 р. 20 к.

ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ. Набор открыток в обложке. Изд-во «Советский художник». 1958 г. Цена 6 р. 40 к.

ФЕДОТОВ П. А. **Комплект открыток в обложке.** Изогиз. 1958 г. Цена 2 р. 70 к.

КОЧЕРГИН Н. М. **Иллюстрации к русским сказкам.** Набор открыток в обложке. Изд-во «Ленинградский художник». 1958 г. Цена 3 р. 20 к.

В магазинах Книготорга и потребительской кооперации всегда имеется большой выбор цветных художественных открыток. Магазины систематически пополняются новыми открытками — тоновыми и цветными.

Регулярно посещайте магазины и пополняйте свои альбомы.

СОЮЗКНИГА

Цена 2 р. 50 к.

РИСУНКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

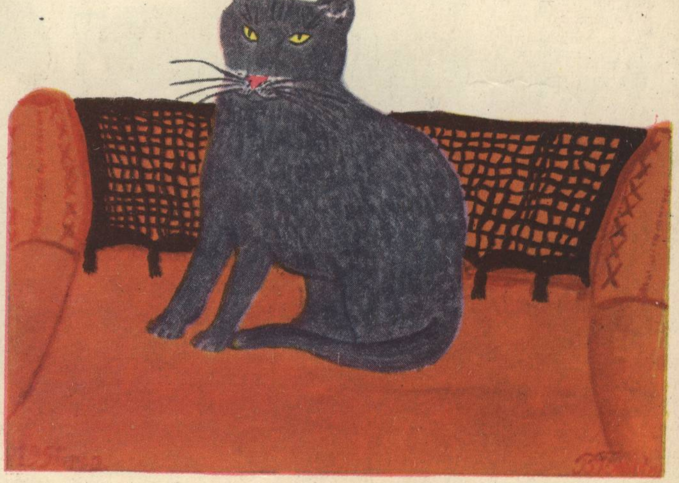

ПЕЙЗАЖ.

Рисунок Ирены Малечек,
Чехословакия.

УТРО. Рисунок Вани Колодина,
Азербайджанская ССР, Варташенский район.

КОТ.

Рисунок Вити Гранкина,
РСФСР, Белгородская область.